

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.К. АММОСОВА

№ 2 (5)
2022

ISSN 2782-6627

АЛТАИСТИКА

ALTAISTICS

Научный журнал

Сетевое издание

Издается с 2021 года

Журнал выходит 4 раза в год

16+

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

2 (05) 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор *А. Н. Николаев*, д. б. н.Заместитель главного редактора, редактор: *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.Выпускающий редактор *Л. Е. Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Дашиинимаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуксу*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав.кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *Такаши Осава*, PhD, проф. Университета Осака, факультета языков и культуры, кафедра языка и общества, курс азиатских и африканских исследований, Япония (по согласованию); *Г. Г. Торотоев*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *А. Е. Шамаева*, к. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГиИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию).

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvf.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© Северо-Восточный федеральный университет, 2022

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

2 (05) 2022

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences

Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences

Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastyrev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuvan University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *Takashi Osawa*, PhD, Professor, Asian and African Studies Course, Department of Language and Society, Faculty of Languages and Culture, University of Osaka (on agreement); *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *A. E. Shamaeva*, Candidate of Philological Sciences, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58

Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219

Phone: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

North-Eastern Federal University <https://altaisticsvfu.ru> ; <https://altaistika.elpub.ru/jour>

© The North-Eastern Federal University, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Ядрихинская С. И., Филиппов Г. Г.</i> Семантический анализ слов, образованных с аффиксом -һыт в якутском языке	5
<i>Скрябина А. А.</i> Архаизмы якутского языка в семантической структуре многозначных слов	17
<i>Гоголева С. Н.</i> Семантические категории фразеологических единиц в якутском и бурятском языках	27
<i>Былахырова Л. В., Собакина И. В.</i> Взаимовлияния якутского и русского языков на территории города Вилуйска Республики Саха (Якутия)	37

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

<i>Герасимова Е. С.</i> Перевод сказки с русского на якутский язык	49
<i>Филиппова А. А., Сивцева Нь. А.</i> Способы перевода гендерных стереотипов с якутского языка на русский язык (на материале олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох», Н.П. Бурнашева «Кыыс Дэбилэй»)	61

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ

<i>Торотоев Г. Г.</i> «Саамай хотугу урууна суругу» кэлимник чинчийэр эспэдииссийэ барыллаан түмүгэ=Предварительные итоги комплексной экспедиции по исследованию «самой северной рунической надписи»	71
--	----

CONTENT

YAKUT LINGUISTICS. RESEARCH IN TURKIC LANGUAGES

<i>Yadrikhinskaya S. I., Filippov G. G.</i> Semantic analysis of words formed with the affix -hyt in the Yakut language	5
<i>Skryabina A. A.</i> Archaisms of the Yakut language in the semantic structure of polysemous words	17
<i>Gogoleva S. N.</i> Semantic categories of phraseological units in the Yakut and Buryat languages	27
<i>Bylakhyrova L. V., Sobakina I. V.</i> Mutual influence of the Russian and Yakut languages in the territory of the town of Vilyuysk, Sakha Republic (Yakutia)	37

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION IN THE ALTAIC LANGUAGES

<i>Gerasimova E. S.</i> Translation of the fairy tale from Russian into Yakut	49
<i>Filippova A. A., Sivtseva N. A.</i> Translation transformations of gender stereotypes from the Yakut language into Russian: the case of the olonkho by Karataev «Mighty Er Sogotokh» and Burnashev's «Kyys Debiliye»	61

RESULTS OF FIELD TRIPS

<i>Torotoev G. G.</i> Preliminary results of a complex expedition to study «the northernmost runic inscription»	71
---	----

– ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

УДК 811.512.157'37

С. И. Ядрихинская, Г. Г. Филиппов

Семантический анализ слов, образованных с аффиксом -һыт в якутском языке

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Словообразование в якутском языкознании до сих пор является одним из недостаточно разработанных разделов. В области исследования русской словообразовательной системы фундаментальные научные работы были изданы В.В. Виноградовым, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, А.Н. Тихоновым, В.Н. Немченко, Н.М. Шанским и др.; в тюркологии – Н.А. Баскаковым, А.М. Щербаком, А.Н. Кононовым, Э.Р. Тенишевым, Э.В. Севортьяном, М.А. Хабичевым, Ф.А. Ганиевым и др.; в якутском языкознании – О.Н. Бетлингом, Л.Н. Харитоновым, Н.К. Антоновым, П.А. Слепцовым, И.Б. Ивановой и др. Аффикс *-һыт* в якутском языке довольно используемая словообразовательная форма, которая обозначает лицо или деятеля, для которого данный предмет (понятие) представляет объект его занятия или профессии, либо составляет его особую склонность, мастерство, сноровку, пристрастие. В данное время нет специального исследования аффикса на *-һыт*, поэтому назрела необходимость его комплексного изучения. Данная статья посвящена исследованию семантики слов, образованных с помощью словообразовательного аффикса на *-һыт*. Аффикс на *-һыт* широко используется в монгольских и тюркских языках и имеет аналогичные значения. Результат нашего исследования выявил, что 1) аффикс *-һыт* образует имена существительные со значением лица или деятеля, для которого данный предмет (понятие) представляет объект его занятия или профессии, либо составляет его особую склонность, мастерство, сноровку, пристрастие; 2) значение существительного складывается из лексического значения исходной основы и из значения словообразовательного аффикса *-һыт*; 3) в современном якутском языке наиболее богатым словообразовательным инвентарем для создания имен на *-һыт* являются именные основы; 4) словообразовательные возможности производящих основ зависят от их лексико-грамматических и структурно-семантических свойств именной и глагольной основы; 5) в зависимости от того, на какой звук заканчивается основа слова (на гласный или согласный), аффикс *-һыт* имеет 5 вариантов: *-һыт*, *-чыт*, *-сыт*, *-дьыт* и *-һыт*, по составу гласного имеет 4 вариации: *-һыт*, *-һут*, *-һүт*, *-һүт*; 6) из аффикса на *-һыт* в якутском языке образуются имена существительные следующих типов значений: имена, выражающие постоянное

ЯДРИХИНСКАЯ Сардана Ивановна – магистр кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

YADRIKHINSKAYA Sardana Ivanovna – Master-student of the Department of the Yakut Language, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич – д. филол. н., профессор, почетный директор Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: filippovgg@mail.ru

FILIPPOV Gavril Gavril'evich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Honorary Director, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

и временное занятие; имена, выражающие мастерство, умение, пристрастие; имена, выражающие морально-психический облик, черты и свойства характера; имена, обозначающие названия животных, растений; имена, показывающие пренебрежительное, недолголюбивое отношение к кому-либо; имена, обозначающие болезни и т.д.

Ключевые слова: словообразование, аффикс на *-һыт*, семантика, значение, якутский язык, тюркские языки, имена существительные, производные и непроизводные основы.

S. I. Yadrikhinskaya, G.G. Filippov

Semantic analysis of words formed with the affix *-hyt* in the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Word formation in Yakut linguistics is still one of the insufficiently developed sections. In the field of the study of the Russian word-formation system, fundamental scholarly works were published by V.V. Vinogradov, E.A. Zemskaya, E.S. Kubryakova, A.N. Tikhonov, V.N. Nemchenko, N.M. Shansky, etc.; in Turkology – by N.A. Baskakov, A.M. Shcherbak, A.N. Kononov, E.R. Tenishev, E.V. Sevortyan, M.A. Khabichev, F.A. Ganiev, etc.; in Yakut linguistics – by O. N. Böhtlingk, L.N. Kharitonov, N.K. Antonov, P.A. Sleptsov, I.B. Ivanova, etc. Affix *-hyt* (*-һыт*) in the Yakut language is a fairly used word-formation form, which denotes a person or figure for whom this subject (concept) represents the object of his occupation or profession, or constitutes his special inclination, skill, dexterity, predilection. At the moment there is no special study of the affix on *-hyt*, so there is a need for its comprehensive study. This article is devoted to the study of the semantics of words formed with the help of the word-formation affix on *-hyt*. This affix is widely used in Mongolian and Turkic languages and has similar meanings. The result of our research revealed that 1. affix *-hyt* forms nouns with the meaning of a person or figure for whom this subject (concept) represents the object of his occupation or profession, or constitutes his special inclination, skill, dexterity, predilection; 2. the meaning of a noun consists of the lexical meaning of the initial basis and the meaning of the word-formation affix *-hyt*; 3. in the modern Yakut language, the most rich word-formation inventory for creating names on *-hyt* are nominal bases; 4. the word-formation capabilities of the generating bases depend on their lexico-grammatical and structural-semantic properties of the nominal and verbal bases; 5. depending on which sound the base of the word ends with – a vowel or consonant, affix *-hyt* has 5 options: *-hyt*, *-chyt*, *-fed*, *-dyt* and *-nyt*, according to the composition of the vowel has 4 variations: *-hyt*, *-hut*, *-hut*, *-hit*; 6. from the affix on *-hyt* in the Yakut language, nouns of the following types of meanings are formed: names expressing permanent and temporary occupation; names expressing skill, skill, addiction; names expressing moral and psychological appearance, traits and character properties; names denoting the names of animals, plants; names showing a dismissive, disliking attitude to someone; names denoting diseases, etc.

Keywords: Word formation, affix with *-hyt*, semantics, meaning, Yakut language, Turkic languages, nouns, derivatives and involuntary bases.

Введение. Статья представляет собой первый опыт комплексного описания в лексико-семантическом аспекте словообразования именных основ, образованных с помощью аффиксов *-һыт*. Целью статьи является семантическое описание слов, образованных с помощью словообразовательного аффикса *-һыт* в якутском языке. Для достижения данной цели были определены общее количество слов, образованных аффиксом *-һыт* в якутском языке (на материале Большого толкового словаря якутского языка и Словаря якутского языка Э.К. Пекарского), морфологический состав аффикса *-һыт* в тюркских и монгольских языках. Также, выявлены основные значения аффикса *-һыт* в тюркских и монгольских языках, установлены зависимость семантики аффикса *-һыт* от типа основы имени, к которому он присоединяется; описаны лексико-семантические особенности словообразовательного аффикса *-һыт*.

Исследование проводилось с помощью метода словообразовательного анализа, который устанавливает характер и значения составляющих его морфем, их связей и соотношений друг с другом, а также между производной и производящей основами; метода структурного и семантического анализа, который раскрывает внутреннюю смысловую структуру слова, типы переноса значений и т.д. Также используется метод морфемного анализа для выявления морфемного устройства производного слова, метод компонентного анализа, который предполагает исследование семантической структуры существительных.

О соответствии якутского аффикса *-һыт* в других тюркских и монгольских языках

Якутский словообразовательный аффикс *-һыт* в других тюркских и монгольских языках соответствует к следующим аффиксам: Монгольский: *-ч*; *-чин*; Бурятский: *-ша* (*-шэ*; *-шо*); *-шан*; Калмыцкий: *-чи*; *-чжи*; Турецкий: *-сі* (*-сі*); *-си* (*-си*); *-сй* (*-сй*); Узбекский: *-чи*; Кумыкский: *-чы* (*-чи*, *-чу*, *-чү*); Башкирский: *-сы* (*-со*, *-сэ*, *-се*, *сө*); Алтайский: *-чы* (*-чи*) *-чит*; Хакасский: *-чы* (*-чи*, *-чы*); Тувинский: *-чы* (*-чи*, *-чу*, *-чү*), *-ча*, *-жы* (*-жи*, *-жу*, *-жү*); Шорский *-чы* (*-чи*, *-чу*, *-чү*).

В монгольском языке имена, обозначающие профессию или занятие образуются от существительных с помощью афф. *-ч(-ин)*: *тариач* 'крестьянин' (тариа 'посев, пашня'), *ажилч(ин)* 'рабочий' (*ажил* 'работа'). О.Н. Бетлингк полагал, что конечный *-т* в якутском аффиксе *-һыт* заимствован из монгольского языка. Очевидно, он думал, что в основе якутской формы тоже лежит *-ч* или *-чы*, наращенный конечным согласным. Однако данная гипотеза сначала была не принята В.В. Радловым, считавшим *-т* показателем принадлежности 3-го лица *-та*, а затем Ст. Калужинским, который в нем видел только внешнюю схожесть. Тем не менее А.А. Чеченов безоговорочно утверждает, что мнение О.Н. Бетлингка наиболее близко к истине [1, с. 9].

На этапе развития бурятского языка одному аффиксу *-чин* старописьменного монгольского языка соответствуют два аффикса: *-ша* (*-шэ*, *-шо*) и *-шан* (*-шэн*, *-шон*), например: *малша* (животновод) и *малишан* (пастух), *газарша* (проводник, путеводитель) и *газаршан* (хлебороб, земледелец), *алташа* (мастер золотых дел) и *алташан* (золотоискатель).

Подобный процесс дифференциации значения аффикса *-чин* на два аффикса *-ша* (*-шэ*, *-шо*) и *-шан* (*-шэн*, *-шон*) – с разным значением является положительным фактором в развитии языка. Такая дифференциация вносит точность и определенность в значения слов. Таким образом, полагают, что аффикс *-ша* является древнейшим аффиксом тюрко-монгольской группы языков, претерпевшим ряд фонетических изменений [2].

Аффикс *-ша* в тюрко-монгольских языках с древних времен стабилизировался как аффикс существительных, обозначающих имена деятелей (*nomen agentis*): а) по роду занятий, например: *газарша* (проводник) от *газар* (земля), *тэмсэлишэ* (борец) от *тэмсэл* (борьба), отошо (лекарь) от тюрк. (лекарство, лекарственные растения), *хударша* (книжник) от *худар* (священное писание, сутра); б) по морально-психическому облику, чертам и свойствам характера, например: *архинша* (пьяница) от *архин* (водка, вино), *билдууша* (лысiec, подхалим) от *билдуу* (лысцевый, угодливый), *алууриша* (убийца) от *алуур* (убийство).

Приведем имена существительные, образованные от глагольных производных именных основ (т.е. слова третичного образования): *аба* – (брат) – *абалга* (прием) – *абалгаша* (приемщик, сборщик, взяточник), *хаа* – (закрывать) – *хаалга* (ворота, дверь) – *хаалгаша* (привратник), *убэлжэ* – (зимовать) – *убэлжөө* (зимовка) – *убэлжөөшэ* (зимовщик).

Из вышеприведенных примеров видно, что аффикс *-ша* в словах, образованных как от предметных первичных именных основ, так и от глагольных производных именных основ, так и от глагольных производных предметных основ, выражает имена деятеля (*nomen*

agentis), профессию, склонность лица к чему-либо, специфические черты и особенности, имеющие постоянный характер. Изредка образует названия домашних животных, например: *хотошо* (дворняжка) от *хотон* (стойбище).

Варианты аффикса *-ша* бытуют во всех тюркских. Аффикс *-ша* имеет в бурятском языке не только вышеуказанные значения, но и обозначает предметы, например: *буланиша* (треугольный стол и полка, стоящая в углу юрты) от *булон* (угол), *хариша* (забор, плаха, бревно) от *хара* (черный), *хуриша* (стрела) от *хур* (ремень) [3, с. 16].

Аффикс *-шан*, присоединяясь к именным основам, обозначает различные профессии людей, приобретенные в определенном роде производственной деятельности, например: а) название лиц, занимающихся уходом за скотом: *гахайшан* (свинарь) от *гахай* (свинья), *орошон* (оленевода) от *оро* (олень); б) названия лиц, занятых в определенной отрасли ремесла или промышленности: *хүдэлмэришэн* (рабочий) от *хүдэлмэри* (работа); в) названия лиц, занятых использованием или применением сельскохозяйственных машин и оборудования: *сеялкэ-шэн* (сеяльщик) от *сеялка*; г) названия лиц, занимающиеся определенной отраслью охоты или добычи пушных зверей, или рыб: *булгашан* (охотник на соболей) от *булган* (соболя), *загаһашан* (рыбаки) от *загаһан* (рыба); д) названия лиц по их отношению к каким-либо предметам, которое определяют их характер, занятие или социальное положение: *улаашан* (ямщик, кучер) от *улаа* (подвода), *түлхюүришэн* (ключник) от *түлхюүр* (ключи).

В грамматиках по бурятскому и современному монгольскому языкам аффиксы *-ша* и *-шан* (бурятск.), *-чи* *-чин* (монгольск.) рассматриваются как единый аффикс, а некоторые бурятские языковеды считают *-ша* аффиксом только прилагательных [3, с. 17].

В тюркских языках аффикс *-һыт* соответствуют *-чы*, *-чи* с фонетическими вариантами: др.-тюрк. *балыкчы* 'рыбак', *тимирчи* 'кузнец', осм. *балыкчы* 'рыбак', *дэмирчи* 'кузнец', тув. *дагжы* 'горняк', *тубугжу* 'строитель' и т.п.

Как можно заметить, афф. *-чы*, *-чи* прибавляется к основе существительного [1, с. 9].

В «Древнетюркском словаре» аффикс *-чы* рассматривается как аффикс деятеля: *balıkcı* 'рыбак' (*balık* 'рыба'), *emci* 'врач, лекар' (*em* 'целительное средство'), *armakçı* 'обманщик' (*armak* 'обман')» [4].

В калмыцком языке через прибавление к окончаниям некоторых существительных имен наращения *-чи*, которое дает имени значение действующего лица, его звания, состояния, занятия и свойства, например: *төмөр* 'железо' – *төмөрчи* 'кузнец', *мал* 'рогатый скот' – *малчи* 'пастух рогатого скота', *заргу* 'судь, расправа' – *заргучи* 'судья', *такил* 'жертва' – *такилчи* 'жертвоприноситец или жертвоприготовитель', *худалдуга* или *худалда* 'торговля' – *худалдугачи* или *худалдачи* 'купец', *газар* 'земля' – *газарчи* 'путеводитель', *худал* 'ложь' – *худалчи* 'лжец'. В тюркском языке род существительных имен образуется через прибавление наращивания *чжи*, например: *юль* 'путь' – *юльчжи* 'путешественник', *этмек* 'хлеб' – *этмечжи* 'хлебник' [5, с. 30].

Сравнительный анализ производных существительных *=чы* (*=чыт*, *=чи*) в якутском, хакасском и турецком языках позволяет И.М. Таракановой сделать следующие выводы: 1) производные слова в рассматриваемых языках обозначали обусловленное лицо; 2) большая часть производных слов в турецком языке имеет словообразовательное значение 'той, кто изготавливает и продает изделия', наличие таких значений в структуре производных слов отражает специфику народа, жившего оседло и занимающегося торговлей (ср.: як. *балтаһыт* 'молотобоец' и тур. *baltacı* 'изготавливающий и продающий топоры' (*balta*, *baltı* 'топор'); 3) в некоторых производных словах якутского языка представлены специализированные значения: 'лицо, использующее специальное приспособление для ловли зверя и рыбы', 'лицо, охотящееся на обозначенный вид зверя / рыбы. Таким образом, в сло-

вообразовательных значениях существительных с аффиксом *=чы* (*=чыт*, *=çi*) содержится информация о национальном своебразии, укладе жизни разных народов, отражаемых в языках [6, с. 49].

Семантические границы аффикса *-чї* ~ *-чу* иногда становятся значительно шире указанных выше: первоначальные элементарные отношения уступают место более сложным, например, др.-тюрк. *борчї* не 'виноградарь' и не 'винодел', как следовало бы ожидать, а 'торговец вином', *тузабчї* не 'мастер, делающий силки', а 'птицелов', *јолчї* не 'путник', а 'проводник'. Ср. также: тур. *сўтчў*, узб. *сутчи*, уйг. *сўтчи* 'торговец молоком'; уйг. *кۆкчи* 'торговец овощами'.

Приблизительно такое же значение имеет аффикс *-чїн*, генетические связи которого с аффиксом *-чї* остаются невыясненными. Примечательно, что существительные с аффиксом *-чїн* в тюркских языках встречаются в виде исключения: др.-тюрк. *балїкчїн* 'птица, ловящая рыбу'. ср. башк. (диал.) *кўкрәксін* 'телогрейка', *бармаксін* 'чехол для пальца' [7, с. 104].

Есть аффикс *-ааччы* по семантике похожий на форму *-һыт*, тем самым, используется для обозначения деятельности, присущей носителю имени. В п.- монг. есть аффикс *-čīn* (*-čīn*), обозначающий профессию: *етсї* 'лекарь', *хонїсї* 'овчар' [8, с. 106].

Слова с афф. *-ааччы* часто выражают также значение признака (атрибутивного или предикативного) и переводятся на русский язык с помощью причастия настоящего времени. Это особенно заметно на отыменных глаголах, именная основа которых может принимать афф. *-һыт*, тоже обозначающий действующее лицо: *балыксыт* 'рыбак', *балыктааччы* 'ловящий рыбу, умеющий рыбачить'; *үлэһит* 'работник', *үлэлээччи* 'работающий, тот, кто работает'; *булчут* 'охотник' *бултааччы* 'занимающийся охотой' и т.д. [9, с. 118].

Лексико-семантическая классификация имен, образованных аффиксом на *-һыт*

Еще в прошлом веке русский семасиолог М.М. Покровский (1868-1942) обратил внимание на то, что «слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью», но соединяются в нашей душе независимо от нашего сознания в различные группы. Основанием для объединения слов в лексико-семантические группы служат словесные ассоциации, отражающие связи предметов в окружающем мире. В отличие от полисемии, которая характеризуется смысловой связью внутри значений одного слова, эти ассоциации возникают на основе смысловых связей между различными словами, в результате сопоставления, отождествления и различения их значений [10].

Языковое освоение предметов и явлений внешнего мира состоит не только в их наименовании, но и стремлении классифицировать. Структурирование словарного состава языка происходит на разных основаниях – собственно лингвистических и внеязыковых. Еще М.М. Покровский указывал на то, что в лексической системе языка существуют различные группы или «поля слов». Одни из них представляют собой внутриязыковые объединения («по сферам, представлений»), другие – объединения внеязыковые («по предметным областям»). Эти идеи М.М. Покровского получили развитие в современном языкознании при разработке вопроса семантической организации словарного состава языка, в частности, в теории семантических полей, лексико-семантических и тематических групп [11, с. 151].

Тематическая группа (ТГ) – это совокупность слов, объединенных на основе внеязыковой общности обозначаемых ими предметов или понятий [11, с. 15]. Основанием для выделения тематической группы является совокупность предметов или явлений внешнего мира, объединенных по определенному признаку и выраженных различными словами (ср., например, тематическую группу *корова*, объединяющую слова *бык*, *теленки*, *коровник*, *коровница*, *пастух*, *говядина* и т.д.) [12].

Лексико-семантической группой (ЛСГ) именуется самая обширная по количеству своих членов организация слов, которая объединена общим (базовым) семантическим компонентом. Семантический компонент включает в свой состав одну и ту же классему – сему принадлежности слова к определенной части речи и одни и те же лексограммемы-семы, обозначающие лексико-грамматические разряды этой части речи. К ЛСГ относятся, например, существительные, обозначающие «предметы комнатной обстановки» (*стол, стул, диван, шкаф, посуда, ковер, холодильник, телевизор*), прилагательные со значением «физическая характеристика человека» (*высокий, худой, толстый, красивый, старый, неуклюжий*), глаголы «зрительного восприятия» (*смотреть, глядеть, созерцать, любоваться, взглядывать, смотреть, высматривать*) и т.д. [12].

Об аффиксах имен существительных лингвисты (В.А. Богородицкий, В.В. Виноградов) говорят, что они играют классифицирующую роль, т.е. предметы при их посредстве распределяются по категориям лица, орудия, места, отвлеченности, собирательности, единичности и т.д. Эта классифицирующая роль аффикса основывается на его абстрагирующем характере: конкретные понятия, выраженные отдельными аффиксальными производными, подводятся аффиксом под обобщающее понятие; причем для данного словообразовательного типа важно именно это обобщающее понятие и несущественны частные, конкретные понятия, выраженные отдельными производными с этим аффиксом.

Абстрагирующая роль аффикса позволяет упорядочивать словарный состав, облегчая выделение в нем различных лексико-семантических, лексико-грамматических и грамматических группировок, способствует систематизации словопроизводства, которое благодаря этому не является случайным, так как новые слова воспроизводятся по определенным образцам [10].

В Большом толковом словаре якутского языка найдено всего 381 производных слов, образованных аффиксом на *-һыт* (*-сыт, -чыт, -дьыт, -һыт*). Все они имена существительные, выражающие значение лица или предметности.

Круг понятий, выраженных этим аффиксом широк и разнообразен. Мы сделали следующую семантическую группировку слов, образованных аффиксом на *-һыт*:

1. Имена, выражающие постоянное и временное занятие, мастерство или особую сноровку занимает самую большую часть: *ахсаанньыт* '1. тот, кто считает количество чего-л.; тот, кто ведет счет; 2. тот, кто способен к устному счету; способен легко и быстро решать математические задачи'; *баабыскаһыт* '1. женщина, умеющая оказывать помощь при родах; повивальная бабка, повитуха; 2. относящийся к акушерству, повивальный'; *балтаһыт* 'молотобоец'; *баранаһыт* 'тот, кто боронит (работает бороной)'; *кырааскаһыт* 'красильщик, маляр', *һьээнкэһит* 'работающий няней, нянкой', *сокуонньут* 'законовед', *суотчут* 'счетовод', *тылбаасчыт* 'переводчик', *урбаанньыт* 'человек, занимающийся торговлей, предприниматель, бизнесмен', *харабылдьыт* 'сторож, караульный, охранник', *хаһыатчыт* 'сотрудник редакции какой-л. газеты, журналист, пишущий для какой-л. газеты, газетчик'.

2. Имена, выражающие морально-психический облик, черты и свойства характера человека: *албынньыт* '1. обманщик, лжец; хитрец, лстец, оболститель, 2. демагог', *атаанньыт* 'тот, кто имеет привычку зажимать, затирать'; *бутуурдьут* 'смутьян, сеятель смуты, раздора', *кырдьыксыт* '1. человек, говорящий только правду; правдивый человек, правдалюб, 2. правдивый, честный (о человеке)'.

3. Имена тех, кто занимается определенной отраслью охоты или добычи пушных зверей: *андаатардьыт* 'охотник на ондатру', *андыһыт* '1. тот, кто специально охотится на турпана', *бөрөһүт* 'охотник на волков, 2. научившийся охотиться, с опытом охоты на волков', *булуһут* 'охотник'.

4. Имена тех, кто пользуется орудиями охоты для добывания пушных зверей: *айаһыт* 'охотник, 'добывающий зверя луком-самострелом', *маамыктаһыт* 'тот, кто ловит оленя арканом', *сааһыт* '1. охотник на уток с ружьем, 2. умелый в ружейной охоте на уток'.

5. Имена тех, кто занимается рыболовством: *балыксыт* '1. рыболов, рыбак, 2. человек, основное занятие которого рыболовство, профессиональный рыбак; 3. рыбацкий, рыболовецкий'; *туһахчыт* 'человек, который охотится на животных с помощью силков'; *сыалыһардьыт* 'рыболов, который занимается ловлей налимов'.

6. Имена тех, кто пользуется орудиями для ловли рыбы: *бэчимэһит* 'бечевщик; бурлак', *илимныт* 'рыбак, ловящий сетью', *куйуурдьыт* 'рыбак, рыболов (ловящий рыбу саком)'.

7. Имена, обозначающие названия животных, птиц, насекомых: *буурбаһыт* 'буревестник'; *долохоһоһут* 'дневная бабочка с белыми в черных жилках крыльями, вредитель плодовых культур, боярышница', *тангасчыт* 'домашнее животное, имеющее привычку жевать и обсасывать одежду'.

8. Имена, связанные с культурой и обычаями народа саха: *айхалдьыт* 'тот, кто произносит «айхал!»; поющий славу, тот, кто поет, слагает гимны, поэт'; *изйиэхсит* 'общее название богинь, покровительствующих людям, конному и рогатому скоту, собакам', *кэпсээнныт* '1. хороший, умелый рассказчик, 2. писатель-прозаик, пишущий рассказы'; *хаанньыт* 'народный целитель, использующий метод кровопускания'.

9. Имена тех, кто играет в разные настольные игры: *бырыһыт* 'игрок в три листа', *дуобатчыт* 'игрок в шашки, шашист', *лотуоһут* 'увлекающийся игрой в лото; хорошо играющий в лото, везучий'.

10. Имена тех, у кого имеются плохие привычки: *арыгыһыт* 'пьяница', *табахсыт* 'курильщик', *умнаһыт* 'нищий, попрошайка, нищий, оставшийся без средств к существованию, живущий подаяниями'.

11. Имена, обозначающие болезни, в большинстве случаев, это болезни крупного рогатого скота: *атахсыт* 'заразное заболевание парнокопытных животных (напр., оленей, крупного рогатого скота), некробактериоз'; *күөмэйдьыт* 'скарлатина, дифтерит (болезнь горла у лошадей и рогатого скота)'; *тынгырахсыт* '1. воспаление, нагноение мягких тканей пальца под ногтем, 2. копытная болезнь у животных, копытница'.

12. Имена, обозначающие названия растений: *кутаһыт* 'болотник, водяная звездочка', *сахсырбаһыт* 'небольшое хищное растение с узкими длинными листьями, рослист', *таалдьыт* 'костенец'.

13. Имена, обозначающие предметы быта: *илдьыт* '1. извещение, сообщение, поручение, передаваемое устно через кого-л., 2. вестник, гонец, 3. предвестник чего-л. (в притяж. форме)', *тылдьыт* 'словарь'.

14. Имена тех, кто занимается готовкой (хлебобулочных, цельномолочных продовольствий): *арыһыт* 'маслодел', *хайахсыт* 'человек, который занимается приготовлением хаяка, мастер-изготовитель хаяка', *килиэпчит* 'пекарь'.

15. Имена тех, кто занимается или увлекается каким-либо видом спорта: *кылыһыт* 'спортсмен по прыжкам на одной ноге (национальный вид спорта)', *охчут* 'стрелок из лука, лучник', *хайыһардьыт* 'спортсмен, занимающийся лыжным спортом; тот, кто ходит на лыжах, лыжник'.

16. Имена тех, кто занимается гаданием, предсказанием судьбы: *билгэһит* 'предсказатель чего-л. по приметам, знаток примет'; *көрбүөһүт* 'человек, способный предвидеть будущее, провидец', *сэрэбиэйдьыт* гадалка, 'ворожея'.

17. Имена тех, кто занимается разведением домашнего скота, также уходом за ними: *атчыт* 'человек, умеющий кастрировать животных'; *сүөсүһүт* 'человек, ухаживающий за скотом (напр. скотник, доярка, пастух, телятница); *сылгыһыт* 'табунщик'.

18. Имена тех, кто увлекается чем-то, имеет любимое занятие: *барабаанныт* 'барабанщик'; *добуһуолдьут* прислуга; '1. человек, сопровождающий устроителя обряда, церемонии, 2. аккомпаниатор'; *олонхоһут* 'олонхосут, исполнитель олонхо'.

19. Имена тех, кто выказывает пренебрежительное, недолголюбивающее отношение к кому-либо: *дьаһайыхсыт* 'несостоятельный, немощный руководитель'; *киириэхсит* 'нежданный, незванный посетитель'; *одууһут* 'любитель осуждать, порицать'.

20. Имена тех, кто участвует в войне: *атаакаһыт* 'любитель атаковать'; *сэриһит* 'воин, солдат, боец'; *тоһуурдьут* 'человек, который сидит в засаде, человек, встречающий свадебный поезд'.

21. Имена тех, кто занимается лечением разных болезней: *илбиһит* 'человек, умеющий лечить разминанием, растиранием, овладевший искусством народного массажа', *отоһут* 'якутский народный лекарь, костоправ', *туённьут* 'специалист по прижиганию трутом, моксой'.

22. Имена тех, кто работает в сенокосе: *бугулдьут* 'человек, который складывает валки сена в копны', *кыдамаһыт* 'стоговальщик сена', *отчут* 'сенокосчик, лучший на сенокосе, умелый (о работнике)'.

23. Имена тех, кто занимается домашними делами, исполняет поручения: *дьөһүөлдүүт* 'слуга, посыльный, прислужник, помощник', *асчыт* '1. повар, повариха, 2. человек, умеющий готовить еду'.

24. Имена тех, кто занимается собиранием или добыванием какого-либо объекта: *алмаасчыт* 'алмазодобытчик, рабочий алмазной промышленности', *дьэдьэньит* 'тот, кто собирает землянику', *тэллэйдьит* 'грибник'.

25. Имена тех, кто занимается изготовлением чего-либо: *иһитчит* 'тот, кто делает посуду (в старину: тот, кто занимался изготовлением берестяной посуды)'; *муосчут* 'косторез'; *сигэһит* 'человек, умеющий изготавливать тальниковые ремешки и хорошо ими пользующийся'.

26. Имена тех, кто занимается воровством, кражей: *былдьыхсыт* 'насильник, грабитель'; *талаанныт* '1. грабитель, разбойник, 2. тот, кто вооруженным путем нападает на чужую территорию с целью захвата, грабежа, разорения, грабитель'; *хармаанныт* 'вор-карманник'.

27. Имена, обозначающие группы лиц по роду их занятий и людей с признаком обладания чем-либо: *бэдэрээтчит* 'подрядчик'; *донуосчут* 'доносчик'; *дуруускаһыт* 'тот, кто хлопочет о заключении брака, ведет переговоры с родными девушки (обычно постороннее лицо), сват, сваха'; *дьиэһит* 'человек, выполняющий домашнюю работу, ведущий домашнее хозяйство'; *чинчиһит* 'исследователь'; *ыраһыт* 'человек, который предается мечтам, склонен к мечтательности, мечтатель'.

28. Имена лиц, выражающих временное состояние или занятие: *айанныт* 'путник, путешественник'; *дакылаатчыт* 'докладчик'; *куоратчыт* '1. человек, отправляющийся в город, 2. сельский житель, который ездит в город за товаром (и перепродает его с наценкой)', *мунньахсыт* 'участник собрания'.

Семантическая классификация группирует слова, образованные аффиксом на *-һыт* по способу модификации и типу переосмысления производящей основы т.е. по виду деятельности субъекта действия. Аффикс на *-һыт* присоединяется только к таким основам, которые соответствуют историческому социальному, хозяйственному, культурному и психолого-нравственному развитию якутского народа, его ментальности и модифицирует их соответственно этому опыту, способствует переосмыслению семантики основы слова к которым присоединяется. Основы к которым может присоединиться аффикс на *-һыт*

ограничивается историческим опытом якутского народа. Поэтому основы образованные аффиксом на *-һыт* представляют собой освоенные и усвоенные его жизненным опытом.

Нами выделены следующие семантически освоенные аффиксом на *-һыт* слова в якутском языке:

1. Вид деятельности, уход за домашним скотом: *сылгыһыт, табаһыт, ынахсыт, ныр-рэйдыт, сүөсүһүт, тарбыйахсыт*.
2. Вид деятельности, занятие собирательством: *отонньут, моонньоҕонньут, сугун-ньут, хаптаҕасчыт, дьэдьээнньит, тэллэйдьит*.
3. Вид деятельности, охота: *булчут, кусчут, эсэһит, тайахсыт, тиргэһит, илимньит, мунхаһыт, сохсоһут, туһахчыт, андыһыт, хаасчыт*.
4. Вид деятельности, рыболовство: *балыксыт, собоһут, сыалыһардьыт, хатыысчыт, быһыччыт, нырыһыт, анныһыт, , тордохчут, илимньит, мунхаһыт, самахчыт*.
5. Вид деятельности, занятие разными играми: *хаамыскаһыт, хаартыһыт, бырыһыт, баарысчыт, дуомаччыт, саахымаччыт, ыстангаһыт, хапсаҕайдьыт, лотуоһут*.
6. Вид деятельности, ремесла и добывание ресурсов: *көмүсчүт, алтанныт, сыар-баһыт, ыллыксыт, алмаасчыт*.
7. Вид деятельности, воровство: *кыраһыт, бытархайдьыт*.
8. Вид деятельности, искусная деятельность: *кэпсээнньит, олонхоһут, ырыаһыт, то-йуксут, хомусчут, чабырбахсыт, үгэһит*.
9. Вид деятельности, стряпание: *асчыт, лэппиэскэһит, буулкаһыт, миинньит, быраа-гаһыт*.
10. Вид деятельности, сватовство: *дуруускаһыт, арыалдьыт, тоһулдьут*.
11. Вид деятельности, приготовление разных продуктов: *хайахсыт, арыһыт, сүөгэй-дьит, суоратчыт, кымысчыт*.
12. Вид деятельности, разделка мясных и рыбных продуктов: *этчит, исчит* (ис ыры-тааччы), *хаанньит* (хаан кутааччы), *сымаһыт, барчаһыт, түөсчүт*.
13. Вид деятельности, вредная деятельность: *аргыһыт, хаартыһыт, пиибэһит, табах-сыт*.
14. Вид деятельности, уборка и присмотр за хозяйством: *дьиэһит, хотонньут, тарбы-йахсыт, оҕоһут, ньээнкэһит*.
15. Вид деятельности, изготовление одежды и утвари: *имиһит, хамыйахсыт, илим-ньит, тууһут, дьааһыксыт, күрдьэхсит, кыраабылдьыт, сыарбаһыт, мунхаһыт, тууһут*.
16. Вид деятельности, рукоделие: *быысыбайдьыт, курусубаһыт*.
17. Вид деятельности, приготовление кормов для животных: *оччут, былахсыт, сиилэс-чит, көөнньөрбөһүт*.
18. Вид деятельности, строительство и ремесло: *оһохчут, бүтэйдьит, быһыччыт, муостаһыт, сарайдьыт*.
19. Вид деятельности, огородничество и растениеводство: *оһуруочут, паардьыт, сухаһыт, баранаһыт, сизэйлэһит, хаппыыстаһыт*.
20. Вид деятельности, профессиональная деятельность: *суруксут, хаһыаччыт, ыскы-лаатчыт, сүбэһит, үлэһит, күлүүсчүт*.
21. Вид деятельности, наблюдение: *маныһыт*.
22. Вид деятельности, искусное умение своим делом: *ууһут, сааһыт, ырыаһыт, булчут, кырдьыксыт, сымыйаһыт, сыарбаһыт, бадаранньыт, дулбаһыт, үнкүүһүт, күрүүһүт*.
23. Вид деятельности, специальное занятие: *нырыһыт, кыдамаһыт, түсчүт, самах-чыт, ортоһут, волокушаһыт, маахардьыт, быһыччыт*.

24. Вид деятельности, связанный с насилием: *сэришһит, талаанһыт, талабырдьыт, күнүүһүт, өһүөмдүүт, өһөрүөхсүт, өлөрүөхсүт*.

25. Вид деятельности, связанный с передвижением: *айанһыт, куоратчыт, лаамыһыт, бэрэбиэсчит*.

26. Вид деятельности, связанный с изучением следа и ориентировкой на местности: *суолдүүт, сонордүүт, сирдүүт, тыаһыт*.

27. Вид деятельности, связанный с лечением: *отолуһут, эмчит, хаанһыт, илбиһиһит, түөннүүт*.

28. Вид деятельности, связанный с культом: *арчыһыт, алгысчыт, айыыһыт, изийэхсит, араначчыһыт, арыалдьыт*.

29. Вид деятельности, связанный с плохим характером: *дойбохсүт, куолуһут, күнүүһүт, кириитикэһит, одууһут, маатыраһыт*.

30. Вид деятельности, связанный с рачительными качествами: *кэмчиһит, хаһаасчыт, харысчыт*.

31. Вид деятельности, связанный с наблюдением, проверкой: *боруобаһыт, бэрэбиэркэһит, кэрэһит, мэктиэһит, кэтэмэбэйдүүт, дүүлдүүт*.

32. Вид деятельности, связанный с перевозкой: *таһаҕасчыт, бэдэрээччит, тардыһыт*.

33. Вид деятельности, связанный с гостеприимством: *мааныһыт, күндүһүт*.

34. Слова, переосмысленные как виды болезней: *атахсыт, туйахсыт, күөмэйдүүт, кэнгэриһиһит*.

35. Слова переосмысленные в название насекомых, птиц и животных: *буурбаһыт, буччут, балыксыт, чыычаахсыт, кымырдаҕасчыт*.

Заключение. Аффикс на *-һыт* продуктивный живой аффикс имяобразования от именных основ, главным образом, выражающий имя деятеля семантически соответствующее значению на которой примыкает аффикс. Например, *кусчут* – охотник на уток, *балыксыт* – ловец рыб.

Значения слов, образованных аффиксом на *-һыт* иногда имеют адъективную семантику: *күнүүһүт* – ревнивый, ревнивец, *асчыт* – умеющий готовить пищу, повар, *ууһут* – умеющий плавать, работник флота, *үлэһит* – трудолюбивый, трудяга, работник. Такие слова сначала имеют два значения: имени и прилагательного, какой из них первичный – трудно определить.

Аффиксы на *-һыт* присоединяются и первичным именным основам и вторичным основам, отглагольным именам, причастиям и прилагательным. Значения слов, образованных от подобных основ разные: *өлүөхсүт* – умерший; *өлөрүөхсүт* – убивший, душегуб; *сиэхсит* – душегуб; *сымыйаһыт* – лгун, лжец; *атыыһыт* – продающий, продавец; *айыыһыт* – верующий в айыы, творец. Так проведенный структурно-семантический анализ показал то, что некоторые вновь образованные основы на которых присоединяется аффикс на *-һыт* имеют семантическую окраску в зависимости от грамматической структуры.

Лексико-семантическая классификация имен, образованных аффиксом на *-һыт* представляет собой два вида группировки производных основ данным аффиксом: первую группировку составляют классификация основ с аффиксом на *-һыт* по тематическому признаку; вторая группировка – это чисто семантический анализ производных основ с аффиксом на *-һыт*.

Семантическая классификация группирует слова, образованные аффиксом на *-һыт* по способу модификации и типу переосмысления производящей основы т.е. по виду деятельности субъекта действия. Аффикс на *-һыт* присоединяется только к таким основам, которые соответствуют историческому социальному, хозяйственному, культурному и нрав-

ственному развитию якутского народа и его ментальности и модифицирует их соответственно этому опыту, способствует переосмыслению семантики основы слова к которым присоединяется. Основы, к которым может присоединиться аффикс на *-һыт*, ограничиваются историческим опытом якутского народа. Поэтому основы, образованные аффиксом на *-һыт* представляют собой освоенные и усвоенные его жизненным опытом. Нами выделены 35 семантических групп в якутском языке.

Если углубленно рассмотреть значения образованных основ, то можно заметить, что они отличаются по типу деятельности субъекта действия: – *куоратчыт* – идущий в город; *отонньут* – собиратель ягод; *сылгыһыт* – пасущий лошадей табунщик; *табахсыт* – курильщик табака и т.д. Таким образом, по этим признакам можно сделать семантическую классификацию.

Значения основ, образованных аффиксом на *-һыт* зависит в какой-то мере от истории развития и менталитета народа саха, которые можно установить только в сравнении с фактами других тюркских языков. Например, *сирдьит* в якутском языке «указывающий путь, знающий местность» от него образован «вождь». В алтайском, в турецком – *суолдьут*, в якутском «следопыт», в турецком «путник, путешественник». В монгольском слово, образованное от *хотон* «двор, дом» – *хотошо* имеет значение «дворняжка (собака)», а в якутском *хотон* – «хлев» – *хотонньут* имеет значение «скотник».

Таким образом, значения производных основ зависит не только от аффикса на *-һыт*, но, видимо, и от других словообразовательных аффиксов: во-первых, от лексико-семантического значения основы слова; во-вторых, от модифицирующей роли структурно-семантической канвы основы слова; в-третьих, от истории развития и менталитета народа, которые способствовали переосмыслению семантики основы слова.

Мотивация и переосмысление значения слова зависит от семантики производящей основы, но в то же время некоторые значения слов не исходят от привычных традиционных семантических мотиваций имен, а производятся от исключительных свойств или качеств объекта. Так, производное значение от слова *куба* «лебедь» *кубаһыт* должно было «охотник за лебедью», как *кусчут*, *булчут*, а на самом деле становится «кричащий как лебедь». Или слово *тарбыяхсыт* «телятник» переосмысливается в «дух, дарующий телят, напускающий их болезни», а слово *атахсыт* в «болезнь ног для копытных». Слово *булчут* «охотник» обозначает название вида уток «луток».

Основная семантика аффикса на *-һыт* «вид деятельности лица или субъекта», которое превращается в название лица, его профессии, рода деятельности.

Литература

1. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Н: Наука, 2014. – 248 с.
2. Санжеев Г. Сравнительная грамматика монгольских языков. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 240 с.
3. Дондуков У-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. – 246 с.
4. Харитонов Л. Н. Современный якутский язык. Фонетика и морфология / Под ред. действ. чл. Акад. пед. наук проф. Н. К. Дмитриева. – Якутск: Гос. изд-во ЯАССР, 1947. – 313 с.
5. Попов А. В. Грамматика калмыцкого языка. – Казань: Казанск. ун-т, 1847. – 392 с.
6. Тараканова И.М. Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте). – Абакан: Хакаское кн. изд-во, 2008. – 174 с.
7. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков : (Имя). – Л.: Наука, 1977. – 191 с.
8. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 196 с.

9. Грамматика современного литературного языка. (Фонетика и морфология). – М.: Наука, 1982. – 504 с.
10. Лексико-семантические группы слов в названиях точек обслуживания. – Тольятти, 2010. – 24 с.
11. Вендина Т.И. Введение в языкознание: учебное пособие для студентов педагогических вузов по специальности 032900 – Русский язык и литература / Т. И. Вендина. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2005. – 388 с.
12. Каримова Н.И. Лексико-семантическая классификация некоторых групп глаголов в русском и таджикском языках в сопоставительном плане : Авт.реф. дисс. канд. филол. наук. – Душанбе: Рос.-тадж. славян. ун-т, 2006. – 23 с.

Словари:

1. Большой толковый словарь якутского языка. Т. 1-15.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 682 с.
3. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. I-III т.
4. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюрк. и межтюрк. лекс. основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
5. Словарь русского языка/ под ред. Ожегова. – М., 1984. – 814 с.

References

1. Ivanov S.A. Morfologicheskie osobennosti govorov jakutskogo jazyka. – N: Nauka, 2014. – 248 s.
2. Sanzheev G. Sravnitel'naja grammatika mongol'skih jazykov. – M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953. – 240 s.
3. Dondukov U-Zh. Sh. Affiksali'noe slovoobrazovanie chastej rechi v burjatskom jazyke. – Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1964. – 246 s.
4. Haritonov L. N. Sovremennyy jakutskij jazyk. Fonetika i morfologija / Pod red. dejstv. chl. Akad. ped. nauk prof. N. K. Dmitrieva. – Jakutsk: Gos. Izd-vo JaASSR, 1947. – 313 s.
5. Popov A. V. Grammatika kalmyckogo jazyka. – Kazan': Kazansk. un-t, 1847. – 392 s.
6. Tarakanova I.M. Slovoobrazovanie imen sushhestvitel'nyh v hakasskom jazyke (v sopostavitel'nom aspekte). – Abakan: Hakasskoe kn. izd-vo, 2008. – 174 s.
7. Shherbak A. M. Oчерки po sravnitel'noj morfologii tjurkskih jazykov : (Imja). – L.: Nauka, 1977. – 191 s.
8. Poppe N.N. Grammatika pis'menno-mongol'skogo jazyka. – M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1937. – 196 s.
9. Grammatika sovremennogo literaturnogo jazyka. (Fonetika i morfologija). – M.: Nauka, 1982. – 504 s.
10. Leksiko-semanticheskie gruppy slov v nazvaniyah toček obsluzhivaniya. – Tol'jatti, 2010. – 24 s.
11. Vendina T.I. Vvedenie v jazykoznanie: uchebnoe posobie dlja studentov pedagogičeskikh vuzov po special'nosti 032900 – Russkij jazyk i literatura / T. I. Vendina. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – M.: Vysshaja shkola, 2005. – 388 s.
12. Karimova N.I. Leksiko-semanticheskaja klassifikacija nekotoryh grupp glagolov v russkom i tadzhikskom jazykah v sopostavitel'nom plane : Avt.ref. diss. kand. filol. nauk. – Dushanbe: Ros.-tadzh. slavjan. un-t, 2006. – 23 s.

Dictionaries

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka. T. 1-15.
2. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. – M.: Sov. jencikl., 1990. – 682 s.
3. Pekarskij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka. I-III t.
4. Sevortjan Je. V. Jetimologičeskij slovar' tjurkskih jazykov: obshhetjurk. i mezhtjurk. leks. osnovy na glasnnye. – M.: Nauka, 1974. – 767 s.
5. Slovar' russkogo jazyka/ pod red. Ozhegova. – M., 1984. – 814 s.

А. А. Скрябина

Архаизмы якутского языка в семантической структуре многозначных слов

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются архаизмы в семантической структуре многозначных слов. Цель статьи – выявить из лексикографических источников якутского языка многозначные слова, семантический объем которых изменился с течением времени, классифицировать многозначные слова, имеющие в своем составе архаизмы, в модели по количеству приобретенных и устаревших значений. Для достижения намеченной цели поставлены следующие задачи: выявить из «Большого толкового словаря якутского языка» под редакцией П.А. Слепцова многозначные слова, в составе которых имеются архаизмы, сравнить их со значениями слов, зафиксированных в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского, в «Кратком толковом словаре якутского языка» под редакцией П.С. Афанасьева, классифицировать многозначные слова в модели по количеству приобретенных и устаревших значений. Использованы следующие методы исследования: описательный метод, метод сплошной выборки, метод компонентного анализа, метод анализа словарных дефиниций. Необходимость исследования архаизмов обусловлена лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Лексика любого языка постоянно меняется, в процессе исторического развития происходят семантические преобразования слова: утрачиваются старые значения и приобретаются новые. Изучение архаизмов дает возможность реконструировать фрагменты материальной и духовной культуры народа, их жизненный уклад. В результате анализа многозначных слов выявлены следующие модели: 1. многозначное слово полностью утратило значение и приобрело новое; 2. многозначное слово приобрело новые значения в дополнение к имеющимся значениям; 3. многозначное слово частично утратило значения, сохранило ряд значений и приобрело новые значения. Выявлено, что в большинстве случаев многозначное слово испытывает изменения в связи с появлением у слова переносного значения, что произошло со словами *кэргэн*, *айа*, *кылыс*, *изрэгэй*, *таналай*, *арчылаа*.

Ключевые слова: лексикология, якутский язык, лексика, динамика, устаревшие слова, архаизмы, семантика, многозначность, толковые словари, модели.

А. А. Skryabina

Archaisms of the Yakut language in the semantic structure of polysemous words

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

Abstract. The article deals with the archaisms in the semantic structure of polysemantic words. The aim of the article is to identify from the lexicographic sources of the Yakut language multivalued words, the semantic volume of which has changed over time, to classify multivalued words with archaisms in their composition, in the model by the number of acquired and obsolete meanings. In order to achieve the

СКРЯБИНА Алевтина Афанасьевна – к. филол. н., младший научный сотрудник отдела якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: alevtinaskr@gmail.com

SKRYABINA Alevtina Afanasievna – Candidate of Philological Sciences, junior researcher, Yakut language unit, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

intended goal, the following tasks were set: to identify from the “Big explanatory dictionary of the Yakut language” edited by P.A. Sleptsov multivalued words, which contain archaisms, to compare them with the meanings of words recorded in the “Yakut language dictionary” edited by E.K. Pekarsky, in “Short explanatory dictionary of the Yakut language” edited by P.S. Afanasyev, to classify multivalued words in the model by the number of acquired and obsolete meanings. The following research methods were used: descriptive method, the method of continuous sampling, the method of component analysis, the method of analysis of dictionary definitions. The need for the study of archaisms is due to linguistic and extralinguistic factors. The vocabulary of any language is constantly changing, in the process of historical development there are semantic transformations of the word: old meanings are lost and new ones are acquired. The study of archaisms provides an opportunity to reconstruct fragments of material and spiritual culture of the people, their way of life. The analysis of polysemous words revealed the following models: 1. the polysemous word completely lost its meaning and acquired a new one: 2. the polysemous word acquired new meanings in addition to the existing meanings; 3. the polysemous word partially lost its meanings, preserved a number of meanings and acquired new meanings. It has been revealed that in most cases a polysemous word undergoes changes due to the appearance of figurative meaning, which occurred with the words *kerген, аҕа, кылыс, иҕегей, таҥалай, аҕыһа*.

Keywords: lexicology, Yakut language, lexicon, dynamics, obsolete words, archaisms, semantics, multiple meanings, explanatory dictionaries, models.

Введение. В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению лексики. Лексика прямо или косвенно отражает действительность, реагирует на изменения в общественной, материальной и культурной жизни народа, постоянно пополняется новыми словами для обозначения новых предметов, явлений и процессов, понятий. Динамический характер языка в свое время подчеркивал выдающийся языковед И.А. Бодуэн де Куртенэ: «В языке, как в природе, всё живёт, движется, изменяется, и статика языка есть всего лишь частный случай его динамики» [8, с. 349].

Цель статьи – выявить из лексикографических источников якутского языка многозначные слова, семантический объем которых изменился с течением времени, классифицировать многозначные слова, имеющие в своем составе архаизмы, в модели по количеству приобретенных и устаревших значений.

Устаревание слов является одним из показателей динамичности языка. Устареванию может подвергаться слово целиком или в одном или нескольких значениях. Например, слово *кэргэн* в современном якутском языке утратило некоторые значения, зафиксированные в «Толковом словаре якутского языка» Э.К. Пекарского: *кэргэн* – семья, семейство, фамилия; дом, член семейства, сожитель, домочадец; работник, нахлебник [18, с. 1047]. В «Большом толковом словаре якутского языка» под редакцией П.А. Слепцова находим следующее определение: *кэргэн* – холбоһон, бииргэ ыал буолан олорор дьон. Семья. 2. *көсп.* ыга түмсүүлээх биир сомоҕо дьон. Сплоченная, единая группа людей. 3. дыахтар эрэ. Муж, супруг. 4. эр киһи ойоҕо. Замужняя женщина, жена. 5. *эрээр.* быстах кэмгэ баай ыалга бэйэлэрин кытта олорор хамначыт. Наемный работник (обычно временный) у бая, живущий с ним в одном доме, батрак. 6. биол. харамайдары, үүнээйилэри наардааһынна уруулуу уустары холбуур улахан бөлөх. Семейство (в систематике растений и животных) [5, с. 523-524]. Так, в современном якутском языке данное слово совершенно утратило значение ‘наемный работник, батрак’, однако, приобрело новое значение ‘семейство (в систематике растений и животных)’. Такие многозначные слова, существующие в современном литературном языке, однако имеющие устаревшие значения, называются лексико-семантическими архаизмами. Следует отметить, что существуют некоторые сложности при определении архаизмов в лексическом составе языка, так как некоторые слова могут быть деактуализированными только в определенный исторический период развития общества. Так произошло, например, со словом *дархан*, являвшемся до недавнего времени ар-

хаизмом, но активно использующееся в современном якутском языке. Кроме того, слова, отмеченные лексикографами как устаревшие, могут использоваться в речи людей старшего возраста или в определенных местностях.

В языкознании архаизмам и их типам уделяется большое внимание [2, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16], однако вопросы, касающиеся семантических изменений в составе многозначных слов, на сегодняшний день остаются малоизученными. Семантические модификации в многозначных словах на материале русского языка рассмотрены в статье Т. Г. Аркадьевой, М. И. Васильевой, С. С. Владимировой, Т. Г. Шарри, Н. С. Федотовой [1]. Статья посвящена сопоставительному анализу семантического объема многозначных слов (историзмов, лексико-семантических архаизмов). Авторы сравнили из словаря русского языка XI – XVII вв. многозначные слова, имеющие в своем составе архаизмы, со значениями этих слов, зафиксированных в современных словарях. А также выявили модели слов, основанные на количественных признаках утерянных и приобретенных значений: «1 Модель. Многозначное слово в современном русском языке абсолютно утратило свои значения, зафиксированные в словаре XI-XVII вв. и приобрело новые, неизвестные носителю прошлых веков значения; 2. Модель. Многозначное слово приобрело новые значения в дополнение к имеющимся значениям; 3. Модель. Многозначное слово частично утратило значения, сохранило ряд значений и приобрело новые значения» [1, с. 29-32]. На основе данных моделей можно выявить идентичные модели на материале якутского языка. Так, многозначные слова в якутском языке, имеющие в своем составе архаизмы, классифицированы нами на следующие модели: 1. многозначное слово полностью утратило значение и приобрело новое; 2. многозначное слово приобрело новые значения в дополнение к имеющимся значениям; 3. многозначное слово частично утратило значения, сохранило ряд значений и приобрело новые значения.

Модели многозначных слов, имеющие в своем составе архаизмы

Нами проанализировано семантическое развитие некоторых архаизмов в якутском языке. В результате анализа изменений семантического объема этих слов по материалам «Большого толкового словаря якутского языка» под редакцией П. С. Слепцова [3, 4, 5, 6, 7], «Краткого толкового словаря якутского языка» под редакцией П. С. Афанасьева [12], «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского [17, 18, 19] были выявлены модели, которые позволяют классифицировать данные слова следующим образом:

Модель 1. Многозначное слово полностью утратило значение и приобрело новое

Боотур. 1. неуступчивый, дерзкий; 2. как приставка к сказочным и мифологическим именам [17, с. 511].

Боотур – *аат.* (*эргэр.*). Былыргы сахаларга кыргыһы үөрэбэр үөрэммит бөбө киһи эбэтэр сэрии бөбөһө [12, с. 33].

Боотур. 1. *аат.*, *эргэр.* былыргы сахаларга кыргыһы үөрэбин ылыммыт бөбө киһи эбэтэр сэрии бөбөһө. У древних якутов: человек большой физической силы, обладающий также воинской выучкой, воин, витязь; 2. *даб. суолт.* боотурга дьүөрэлээх күүстээх-күдэхтээх, боотурга сөптөөх. Обладающий качествами боотура, соответствующий боотуру [3, с. 382].

Этирик – дугообразный железный скобель, которым смягчают кожу [19, с. 317].

Этирик. *аат.*, *эргэр.* 1. тирии ис субатын кыһыйарга аналлаах токур тимир, кэдэрээн. Железный дугообразный скобель (для обработки кожи); 2. *кэпс.* таҥаһы аалан сууйарга аналлаах, долгун-долгун курдук быһыылаах тимиртэн оноһуллубут тэрил. Стиральная доска. 3. *көсп.*, *кэпс.* уустугурдуу (ханлык эмэ дьыаланы); эрэй, кыһалба. Затруднение, осложнение; трудности, сложности [7, с. 395].

Арчылаа. 1. о шамане: окуривать лучиною (когда заклинание производится над скотиною); освящать для изгнания злых духов; 2. ударить в дерево [17, с. 153-154].

Арчылаа. (эргэр.). 1. урукку итэбэл үгэһинэн дьиэни-уоту, малы буруонан ыһааран, куһаҕан тыынтан, киртэн ыраастаа. 2. көсп. харыстаа, араначчылаа [12, с. 22].

Арчылаа. туохт. 1. араначчылаа, харыстаа. Оберегать, ограждать; 2. эргэр. Дьиэни-уоту эбэтэр туох эмэ малы буруонан ыһааран куһаҕан тыынтан, киртэн ыраастаа. Выгонять, изгонять злых духов, нечисть из жилища или из какой-л. вещи посредством окуривания [20, с. 564-565].

Бөбөс. 1. крепыш, силач, боец; 2. название рода в Тerasинском наслеге Ботурусского улуса [17, с. 516].

Бөбөс. аат. 1. эргэр. күүһүнэн атыттары кытаа күрэхтэхэр уонна кыргыһыга да сылдьар кыахтаах күүстээх (бөбө) киһи [12, с. 34].

Бөбөс. 1. аат. 1. эргэр. Күүһүнэн атыттары кытта (хол., тустан) күрэхтэхэр уонна кыргыһыга да сылдьар күүстээх (бөбө) киһи. В старину: силач, участвующий в силовых, а отчасти и в воинских состязаниях; 2. спорт. тустууга идэтибит спортсмен; тустуук. Спортсмен, занимающийся борьбой, борец; 2. даб. суолт. бөбөскө дьүөрэлээх күүстээх-күдэхтээх, бөбөскө сөптөөх. Обладающий качествами силача старых времен, соответствующий ему [3, с. 435].

Таблица 1. Сравнение семантических значений многозначных слов (полностью утративших старое значение и приобретших новые)

Значение слова в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского	Значение слова в «Кратком толковом словаре якутского языка»	Значение слова в «Большом толковом словаре якутского языка»
боотур		
неуступчивый, дерзкий	арх.	арх.
как приставка к сказочным и мифологическим именам	утрачено	утрачено
		человек большой физической силы, обладающий также воинской выучкой, воин, витязь
		обладающий качествами боотура, соответствующий боотуру
этирик		
дугообразный железный скобель, которым смягчают кожу	–	арх.
		стиральная доска
		затруднение, осложнение; трудности, сложности
арчылаа		
о шамане: окуривать лучиною (когда заклинание производится над скотиною); освящать для изгнания злых духов;	арх.	арх.
ударить в дерево	утрачено	утрачено
	харыстаа, араначчылаа	оберегать, ограждать
бөбөс		
крепыш, силач, боец	арх.	арх.

название рода в Терасинском наслеге Ботурусского улуса	утрачено	утрачено
	тустууга идэтийбит спортсмен, тустуук	спортсмен, занимающийся борьбой, борец
		обладающий качествами силача старых времен, соответствующий

Модель 2. Многозначное слово приобрело новые значения в дополнение к имеющимся значениям.

Айа – самострел (настороженный лук и стрела) для бою зверей; стрела [17, с. 42-43].

Айа. аат. (эргэр.) 1. ох саа чаачарыттан модьу систээх, уһугар сытыы тимирдээх (ыр-балаах) охтоох, кылынан эсир булт сэбэ [12, с. 15].

Айа. аат. 1. ох саа чаачарыттан модьу систээх, уһугар сытыы тимирдээх (ырбалаах) ох-тоох, кылынан эстэр булт сэбэ. Самострел (охотничий снаряд-ловушка на лосей, зайцев и других животных); 2. *көсп.* угаайы, үктэтии, албын-түөкэй. Ловушка, западня; обман, хитрая уловка [20, с. 299].

Баабыр – тигр [17, с. 323].

Баабыр. 1. аат. 1. *эргэр.* үүтүнэн иитиллээччилэргэ киирэр бөдөн сиэмэх кыыл. Тигр. 2. *көсп., поэт.* адьырба, сиэмэх. Хищник; 2. *даб. суолт.* күүстээх, модун, сүнкэн. Сильный, могучий, огромный [3, с. 48].

Таблица 2. Сравнение семантических значений многозначных слов (приобретших новые значения в дополнение к имеющимся)

Значение слова в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского	Значение слова в «Кратком толковом словаре якутского языка»	Значение слова в «Большом толковом словаре якутского языка»
Айа		
самострел (настороженный лук и стрела) для бою зверей; стрела	арх.	самострел (охотничий снаряд- ловушка на лосей, зайцев и других животных)
	угайы, үктэтии, албын	ловушка, западня; обман, хитрая уловка
баабыр		
тигр	–	сохранено
		сильный, могучий, огромный

Модель 3. Многозначное слово частично утратило значения, сохранило ряд значений и приобрело новые значения.

Тардыы. 1. сбор, собиание податей; 2. сбор, поборы, казенные подати, повинности; 3. кладь [19, с. 2575].

Тардыы. аат. 1. көлөбө (хол., оѳуска, акка) тийирилэр таһаҕас; 2. өрүс, күөл тула уу ылар сирэ, өрүс, күөл диэки түһүүлээх сир [12, с. 182-183].

Тардыы 1. тарт диэнтэн хай. аата; 2. көлөбө (хол., оѳуска, акка) тийирилэр таһаҕас. Воз, который тянет упряжной скот; 3. өрүс, күөл тула уу ылар сирэ, өрүс, күөл диэки түһүүлээх сир. Бассейн реки, озера; 4. *эргэр.* нэһилиэнньэттэн хомуур, нолуок. Подать, налог; 5. оһох буруота үөлэһинэн үөһээ диэки тахсар хаамыта. Тяга (в печи); 6. хотууру угар олордон баран хамсаабат гына чараас тимиринэн кэлгийэ эрийии. Обмотка пятки косы с косовицей, сделанная из тонкой железной полоски; 7. уһаныыга тимири (хол., бирилээх

сэп биитин) чараас гына тэнитэ таптайыы. Ковка в тонкую пластину, полоску (напр., лезвия режущих предметов); 8. *муус*. биир доржоону уһуннук тардан ыллааһын, уһатыы (ырыаба). Протяжное произношение звука, протяжность (в пении) [6, с. 261-262].

Кылыс. 1. старинный нож; 2. тонкая режущая руки тетива; 3. особый род травы, похожей на ба́а батаһа (горечавка) и режущей руки от неосторожного прикосновения; осока [18, с. 1389].

Кылыс. аат. 1. (*эргэр.*) 1. уһун сытыы быһах; 2. уһун синньигэс кырыылаах сэбирдэхтээх ууга үүнэр соппон от; 3. бурдук куолаһыгар сиэмэ аайыттан киистэ кылын курдук тахсар хатыы; бурдук кыла [12, с. 103].

Кылыс I аат., эргэр. быһа охсорго, дьөлө кэйэргэ аналлаах быһах курдук эрэри уһун тимирдээх, уктаах былыргы саха сэриитин сэбиргэлэ. Старинное якутское холодное оружие с односторонней заточкой, похожее на нож, но большее по размеру, разновидность палаша; 2. *даб. суолт.* 1. эт-сиин өттүнэн сайдыылаах, тэтиэнэх, сытыы. Физически развитый, сильный, ловкий; 2. *көсп.* сытыытык, бэргэнник этиллибит (тыл туһунан). Острый, остроумный (о слове). 3. *көсп.* сытыы, олус күүстээх (үксүн тыал туһунан). Резкий, пронзительный (о ветре) [5, с. 250].

Кылыс II аат., бот. 1. бурдук куолаһыгар сиэмэ аайыттан киистэ кылын курдук тахсар хатыы; бурдук кыла. Ость [Там же, с. 251].

Иэрэгэй. 1. волчок, веретено для скручивания ниток при вязании сети; 2. нерешительность, колебание [17, с. 896-897].

Иэрэгэй. аат. 1. (*эргэр.*) урут быаны, ситиини хатар тэрил; 2. тимири үүттүүр тэрил; 3. остуолга ытыйан холоруктатар оонһуур; бээрикээн; 4. мээчиктии эриллибит сап [12, с. 84].

Иэрэгэй. аат., эргэр. 1. уһун быаны, ситиини хатар тэрил. Веретено; 2. тимири үүттүүр сэп. Разновидность якутской дрели (стержень дрели со вставным сверлом приводится в движение закручиванием и раскручиванием веревочки, продетой через отверстие в верхнем конце стержня и прикрепленной двумя концами к горизонтальной палочке); 3. остуолга ытыйан холоруктатар оонһуур. Игрушка в виде кружка на вращающейся в вертикальном положении оси, волчок; 4. *көсп.* быһаарыта суох иэрэннээһин, саараннааһын. Необоснованное сомнение; нерешительность, колебание; боязнь продешевить. 5. *түөлбэ.* мээчиктии эриллибит сап. Клубок (ниток) [4, с. 831-832].

Таңалай. I. старинная почетная женская одежда, длинная вроде сарафанов, с разными вышивками и узорами; верхняя одежда из оленьей или лосиной кожи с короткими, не доходящими до локтей рукавами. II. 1. небо; 2. особый вид узора; 3. имя одного из детей Яги-бабы [19, с. 2549-2550].

Таңалай. аат. 1. айах көндөйүн үөһээ өттүнээби этэ [12, с. 179].

Таңалай ойуу – сүөһү таңалайын дьэрэкээнин курдук долгуннуу сурааһын ойуу [Там же, с. 179]

Таңалай. аат. 1. айах көндөйүн үөһээ өттүн этэ. Небо; 2. таңалай ойуу диэн курдук; 3. *эргэр.* үксүгэр түүлээхтэн тигиллибит, тоһуттабас сурааһын оһуордаах, саха дьахтара былыр мааныга кэтэр тас таңаһа. Старинная верхняя нарядная одежда якутской женщины, сшитая в основном из мехов с узором в виде зигзага; 4. *көсп.* туох эмэ (хол., тибии, хаар, хайа) кэрдиис-кэрдиис буолбут сирэ. Ступенчатый вид чего-л. (напр., снежного покрова, горы) [7, с. 201-202].

Таблица 3. Сравнение семантических значений многозначных слов
(утративших старое значение, приобретших новые значения в дополнение к имеющимся)

Значение слова в «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского	Значение слова в «Кратком толковом словаре якутского языка»	Значение слова в «Большом толковом словаре якутского языка»
тардыы		
сбор, собирание податей	арх.	арх.
сбор, поборы, казенные подати, повинности	утрачено	утрачено
кладь	көлөбө тизийиллэр таһаҕас	воз, который тянет упряжной скот
	өрүс, күөл тула уу ылар сирэ, өрүс, күөл диэки түһүүлээх сир	бассейн реки, озера
		тяга (в печи)
		обмотка пятки косы с косовицей, сделанная из тонкой железной полоски
		ковка в тонкую пластину, полоску (напр., лезвия режущих предметов)
		протяжное произношение звука, протяжность (в пении)
кылыс		
старинный нож	арх.	арх.
тонкая режущая руки тетива	арх.	арх.
особый род травы, похожей на баҕа батаһа (горечавка) и режущей руки от неосторожного прикосновения; осока	сохранено	сохранено
		физически развитый, сильный, ловкий
		острый, остроумный
		резкий, пронзительный
иэрэгэй		
волчок, веретено для скручивания ниток при вязании сети	арх.	арх.
нерешительность, колебание	утрачено	сохранено
	тимири үүттүүр сэп	разновидность якутской дрели
	остуолга ытыйан холоруктатар оонньуур, бээрикээн	игрушка в виде кружка на вращающейся в вертикальном положении оси, волчок
	мээчиктии эриллибит сап	клубок (ниток)
тагалай		
старинная почетная женская одежда, длинная вроде сарафанов, с разными вышивками и узорами; верхняя одежда из оленьей или лосиной кожи с короткими, не доходящими до локтей рукавами	арх.	арх.
небо	сохранено	сохранено
особый вид узора	сохранено	сохранено
имя одного из детей Яги-бабы	утрачено	утрачено
		ступенчатый вид чего-л. (напр., снежного покрова, горы)

Семантический анализ рассмотренных многозначных слов показал, что значение рассмотренных слов подверглась сужению (утрате некоторых значений), сохранению и расширению семантического объема слова (приобретению дополнительных значений). Так, в процессе развития языка происходят не только количественные, но и качественные изменения за счет появления новых значений у «старых» слов. Это объясняется самой природой человеческого мышления: невозможно для обозначения каждого нового понятия, явления, процесса придумывать новое слово. Приведенные примеры показывают, что в процессе развития языка у слов появляются новые значения с переносным направлением: *кылыс* ‘оружие’ – *кылыс* ‘пронзительный, резкий’, *этирик* ‘скобель’ – *этирик* ‘затруднение, осложнение’ и т.д. Некоторые слова, отмеченные лексикографами как устаревшие, в современном якутском языке не являются таковыми: *айа* – *эрээр*. ох саа чаачарыттан модьу систээх, уһугар сытыы тимирдээх (ырбалаах) охтоох, кылынан эсиэр булт сэбэ [20, с. 15], *айа* – самострел [с. 299].

Заключение. Таким образом, устаревание некоторых значений и появление новых в составе многозначных слов свидетельствует об обновлении лексического состава языка в целом. Семантический анализ рассмотренных слов-архаизмов в составе многозначных слов на материале лексикографических источников якутского языка позволил выявить три модели: модель 1. многозначное слово полностью утратило значение и приобрело новое; модель 2. многозначное слово приобрело новые значения в дополнение к имеющимся значениям; модель 3. многозначное слово частично утратило значения, сохранило ряд значений и приобрело новые значения. Изменение семантики слов происходит в качественном отношении, то есть путем переосмысления имеющихся слов, а не созданием новых лексем для обозначения нового понятия. Выявлено, что в большинстве случаев многозначное слово испытывает изменения в связи с появлением у слова переносного значения, что произошло со словами *кэрээн*, *айа*, *кылыс*, *иэрээй*, *таналай*, *арчылаа*. Устаревание некоторых значений слов происходит под влиянием развития общества в целом. Невостребованными в настоящее время оказались наименования предметов быта (*таналай*, *иэрээй*, *этирик*), старинных оружий (*кылыс*), понятия, связанные с верованиями (*арчылаа*) и т.д.

Перспективы дальнейшего изучения архаизмов якутского языка могут быть связаны с исследованием стилистических функций архаизмов и историзмов в произведениях фольклора, художественной литературы, их сравнительному изучению с другими тюркскими и монгольскими языками.

Литература

1. Аркадьева Т.Г., Васильева М.И., Владимирова С.С., Шарри Т.Г., Федотова Н.С. Семантическая эволюция архаизмов и историзмов // Вестник Череповецкого государственного университета, 2016. № 1 (70). – С. 29-33.
2. Асадалуева П.У. Устаревшая лексика кумыкского языка: авт. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2013. – 22 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах Улахан тылдьыта: в 15 т. Т. 2: Буква Б / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 910 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах Улахан тылдьыта: в 15 т. Т. 3: Буквы Г, Д, Дь, И / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах Улахан тылдьыта: в 15 т. Т. 5: Буква К: Күөлэһис гын-Кээчэрэ / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2008. – 518 с.
6. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах Улахан тылдьыта: в 15 т. Т. 10: Буква Т / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 574 с.

7. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах Улахан тылдьыта: в 15 т. Т. 15: Буква Э / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2018. – 575 с.
8. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. – 385 с.
9. Кадим М.М.К. Устаревшая лексика в комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» в лингвокультурологическом аспекте: авт. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2011.
10. Камаева Р.Б. Архаизмы как одна из основных категорий устаревшей лексики // Вестник Башкирского университета. 2012. № 4. Т. 17. – С. 1838-1841.
11. Коростелова Т.В. Архаизмы как тропическое средство в современном русском литературном языке: лингвопрагматический аспект: авт. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2015. – 21 с.
12. Краткий толковый словарь якутского языка. – Якутск: Национальное книжное издательство «Бичик», 1994. – 264 с.
13. Махиева Л.Х. Устаревшая лексика и ее отражение в новом «Русско-карачаево-балкарском словаре». Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. № 4-1. – С. 93-97.
14. Назырова Ю.М. Функциональные особенности архаизмов в семантической структуре многозначных слов // Научный вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. 2010. № 13. – С. 69-79.
15. Ольмез М. К вопросу об архаизмах тувинского языка. Российская тюркология. 2019. № 1-2 (22-23). – С. 68-73.
16. Ондар М.В. Устаревшая лексика в тувинских героических сказаниях. Новые исследования Тувы. 2020. № 1. – С. 105-116.
17. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I. 2-е изд. – М., 1959. – 1280 с.
18. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. II. 2-е изд. – М., 1959. – 1281-2508 с.
19. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. III 2-е изд. – М., 1959. – 2509-3858 с.
20. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын Быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т. Т. I: Буква А / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 679 с.

References

1. Arkad'eva T.G., Vasil'eva M.I., Vladimirova S.S., Sharri T.G., Fedotova N.S. Semanticheskaya evolyutsiya arkhazimov i istorizimov // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. № 1 (70). – P. 29-33.
2. Asadalueva P.U. Ustarevshaya leksika kumyyskogo yazyka: avt. dis. ... kand. filol. nauk. – Makhachkala, 2013. – 22 p.
3. Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn Byhaaryylaakh Ulakhan tyld'yta: v 15 t. T. 2: Bukva B / Pod red. P.A. Sleptsova. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 910 p.
4. Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn Byhaaryylaakh Ulakhan tyld'yta: v 15 t. T. 3: Bukvy G, D, D', I / Pod red. P.A. Sleptsova. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 844 p.
5. Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn Byhaaryylaakh Ulakhan tyld'yta: v 15 t. T. 5: Bukva K: Kyolehis gyn-Keechere / Pod red. P.A. Sleptsova. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – 518 p.
6. Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn Byhaaryylaakh Ulakhan tyld'yta: v 15 t. T. 10: Bukva T / Pod red. P.A. Sleptsova. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 574 p.
7. Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn Byhaaryylaakh Ulakhan tyld'yta: v 15 t. T. 15: Bukva E / Pod red. P.A. Sleptsova. – Novosibirsk: Nauka, 2018. – 575 p.
8. Boduen de Kurtene I.A. Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu: v 2 t. / I.A. Boduen de Kurtene. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. T. 1. – 385 p.
9. Kadim M.M.K. Ustarevshaya leksika v komedii N. V. Gogolya «Revizor» v lingvokul'turologicheskom aspekte: avt. dis. ... kand. filol. nauk. – Voronezh, 2011.
10. Kamaeva R.B. Arkhaizmy kak odna iz osnovnykh kategoriy ustarevshey leksiki // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2012. № 4. T. 17. – P. 1838-1841.
11. Korostelova T.V. Arkhaizmy kak tropeicheskoe sredstvo v sovremennom russkom literaturnom yazyke: lingvopragmaticheskiy aspekt: avt. dis. ... kand. filol. nauk. – Volgograd, 2015. – 21 p.
12. Kratkiy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka. – Yakutsk: Natsional'noe knizhnoe izdatel'stvo «Bichik», 1994. – 264 p.

13. Makhieva L.Kh. Ustarevshaya leksika i ee otrazhenie v novom «Russko-karachaev-balkarskom slovare». Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy. 2020. № 4-1. – P. 93-97.
14. Nazyrova Yu.M. Funktsional'nye osobennosti arkhaizmov v semanticheskoy strukture mnogoznachnykh slov // Nauchnyy vestnik Voronezhskogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. 2010. № 13. – P. 69-79.
15. Ol'mez M. K voprosu ob arkhaizmakh tuvinskogo yazyka. Rossiyskaya tyurkologiya. 2019. № 1-2 (22-23). – P. 68-73.
16. Ondar M.V. Ustarevshaya leksika v tuvinskikh geroicheskikh skazaniyakh. Novye issledovaniya Tuvy. 2020. № 1. – P. 105-116.
17. Pekarskiy E.K. Slovar' yakutskogo yazyka. T. I. 2-e izd. – M., 1959. – 1280 p.
18. Pekarskiy E.K. Slovar' yakutskogo yazyka. T. II. 2-e izd. – M., 1959. – 1281-2508 p.
19. Pekarskiy E.K. Slovar' yakutskogo yazyka. T. III 2-e izd. – M., 1959. – 2509-3858 p.
20. Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn Byhaarylaakh tyld'yt: v 15 t. T 1: Bukva A / Pod red. P.A. Sleptova. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 679 p.

С. Н. Гоголева

Семантические категории фразеологических единиц в якутском и бурятском языках

Чурапчинская гимназия имени С. К. Макарова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В данной статье представлено научное описание отношений антонимии, синонимии, омонимии, полисемии во фразеологических единицах, выявляются семантические категории якутско-бурятских фразеологических параллелей. Целью работы является выявление семантических категорий якутско-бурятских фразеологических параллелей. Объектом исследования являются якутские фразеологические единицы, имеющие параллели в бурятском языке. Материалом исследования послужили якутско-бурятские фразеологические параллели, извлеченные из следующих лексикографических источников: Большого толкового словаря якутского языка (в 15-ти томах), Фразеологического словаря якутского языка под редакцией Н.С. Григорьева, Якутско-русского фразеологического словаря А.Г. Нелунова (в 2-х томах), Бурятско-русского фразеологического словаря под редакцией Ц.Ф. Цыденжапова, сборника пословиц и поговорок под редакцией Н.В. Емельянова, научных трудов А.Е. Кулаковского, сборника пословиц под редакцией Г.В. Попова. Поставленные в работе цель, задачи и специфика исследуемого материала определили выбор методов лингвистического исследования: основной метод – индуктивный. Частные методы: метод сплошной выборки компонентов из лексикографических источников; метод фразеологической идентификации; сравнительно – сопоставительный метод.

Ключевые слова: фразеологические единицы, синонимия, антонимия, омонимия, полисемия, фразеологические параллели.

S. N. Gogoleva

Semantic categories of phraseological units in the Yakut and Buryat languages

S. K. Makarov Churapcha Gymnasia

Abstract. This article presents a scholarly description of the relationships of synonymy, antonymy, homonymy, polysemy in phraseological units, and semantic categories of Yakut and Buryat phraseological parallels. The aim of the work is to identify semantic categories of Yakut and Buryat phraseological parallels. The object of the research is the Yakut phraseological units, which have parallels in the Buryat language. The material of the work is Yakut and Buryat phraseological parallels from the following lexicographical sources: Big explanatory dictionary of the Yakut language (in 15 volumes), Phraseological dictionary of the Yakut language, edited by N.S. Grigoriev, Yakut-Russian Phraseological Dictionary A.G. Nelunov (in 2 volumes), Buryat-Russian Phraseological Dictionary, edited by Ts.F. Tsydenzhapov, a collection of proverbs and sayings edited by N.V. Emelyanov, scholarly works of A.E. Kulakovsky, a collection of proverbs edited by G.V. Popov. The goal, objectives and specifics of the studied material set in the work determined the

ГОГОЛЕВА Сардана Николаевна – магистрант 2 курса по направлению «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание», Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, учитель родного (якутского) языка, литературы МБОУ «Чурапчинская гимназия имени С.К. Макарова».

E-mail: psardana@mail.ru

GOGOLEVA Sardana Nikolaevna – master's student in the direction of «Comparative historical, typological and comparative linguistics», M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, teacher of native (Yakut) language, literature of the MBOU «S.K. Makarov Churapchinskaya Gymnasium».

choice of the linguistic research methods: the main method is inductive; special methods are the method of complete sampling of components from lexicographical sources, the phraseological identifying method, comparative-contrasting method.

Keywords: phraseological units, synonymy, antonymy, homonymy, polysemy, phraseological parallels

Введение. Фразеология занимает одно из ключевых мест в лингвистике: в каждом языке имеются устойчивые выражения, неделимые сочетания, которые придают речи выразительность и образность, являются средством хранения и передачи культурно-значимой информации, что называются фразеологическими единицами (ФЕ). Например, в якутском языке есть такие выражения *күүх оту тосту үктээбэт, сытар ынабы туруорбат* ‘человек, не ломающей зеленой травки, обходящий лежащую корову’ о скромном, мирном человеке, *сах, обуһун миинни да, ырыаһыт* ‘якут, как сядет на быка, – певец’ и др. [17].

А в бурятском языке есть такие сочетания, как *ажал хэжэ хүн болодог, арые дабаж а хүлэг болодог* – совершивший труд, становится человеком, а преодолевший перевал, становится скакуном, (букв. труд делаю, человеком становится, заднего преодолеваю, скакуном становится), *хүлэг ту руугаараа илгардаг, хүн ардэмээрээ илгардаг* – скакуна прославляют копыта, человека возвеличивают знания (букв, скакун, копытом, отличается, человек, знанием, отличается) [19].

Так, фразеологизмы, передаваясь от поколения к поколению, сохраняют и воспроизводят менталитет народов каждой страны, во фразеологизмах хранится богатая культурно-национальная информация, отражается история, традиции и обычаи, духовная и материальная культура. В связи с чем ученые уделяют исключительное внимание исследованию фразеологического фонда, подчеркивая их специфический характер.

Якутско-бурятские параллели во фразеологических единицах в свете сравнительно-сопоставительного изучения до сих пор остаются недостаточно изученной областью в якутском языкознании, что и обуславливает актуальность данного исследования. Сравнительно-сопоставительное изучение якутско-бурятских фразеологических параллелей (далее – ЯБФП), выявление семантической категории представляет большой интерес для лингвистов.

Особенности исследования фразеологических единиц в трудах отечественных и российских ученых

Вслед за И.И. Чернышевой мы понимаем фразеологические единицы как: «устойчивые словесные комплексы различных структурных типов с **единичным сцеплением компонентов**, значение которых возникает в результате полного или частичного **семантического преобразования** компонентного состава» [19, с. 29].

Рассмотрев ряд работ по вопросам «конструктивных свойств» фразеологизмов, необходимо выделить «релевантные признаки» – отличительные особенности ФЕ:

- 1) «раздельнооформленность»;
- 2) «семантическое переосмысление» (целостный переносный смысл);
- 3) «устойчивость компонентного состава»;
- 4) «воспроизводимость компонентного состава».

По характеру значения, возникающего в результате взаимодействия структуры, сочетаемости и семантического преобразования компонентного состава, И.И. Чернышева разделяет фразеологизмы на 3 группы: фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения.

Фразеологические единства – это устойчивые словосочетания, образованные на основе полного или частичного семантического переосмысления. Например, ала кулуну төрөппүт (букв. родить пегого жеребенка) означает «сильно замерзнуть».

Фразеологические сочетания – это устойчивые словосочетания, где один компонент имеет переносное значение и обладает самостоятельной семантикой. Например, *көмүс тарбахтаах* (букв. с золотыми пальцами) означает «золотые руки, мастер».

Фразеологические выражения по своей грамматической структуре являются предикативными сочетаниями слов или предложениями. Например, *саха, оҕуһун мииннэ да, ырыаһыт* «якут, как сядет на быка, – певец».

Фразеологические единицы якутского и бурятского языков как объект исследования стали изучаться якутского языка начинается с начала 60-х годов.

В частности, Н. С. Григорьева изучил вопросы методов анализа фразеологических единиц, семантике некоторых оборотов. Следует отметить и то, что лексиколог впервые системно сопоставил фразеологизмы с языковым материалом других тюркских, монгольских языков [8, с. 165-177].

Также Н. С. Григорьев изучил образность фразеологизмов, он отметил постоянные эпитеты в якутском языке как отдельный вид устойчивых словосочетаний, показаны их соотношения с фразеологизмами [9, с. 4-5].

В 1974 году Н.С. Григорьев выпускает «Фразеологический словарь якутского языка» [9], который включает около 3000 фразеологических единиц. Данный словарь по настоящее время является одним из основных лексикографических источников не только якутского, но и тюркского языкознания. Лексиколог придерживается узкого понятия фразеологизмов, другими словами, в состав фразеологизмов включает фразеологические единицы, устоявшиеся определения. Тем самым пословицы, поговорки, парные и сложные слова относит в отдельную категорию.

Н.С. Григорьев делит ФЕ якутского языка на три типа:

1) «фразеологические сращения или идиомы, в которых составляющие их компоненты связаны немотивированно»: *ала кулуну төрөппүт* ‘сильно мерзнуть’ (букв. родилам пегого жеребенка) [9, с. 17];

2) фразеологические единства, которые имеют целостное значение, связь компонентов которой мотивирована: *айахтааҕы атыппат* ‘красноречивый’ (букв. имеющему рот не дает его раскрыть) [9, с. 16];

3) фразеологические сочетания, у которых в отличие от фразеологических единств, один из компонентов может быть заменен синонимом: *баскын кырбана олор* ‘бездельничать’ (букв. сидеть, колотя свою голову) – *быар куустан олор* ‘бездельничать’ (букв. сидеть, обнимая себе печень) [17].

В учебном пособии «Якутский язык. Лексикология» П.С. Афанасьева один раздел посвящен фразеологии якутского языка [4, с. 12-16]. По мнению автора, основным отличием ФЕ от сложных слов является характер обозначения понятия: сложные слова являются прямой («көнө») номинацией понятия, а фразеологизмы являются вторичной («көспүт»), образной номинацией понятия. Сходство заключается в том, что: 1) «сложные слова и фразеологизмы состоят из сочетания слов», 2) в них происходит «лексикализация словосочетания, компоненты становятся неразложимыми», 3) «воспроизводятся в готовом виде», 4) в предложении выступают как один член предложения [4].

Пословицы, поговорки, крылатые слова со структурой предложения лексиколог не относит к фразеологизмам [4, с. 16].

Н. К. Антонов придерживается широкого объема фразеологии, безусловно, включает пословицы и поговорки в состав фразеологических единиц.

Н.К. Антонов обратил внимание на структурную характеристику, разделив ФЕ якутского языка на три группы:

1) однозначные: ‘аҕа баһын тосту олор’ – «превзойти славой, богатством своего отца, заткнуть за пояс отца» [2, с. 32];

2) многозначные: ‘уһун илиилээх’ а) «имеющий привычку брать то, что плохо лежит», б) «имеющий возможность отомстить, где угодно» [2, с. 32].;

3) сложные, равнозначные предложениям ФЕ: ‘отонноотоххо онгоойук туолар’ – собирать по ягодке – лукошко наполнится; ‘былалаах маһы истибэккэ барда’ – уходить, несмотря ни на какие уговоры (букв. ушел, не задерживаясь ни от палки, ни от веревки [2, с. 33].

Семантическую классификацию фразеологических единиц лексиколог составляет следующим образом:

1) «фразеологические сращения, где внутренняя форма фразеологической единицы немотивирована семантикой, которые составляют его компоненты»: *быар быһаҕас, тиис тоһоҕос* ‘человек с плохим здоровьем’ (букв. с неполной печенью, с остатками зубов);

2) «фразеологические сочетания», внутренняя форма которых мотивирована семантикой, которые составляют его компоненты»: *көнө сүрэбинэн* ‘искренне, честно’ (букв. прямым сердцем) [2, с. 38].

А. Г. Нелунов одним из первых изучил грамматическую фразеологию. В его работе «Глагольная фразеология якутского языка» определены способы образования глагольных фразеологических единиц якутского языка, семантические категории, раскрыты внутренняя и внешняя форма глагольных ФЕ [11].

В начале 2000-х годов выпускает двухтомный якутско-русский фразеологический словарь, который является первым двуязычным фразеологическим словарем, содержащий около 7000 единиц [12, 13].

Л. М. Готовцева свою диссертационную работу на соискание ученой степени кандидата филологических наук посвятила исследованию фразеологических единиц с соматическим компонентом, где впервые проведено сопоставление фразеологизмов с соматическим компонентом якутского языка с фразеологическими единицами немецкого и русского языков [7]. В данной работе изучаются условия вариативности компонентного состава ФЕ с компонентом-соматизмом [7]. Ею рассмотрены семантические категории фразеологизмов: отношения синонимии, омонимии и антонимии.

Следует отметить, что Готовцевой Л.М. рассматриваются использование фразеологизмов в художественных произведениях одних из основоположников якутской литературы П.А. Ойунского, С.С. Яковлева-Эрилик Эристиин, с целью выявления особенностей функционирования ФЕ.

В монографии С. М. Прокопьевой «Проблема фразеологической образности в исследовании универсально-типологического и национально-специфического в фразеологической системе языка» автор рассматривает «универсально-типологическое» и «национально-специфические элементы» во фразеологической образности «в ракурсе объективных параметров ее создания: тропов, лежащих на основе создания фразеологических единиц, их прототипов, мотивов переноса значений и направлений переноса» [15].

Значительным вкладом в сопоставительную лингвистику является разработка Прокопьевой С.М. немецко-русско-якутского фразеологического словаря.

Изучение вопросов фразеологии как отдельной дисциплины в бурятском языкознании началось с 1950-х годов с работ Т.А. Бертагаева, Л. Мишиг, Т. Пагба, Г.Ц. Пюрбеева и др.

Т.А. Бертагаевым заложена методологическая и теоретическая основа для последующих исследований фразеологизмов в монгольских языках.

Г.Ц. Пюрбеев относится к тем ученым, которые определяют фразеологические единицы в узком понимании. Однако он допускает включения пословиц и поговорок к ФЕ «при

условии совпадения их со структурами фразеологизмов, являющимися элементами предложений». [16, с. 28].

Г.Ц. Пюрбеев исследовал монгольские ФЕ в сравнительно-историческом плане и разделил их на 5 групп. Необходимо отметить, что им составлен краткий Калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов.

Ц.Б. Будаев фразеологические единицы современного бурятского языка разделяет на четыре группы, «основываясь на семантическую классификацию академика В.В. Виноградова» [6, с. 10]:

- 1) «фразеологические сращения»;
- 2) «фразеологические единства»;
- 3) «фразеологические сочетания»;
- 4) «фразеологические выражения» [6, с. 10-11].

Лексиколог Ц.Б. Будаев более подробно останавливается на разборе понятия «фразеологические сращения», где ученый использует термин «семантическая спаянность», которая характерна для фразеологических сращений (единств). Благодаря наличию в фразеологическом сращении устаревших, а потому непонятных или малодоступных слов (например, фразеологическая единица сархаг саатаа (наряду с шэлээ). В литературном языке слово сархаг встречается лишь в данном сочетании [6, с. 12].

Как и Ц.Б. Будаев, Ш-Н. Р. Цыденжапов классифицирует фразеологизмы как фразеологические сращения (ниилзөөн фразеологизм, например, *эльгэ хатаха* – сильно смеяться (букв. печени сохнуть), единства (нэгэдээгэн ФЕ, например, *нохойн хонишоор* – шиповник (букв. собачья морда), сочетания (зохилдоогон ФЕ, например, *үхэр буу* – пушка (букв. ко́рова ружье), выражения (пайруулөөп ФЕ, например, *эбтэй шаазгай элэз бариха, эрэн дээхэн шулуу отолхо* дружные сороки поймают коршуна, пестрая бечевка камень разрежет) [19].

К признакам фразеологических оборотов Ш-Н.Р. Цыденжапов относит «понятийные, родовые, видовые и производные» (лексические и грамматические); «парные слова» также относятся ученым к разряду фразеологических оборотов [19].

Следует отметить, что Г.Ц. Пюрбеев, Ц.Б. Будаев, Ш-Н.Р. Цыденжапов являются сторонниками широкого понимания фразеологических единиц.

В настоящее время бурятскую фразеологию системно изучают Т.Б. Тагарова, Н.Б. Бадмацыреновой и др.

Таким образом, мы придерживаемся классификации лексикологов, которые определяют фразеологические единицы в широком понимании, т.е. к ФЕ относим фразеологические единицы, идиомы и пословицы.

Семантическая категория фразеологических единиц

Парадигматические отношения, связывающие фразеологизмы в системе языка, включают отношения синонимии, антонимии, полисемии, а также «конверсии и каузативности» [1, с. 99]. Данные отношения объединяет идея семантического поля, которое понимается как совокупность лексических единиц, объединенных общим «нетривиальным» семантическим признаком [1, с. 99].

Семантические поля могут выделяться на различных уровнях абстракции, например, на уровне общее-частное. В семантическое поле, образованное семой «время», могут выделяться более частные поля «настоящее, прошедшее, будущее» [1, с. 101].

Изучив особенности семантических отношений поля, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский приходят к выводу, что помимо отношений 'род-вид' (семантическое поле – единицы словаря: радость, смех, горе, страх, доброта, богатство и др.), представлены отношения

‘причины-следствия’, например, «среди видов конфликта выделяются спор, ссора, скандал, также группа фразеологизмов может описывать различные этапы развития конфликта» [5, с. 102-103]. Так, фразеологическое единство *бросить перчатку* указывает на начало конфликта, а его углубление – *подливать масло в огонь*. Конец конфликта можно обозначить устойчивым словосочетанием *закурить трубку мира* [5, с. 104].

Далее целесообразно отметить понятие «семантическая сеть», что означает «множество узлов, связанных между собой дугами», отражающими парадигматические отношения между «семантическими полями» [5, с. 101-102].

К семантическим категориям фразеологических единиц принято соотносить синонимию, антонимию, омонимию и полисемию.

Отношение синонимии

Во фразеологических единицах абсолютная синонимия редко прослеживается. Потому что в плане содержания фразеологизмов выделяется «внутренняя форма», которая влияет на семантику [5, с. 103]. Ввиду такого положения, различают «квазисинонимы и варианты», где компоненты фразеологизма могут варьироваться. Однако существуют такие фразеологические единицы, у которых варианты имеют различную семантику. Например, «формы положить / уложить на лопатки, потемнело, померкло в глазах – варианты. Брать за горло / брать за жабры – синонимы» [5, с. 104 с.].

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский отмечают, что большое количество синонимов в русском языке обнаружены в тех областях, которые наиболее важны для жизни человека: сферы жизни и смерти, денежных отношений, причинение физического ущерба и т.д. [5, с. 104].

Синонимия имеет «смысловую доминанту», которая, в основном, возглавляет синонимический ряд в словарях синонимов. Доминанта – это «член синонимического ряда, который имеет наиболее широкое лексическое значение и стилистически наиболее нейтрален» [5, с. 107].

В этом отношении следует отметить, что смысловым доминантом может быть и одинокое слово, и фразеологическая единица.

Таким образом, определяя синонимию фразеологизмов, необходимо учитывать внутреннюю форму фразеологических единиц, актуальное значение, степень вариации и «частеречную принадлежность» [5, с.181].

Отношение антонимии

Антонимия во фразеологической системе может выражаться двумя способами: 1) по семантическому признаку, например, «смирный – буйный», «низкий – высокий» и др.; 2) внутри одного семантического поля, например, «бедный – богатый», «правда – ложь» и др. [5, с. 110].

Необходимо отметить, что фразеологические единицы, внешне противопоставленные друг другу по лексическому составу, могут и не быть антонимами. Например, фразеологизмы «поставить на ноги», «сбить с ног» кажутся противоположными из-за лексического состава «поставить – сбить», но данные ФЕ не являются антонимией ни по внутренней форме, ни по актуальному значению. Поскольку актуальное значение ФЕ *поставить на ноги* – «помочь достигнуть самостоятельности», «вылечить»; *сбить с ног* – «оказать сильное психологическое воздействие» [5, с. 112].

Семантически противопоставленные значения во фразеологии создаются введением отрицания. Например, *водить за нос* – не *водить за нос*. В якутском языке чаще всего такие значения проявляются с помощью аффикса отрицания -ма: *баһа атаба биллэр* определен- ный, чаще с отрицательной коннотацией, с чувством неудовлетворенности (букв. неизвест-

но, где голова, где нога), – *баһа-атаҕа биллибэт* 1) неопределенный, неизвестный (букв. неизвестно, где голова, где нога), 2) без начала и конца, очень широкий.

Таким образом, отношение антонимии слабо выражено во фразеологической системе, чем можно объяснить отсутствие значительных фразеологических словарей антонимов.

Отношение омонимии.

Омонимия представляет собой «универсальное двустороннее (семантическое, фразообразовательное) явление» [5, с. 120]. Универсальность объясняется тем, что она свойственна языковым единицам разных уровней языка. Например, омонимию на фразеологическом уровне определяют фундаментальные свойства фразеологических единиц: структурная раздельнооформленность, семантическая целостность.

Фразеологические омонимы образуются следующими способами:

- 1) метафоризация омонимичных переменных сочетаний слов;
- 2) повторная метафоризация одного и того же переменного сочетания слов;
- 3) через расщепление многозначной ФЕ на 2 или более единицы;
- 4) в качестве переосмысления существующей ФЕ с ее закрепленным в языке значением.

В связи с этим, исследователи предлагают использовать понятие «фразеологическая омоформа» (язык проглотить – язык проглотить), «омонимы в вариантных формах употребления» (видать – видывать виды, видывать всякие виды) [5, с. 123].

Фразеолог якутского языка С.М. Прокопьева отмечает, что в языкознании существует 4 типа омонимических отношений: внутрифразеологическая, межуровневая, совмещенная и межъязыковая [14].

Таким образом, на омонимичные отношения между фразеологизмами и сопоставляемыми языками следует обратить особое внимание, поскольку они образуются разными способами, а также выявляются «взаимовлияния фразеологизмов литературного языка и нелитературной части (жаргонной и авторской ФЕ)». [14, с. 189-190].

Отношение полисемии.

В семантическом аспекте полисемии разделяют 2 типа:

- 1) «радиальная полисемия»: «значения слова мотивированы одним и тем же – центральным – значением» [5, с. 114].;
- 2) «цепочная полисемия»: «каждое новое значение слова мотивировано другим – ближайшим к нему – значением, крайние значения могут и не иметь общих семантических компонентов» [5, с. 182]. Например, фразеологическое выражение «*приказать долго жить*», означающее 1) умереть естественной смертью (от старости), 2) постепенно перестать существовать, не дав ожидаемых результатов. Банк, в котором советник президента хранил деньги, приказал долго жить. В данных фразеологических единицах второе значение производно от первого на основе переосмысления естественной смерти как «прекращения функционирования» [5, с. 117].

Следует отметить, что полисемия не характерна для пословиц. А также ученые отмечают, что полисемия явление редкое.

Необходимо пояснить, что полисемия отличается от омонимии тем, что в полисемических отношениях прослеживается общее значение, а также фразеологические единицы чаще всего не идентичны по форме.

Фразеологическая единица как значимая единица языка вступает в два типа отношений: «парадигматические» (между самими фразеологическими единицами) и «синтагматические» (между фразеологическими единицами и другими единицами – словами, предложениями) [5, с. 99].

В данной статье мы разберем парадигматические отношения. Поскольку парадигматические связи фразеологических единиц наиболее наглядно показывают их системность,

т.е. то, что фразеологические единицы «не существуют изолированно друг от друга, а образуют различные группировки или парадигмы на основе общих и различительных признаков» [5, 100 с.].

Парадигматические связи бывают двоякого рода:

- 1) «внутри одной фразеологической единицы (при многозначности)»;
- 2) «между разными фразеологическими единицами (отношения омонимии, синонимии, антонимии)» [5, с. 37].

Фразеологизмы-синонимы в якутско-бурятских параллелях

Фразеологическая синонимия в отношении якутско-бурятских фразеологических параллелей охватывает 3 синонимические пары. Например, якутские фразеологизмы со значением «лучший из людей» имеет «синонимический ряд». Бурятские же фразеологические выражения различаются по структуре, где отождествлены человек и лошадь.

Сравн.: як. **киһи киэнэ киргиллээбэ** (букв. из людей, как серебристо-полосатый соболю) «человек, подобный серебристо-полосатому соболю» – «лучший из лучших»; **киһи киэнэ кылааннааба** – «прекрасный, превосходный человек», **киһи киэнэ килбиэннээбэ** «наилучший» [12, с. 223]; бур. **хүнэй дээд хүн** (букв. человека выше человек) – «лучший из людей»; **хүнэй һайн ород, хүлэгэй һайн аргамаг** (букв. человек хороший русский, скакун хороший аргамак) – «лучший из людей – русский, лучший из коней – аргамак» [19, с. 118]; **арта гений – агуухэ Ленин** (букв. славный гений – великий Ленин) – «лучший из лучших» [19, с. 11].

Синонимия представлена внутри бурятских фразеологизмов: в значении «подчинять, держать в подчинении» даны следующие единицы: **гартаа оруулха** (букв. в руки заводить) – **гартаа бариха** (букв. в руке держать) – «держат в подчинении» – **гартаа абаха** (букв. \ в руки, взять) [19, с. 34].

Отношение синонимии находим внутри бурятских ФЕ: бур. **айһандаа зүрхэн амаараа гаран алдаха** (букв. от испуга, сердце изо рта, выходя упустить) – «от испуга чуть сердце не выскочило изо рта» [19, с. 10]; **зүрхэн амаараа булталзаха** (букв. сердце через рот высовывается) – «душа ушла в пятки» [19, с. 50].

Таким образом, как показал материал, синонимия доминирует в бурятском языке. Синонимия в якутском языке, в основном, представлена вариациями.

Фразеологические антонимы между параллелями выявлены только в одном случае. Сравн.: як. **иһэ хайда сыста** – (букв. живот его чуть не лопнул) «рассердиться не на шутку, быть возмущенным до предела»; бур. **гэдэһээ хаха баярлаха** (букв. живот разрывая радоваться) – «лопнуть со смеху» [12, с. 214]. В данном случае антонимы являются непрямыми: рассердиться – развеселиться, радоваться. Данный пример показывает, что в ЯБФП антонимы встречаются редко.

Что касается омонимии в отношении якутского и бурятского языков, то в обоих языках найдено по одной ФЕ. Сравн.: якут. **барар сирэ бабана үүтэ, кэлэр сирэ кэли үүтэ буолла** (букв. не осталось лазейки хоть с ямочку для установки столба, прийти – не осталось места хоть с отверстие ступы) – «оказаться в безвыходном положении» [17, с. 118-119]; бур. **орохо нүхээ барагдаха** (букв. заходить дыры исчерпываться) – 1) «оказаться между небом и землей»; 2) «остаться без жилья»; 3) «очутиться в тупике» [19, с. 66]. Як. **илиитин көтөхпүт** (букв. руку поднимать (на кого-л.) – 1) «побить, ударить кого-л.»; 2) «противиться, сопротивляться, спорить» [12, с. 191].

В отличие от фразеологических антонимов и омонимов, **полисемия представлена у 5 ФЕ**. Например, як. **сытар ынабы туруорбат** (букв. лежащую корову не поднимет) –

1) «смирный, и мухи не обидит»; 2) «чрезмерно тихий» [13, с. 169]; бур. **хэбтэһэн хони бодхохогүй** (букв. лежавшую овцу не поднимать) – 1) «тише воды, ниже травы»; 2) «тихоня» [19, с. 108]. Бур. **хүнэй хэлэн газаагуур ошодоггүй** (букв. человека язык наружу не уходит) – 1) «пословица не мимо молвится»; 2) «то, что не зря сказано» [19, с. 118]. Бур. **улаан нюд аргаараа** (букв. красным, кулаком) – 1) «голыми руками»; 2) «физической силой» [19, с. 82].

Заключение

Основываясь на классификации А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, внутри якутско-бурятских фразеологических параллелей выявлены синонимия и антонимия, омонимия и полисемия. Синонимия доминирует в бурятском языке. Синонимия в якутском языке, в основном, представлена вариациями. Антонимы встречаются редко. Отношение полисемии показаны больше всего в бурятском языке, а именно в пословицах и во фразеологических сочетаниях.

Таким образом, семантические категории во фразеологических единицах якутского и бурятского языков представляют собой интересный материал для дальнейшего исследования по изучению сравнительно-сопоставительного языкознания, в частности, по изучению структуры и семантики фразеологических единиц.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта: Наука: 2009. – 344 с.
2. Антонов Н.К. Саха билинни тылын лексиката. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1967. – 102 с.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 366 с.
4. Афанасьев П.С. Саха билинни тыла. Лексикология: саха филологиятын уонна төрүт культуратын факультетыгар үөрэнэр кинигэ / П. С. Афанасьев. – Дьокуускай: Саха государственной университетин издательствота, 1996. – 191 с.
5. Баранов А.Н. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 312 с.
6. Будаев Ц.Б. Фразеология бурятского языка – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 88 с.
7. Готовцева Л.М. Фразеологические единицы с соматическим компонентом языка саха как объект сопоставительного изучения: Дис. . канд. филол. наук. Якутск, 1994.-218 с.
8. Григорьев Н.С. О некоторых вопросах методики научного анализа фразеологических единиц якутского языка // Проблемы тюркологии и истории русского востоковедения. Казань, 1960. – С. 165-177.
9. Григорьев Н.С. Саха тылын сомоһо домохун тылдьыта (Фразеологический словарь якутского языка). Около 3000 словарных статей. Якутск. Кн. Изд-во, 1974. – 128 с.
10. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М.: гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1960. – 407 с.
11. Нелунов А.Г. Якутско-монгольские фразеологические параллели // Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков: материалы Международной научно-практической конференции. г. Якутск, 18-19 октября 2018 г. / [Ред. колл. : А.К. Прокопьева, А.Е. Шамаева, А.Е. Божедонова]. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. – 608 с.
12. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь = Сомоһо домох сахалыы-нууччалы тылдьыта в 2-х т. / А. Г. Нелунов ; отв. ред. д.филол.н., проф. П. А. Слепцов. – Новосибирск: Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ, филиал «Гео», 2002. – Т. 1. – 287 с.
13. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь = Сомоһо домох сахалыы-нууччалы тылдьыта в 2-х т. / А. Г. Нелунов ; отв. ред. д.филол.н., проф. П. А. Слепцов. – Новосибирск: Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГГМ, филиал «Гео», 2002. – Т. 1. – 420 с.
14. Прокопьева С.М. Контрастивный анализ фразеологической омонимии русского, немецкого и якутского языков // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. – М., 2014. – № 4. – С. 450-458.

15. Прокопьева С.М. Проблема фразеологической образности в исследовании универсально-типологического и национального в фразеологической системе языка. – М.: Издательство «Мир книги», 1995. – 163 с.
16. Пюрбеев Г.Ц. Глагольная фразеология монгольских языков. – Москва: Наука, 1972. – 208 с.
17. Сборник якутских пословиц и поговорок = Саха өһүн хоһооннорун хомуура / Акад. наук СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории; сост. Н. В. Емельянов; [отв. ред. Г. С. Сыромятников]. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. – 246 с.
18. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка / И. И. Чернышева. – Москва: Высшая школа, 1970. – 200 с.
19. Цыденжапов Ш.Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. – Улан-Удэ, 1992. – 145 с.

References

1. Alefirenko N.F. Frazeologija i paremiologija: Uchebnoe posobie dlja bakalavrskogo urovnja filologičeskogo obrazovanija / N.F. Alefirenko, N.N. Semenenko. – M.: Flinta: Nauka: 2009. – 344 s.
2. Antonov N.K. Saha bilinŋi tylyn leksikata. Jakutsk: Jakutskoe kn. izd-vo, 1967. – 102 s.
3. Apresjan Ju.D. Leksicheskaia semantika: sinonimicheskie sredstva jazyka. – M.: Nauka, 1974. – 366 s.
4. Afanas'ev P.S. Saha bilinŋi tyla. Leksikologija: saha filologijatyn uonna teryt kul'turatyn fakul'tetygar yorjenjer kinigje / P. S. Afanas'ev. – D'okuuskaj: Saha gosudarstvennaj universitetyn izdatel'stvota, 1996. – 191 s.
5. Baranov A.N. Osnovy frazeologii (kratkij kurs): ucheb. posobie / A.N. Baranov, D.O. Dobovol'skij. – 3-e izd., ster. – M.: FLINTA: Nauka, 2016. – 312 s.
6. Budaev C.B. Frazeologija burjatskogo jazyka – Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1970. – 88 s.
7. Gotovceva L.M. Frazeologičeskie edinicy s somatičeskim komponentom jazyka saha kak ob'ekt sopostavitel'nogo izučeniia: Dis. . kand. filol. nauk. Jakutsk, 1994.-218 s.
8. Grigor'ev N.S. O nekotoryh voprosah metodiki nauchnogo analiza frazeologičeskikh edinic jakutskogo jazyka // Problemy tjurkologii i istorii russkogo vostokovedeniia. Kazan', 1960. – S. 165-177.
9. Grigor'ev N.S. Saha tylyn somoŋo domoŋun tyld'yta (Frazeologičeskij slovar' jakutskogo jazyka). Okolo 3000 slovarnyh statej. Jakutsk. Kn. Izd-vo, 1974. – 128 s.
10. Zvegincev V.A. Istorija jazykoznanija XIX i XX vekov v očerkah i izvlečenijah. – M.: gos. uch.-ped. izd-vo Ministerstva prosvetšhenija RSFSR, 1960. – 407 s.
11. Nelunov A.G. Jakutsko-mongol'skie frazeologičeskie paralleli // Sravnitel'no-sopostavitel'noe izučenie tjurkskikh i mongol'skikh jazykov: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. g. Jakutsk, 18-19 oktjabrja 2018 g. / [Red. koll. : A.K. Prokop'eva, A.E. Shamaeva, A.E. Bozhedonova]. – Jakutsk: Izdatel'skij dom SVFU, 2018. – 608 s.
12. Nelunov A.G. Jakutsko-russkij frazeologičeskij slovar' = Somoŋo domoh sahalyy-nuuchchalyy tyld'yta v 2-h t. / A. G. Nelunov ; otv. red. d.filol.n., prof. P. A. Slepcev. – Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, Nauchno-izdatel'skij centr OIGGM, filial «Geo», 2002. – T. 1. – 287 s.
13. Nelunov A.G. Jakutsko-russkij frazeologičeskij slovar' = Somoŋo domoh sahalyy-nuuchchalyy tyld'yta v 2-h t. / A. G. Nelunov ; otv. red. d.filol.n., prof. P. A. Slepcev. – Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, Nauchno-izdatel'skij centr OIGGM, filial «Geo», 2002. – T. 1. – 420 s.
14. Prokop'eva S.M. Kontrastivnyj analiz frazeologičeskoj omonimii russkogo, nemeckogo i jakutskogo jazykov // Funkcional'naja semantika i semiotika znakovyh sistem. – M., 2014. – № 4. – S. 450-458.
15. Prokop'eva S.M. Problema frazeologičeskoj obraznosti v issledovanii universal'no-tipologičeskogo i nacional'nogo v frazeologičeskoj sisteme jazyka. – M.: Izdatel'stvo «Mir knigi», 1995. – 163 s.
16. Pjurbeev G.C. Glagol'naja frazeologija mongol'skikh jazykov. – Moskva: Nauka, 1972. – 208 s.
17. Sbornik jakutskikh poslovic i pogovorok = Saha өһүн хоһооннорун хомуура / Акад. наук СССР, Якут. фил. Сиб. отд-ния, Ин-т яз., лит. и истории; сост. Н. В. Емельянов; [отв. ред. Г. С. Сыромятников]. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. – 246 с.
18. Chernysheva I.I. Frazeologija sovremennogo nemeckogo jazyka / I. I. Chernysheva. – Moskva: Vysshaja shkola, 1970. – 200 s.
19. Cydenzhapov Sh.R. Burjatsko-russkij frazeologičeskij slovar'. – Ulan-Udje, 1992. – 145 s.

Л. В. Былахырова, И. В. Собакина

Взаимовлияния якутского и русского языков на территории города Вилюйска Республики Саха (Якутия)

СВФУ имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Статья написана с целью определения языковой ситуации г. Вилюйска и рассмотрения взаимовлияния русского и якутского языков на территории города. Исходя из цели работы были решены следующие задачи: сбор всех текстов улиц г. Вилюйска; создание лингвистической базы данных городских текстов; проведение количественного и качественного анализов лингвистического ландшафта г. Вилюйска; проведение анализа перевода двуязычных знаков и определение экологии перевода; составление схемы перевода официальных знаков для улучшения языковой политики и городского имиджа. Применены часто используемые в современных исследованиях методы: социолингвистический метод сбора и анализа текстов языкового ландшафта, фотографирование визуального облика города, наблюдение. Материалом исследования послужили письменные языки вывесок, наименования предприятий и муниципальных учреждений, рекламных щитов, дорожных указателей, объявлений, знаков торговых центров и магазинов, общественных знаков на правительственных зданиях в общественном пространстве. Всего исследовано 474 знака города, собранные с 17 февраля 2021 г. В общей сложности было заснято 359 фото. Исследование представляет собой анализ информационной и символической функций знаков. Информационная функция включает информацию о типах и объектах знаков (официальный, неофициальный); количестве языков на знаке; комбинации языков на знаках; презентации дву- / полиязычных знаках. Также анализ включает информацию о первом языке, размере и шрифте текста знаков. А символическая функция лингвистического ландшафта связана с выбором языка, которая функционирует в городском пространстве. Благодаря чему, отражается статус, социальное и экономическое значения языков. Результаты исследования могут послужить базой для дальнейших исследований и могут стать рекомендательным листом для представителей государственных структур в оптимизации визуальной составляющей городской среды, а также использоваться для корректировки языковой политики города.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, социолингвистика, язык города, языковой ландшафт, языковая политика, языковая ситуация, двуязычие, полиязычные знаки, представленность языков, перевод знаков, способы перевода.

БЫЛАХЫРОВА Луиза Валентиновна – студентка 4-го курса Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: luiza.bylaxyrova@mail.ru

BYLAKHYROVA Luiza Valentinovna – fourth year student, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the North-East, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

СОБАКИНА Ирина Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: ivs1977@mail.ru

SOBAKINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the department Sakha Stylistics and Russian-Yakut Translation, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

L. V. Bylakhyrova, I. V. Sobakina

Mutual influence of the Russian and Yakut languages in the territory of the town of Vilyuysk, Sakha Republic (Yakutia)

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article is written to determine the linguistic situation in Vilyuysk, as well as to consider the mutual influence of the Russian and Yakut languages on the territory of the town. Based on the purpose of the work, the following tasks were solved: collecting all the texts of the streets of Vilyuysk; creating a linguistic database of urban texts; conducting a quantitative and qualitative analysis of the linguistic landscape of Vilyuysk; analyzing the translation of bilingual signs and determining the ecology of translation; drawing up a translation scheme of official signs to improve language policy and urban image. The sociolinguistic method of collecting and analyzing texts of the linguistic landscape, photographing the visual appearance of the city, observations, often used in modern research, are applied. The material of the study was the written languages of signs, names of enterprises and municipal institutions, billboards, road signs, announcements, signs of shopping centers and shops, public signs on government buildings in public space. In total, 474 signs of the town were studied, collected since February 17, 2021. A total of 359 photos were taken. The study is an analysis of the informational and symbolic functions of signs. The information function includes information about the types and objects of signs (official, unofficial); the number of languages on the sign; language combinations on signs; presentations in bilingual/multilingual signs. The analysis also includes information about the first language, size and font of the character text. The symbolic function of the linguistic landscape is associated with the choice of language, which functions in the urban space. Due to this, the status, social and economic significance of languages is reflected. The results of the study can serve as a basis for further research and can become a recommendation sheet for representatives of government agencies in optimizing the visual component of the urban environment, as well as be used to adjust the language policy of the city.

Keywords: linguistic landscape, sociolinguistics, city language, language landscape, language policy, language situation, bilingualism, multilingual signs, representation of languages, sign translation, translation methods.

Введение. Современное городское пространство невозможно представить без различной рекламы, текстов, табличек, красочных вывесок, создающих визуальный облик города. Тем самым язык города привлекает внимание многих исследователей. Именно здесь полностью отражены применение и функционирование языков, которые могут более точно показать нам актуальную языковую ситуацию.

Термин «лингвистический (языковой) ландшафт» возник относительно недавно, с 70-80-х гг. XX века и можно определить как связь языков, для оформления надписей на фасадных табличках зданий, различных вывесках, баннерах, дорожных знаках, мемориальных досках и т.д.

Много исследователей дают объяснение этому термину. Например, определение Н.П. Пешковой затрагивает научные аспекты изучения данного лингвистического явления и более точно отражает сущность понятия. Она в своем исследовании пишет, что в лингвистический ландшафт входят все формы существования языка в городском пространстве, а также методы изучения этого языка, взаимодействия и соотношения нескольких языков в обществе многоязычного города или региона в целом. Считает, что для характеристики термина «языковой ландшафт города» лучше всего подходит термин «текст города». Отмечает также и другие термины, выдвигаемые различными исследователями. [1, с. 231]

В нашей работе мы ссылаемся на определение, которое предлагают Р. Ландри и Р. Борхис: «Язык общественных дорожных знаков, рекламных щитов, названий улиц, названия мест, вывески коммерческих магазинов и публичные вывески на правительственных зда-

ниях формируют языковой ландшафт данной территории, региона или городской агломерации» [2, с. 23]. Это определение является общепризнанным и в данное время используется в работах многих исследователей.

Н.И. Иванова о нынешнем лингвистическом ландшафте столицы нашей республики г. Якутска пишет, что он «формируется на полилингвистических ресурсах, единое российское пространство предопределяет доминирование русского языка; в последнее время активнее появляется якутоязычная визуальная информация, а также информация на языках других этнических групп из стран ближнего зарубежья» [3, с. 71-76].

Ученые Спольски Б. и Купер Р. Л. в 1991 г. провели лингвистическое исследование, в результате которого выявили употребление языков в городской среде. Задумались над вопросом, как можно объяснить этот выбор. Далее они создали свою методику: во-первых, определение языка. Во-вторых, подсчет всех фигурирующих языков, а также установление более частотных. Они указали несколько «критериев для установки систематизации языковых знаков: соответствие функции и использования знака (знаки на улице, рекламы, предупреждающие надписи, наименование зданий, таблички с различной информацией, мемориальные доски, граффити); соответствие с материалами, из чего выполнен знак или его форма (плакат, дерево, камень и т.д.); соответствие с языком, которая используется на знаке и их количеством (одноязычные, двуязычные или многоязычные знаки)» [7, с. 81-84].

По словам Т.А. Голиковой, когда мы определяем цель исследования лингвистического ландшафта, должны понять, что «сбор и фиксация материала – это лишь первая часть работы, как и первичный анализ языка/языков надписей, особенностей расположения, цветовой символики и прочее». Исходя из этого возникло понятие – «первичные данные», то есть это материалы, которые собрали исследователи в ходе полевого изучения. Затем весь материал структурируется в виде вопросника или опроса. Также объясняет, что «методика лингволандшафтных исследований в аспекте репрезентативности материала должна включать либо выборочную, согласно точным критериям, соответствующим целям исследования, либо полную/сплошную фиксацию материала» [4, с. 159].

Многие рассматривали лингвистический ландшафт города с точки зрения взаимосвязи языков, учитывая языковую политику того, или иного места. Мы рассматриваем единицу лингвистического ландшафта, как связь государственного языка – это официальный язык страны или города и второго языка – это второй официальный язык или язык региона, язык какой-либо этнической группировки, представленные в пространстве местности.

В этой статье мы ставим цель исследовать взаимовлияние русского и якутского языков на территории города, а также определить языковую ситуацию в целом. Новизна данного исследования основывается в количественном и качественном анализе всех городских текстов улиц города Вилюйска и в выборе методологии изучения этих текстов. Единицей анализа служат знаки. Под знаком мы понимаем текст одного объекта (официальных и неофициальных). Изучение языковых ландшафтов является довольно новой областью исследований в рамках социолингвистики, поэтому научная новизна работы фокусируется на ранее не исследованном лингвистическом ландшафте.

Исследование предполагает проведение работы в два этапа: первый этап – сбор всех текстов лингвистического ландшафта на улицах города и создание лингвистической базы данных; второй этап предполагает количественный и качественный анализы собранного материала, анализ информационной и символической функций языкового ландшафта.

В современном мире перевод языковых знаков в лингвистическом ландшафте значим для формирования положительного имиджа городской местности.

Мы представляем анализ перевода наименований объектов г. Вилуйска. Материалом для исследования стали наименования предприятий и организаций, муниципальных учреждений, а также дорожные указатели, мемориальные доски и фасадные таблички магазинов. В результате анализа были выявлены переводческие решения.

На первом этапе исследования все языковые знаки были разделены на группы по способам перевода. На втором этапе выявлены не совсем удачные переводы, которые могут вызвать некоторые проблемы в экологии лингвистического ландшафта города. На третьем этапе нами предложены варианты перевода.

Результаты исследования

Наше исследование охватывает лингвистический ландшафт следующих улиц города Вилуйска – ул. Грабовского, Щорса, Ленина, Пионерская, Комсомольская, Октябрьская, Степана Аржакова, Чернышевского, Ярославского, Кирова, Мира, Каландаришвили, Чиряева, Чапаева, Хомустахская, Молодежная, 50 лет Оборона, Аммосова, Дружбы, Жиркова, Орджоникидзе, Павла Харлампьева, Пушкина, Советская, Юбилейная, Ойунского, Гагарина, Винокурова, Иона Попова и т.д. Сюда относятся официальные – это муниципальные учреждения и предприятия, центральные деловые и торговые улицы города со множеством государственных органов и организаций и неофициальные знаки – это торговые центры, дорожные указатели, рекламные щиты, вывески, рынки и магазины.

Всего заснято 359 единиц фотоматериала. В некоторых случаях, в одном фотоматериале охвачены 2-3 разных знака и исходя из этого, в качестве единицы анализа, знаков получается намного больше. Таким образом их получилось 474.

В ходе первичного анализа материала выявлены типы и объекты знаков, которые разделены на официальные и неофициальные (коммерческие). Неофициальных знаков оказалось большинство – 81,2 %, официальных намного меньше – 18,8 %. К официальным объектам относятся государственные, муниципальные, региональные органы и организации, предприятия.

В неофициальные знаки входят: акционерное общество, общество с ограниченной ответственностью, потребительское общество, производственный кооператив, комбинат, компания, ломбард, столовая, кафе, кофейня, чайная, торговый центр, деловой центр, маркет, магазины, киоск, кинотеатр, дискаунтер, торговая лавка, медицинский офис, парикмахерская, салон сотовой связи, салон красоты, салон цветов, салон займа, ювелирный салон, банк, пекарня, служба доставки, рекламное агентство, страховое агентство, полиграфия, центр юридической помощи, храм, меховой салон, автомастерская и автосервис, прием платежей.

Анализ информационной функции знаков показал, что монологический язык превалирует над двуязычным – 12,9 в официальных знаках и 61,4 в неофициальных, что составляет 74,3 %. Здесь нужно отметить, что преобладающий язык на знаках – русский язык. Во-вторых, идет двуязычие – 5,9 и 19,8 в общей сложности 25,7 знаков. Что в официальных, что в неофициальных знаках использование 3 и 4 языков не наблюдается. Таким образом, монологический язык составил 74,3 % против полиязычного 25,7 %. Соотношение 74,3 % и 25,7 % позволяет говорить, что в лингвистическом ландшафте города Вилуйска использование монологического языка намного превышает использование двуязычия, что не соответствует нормам, так как Республика Саха (Якутия) по закону считается двуязычной: имеет два государственных языка – якутский и русский языки, а языки коренных малочисленных народов считаются официальными языками.

Анализ комбинации языков на знаках выявило преобладание русского языка над всеми другими языками: 57,3 % единоличное использование и 19,5 % в комбинации с другими языками, представленными в языковом ландшафте города Вилюйска (это 76,8 % перевеса русского языка). Радует, что почти все мемориальные доски и дорожные указатели дублированы на якутский язык.

Рис. 1. Дорожные указатели на якутском и русском языках

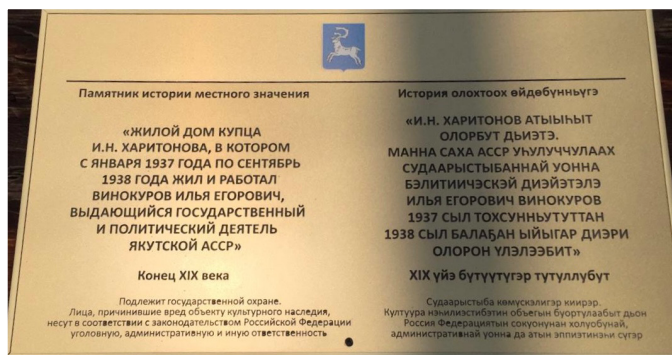

Рис. 2. Фасадная табличка исторического здания

Кроме того, не найдено ни одного знака на языках коренных малочисленных народов Севера, так как территория Вилюйского улуса не является местом их компактного проживания.

Рис. 3. Преобладание размера якутского шрифта над русским.

Анализ очередности языков на дву-/полиязычных знаках даст нам дополнительную информацию об относительной важности, придаваемой каждому языку. Якутский язык

в качестве первого языка используется в 45,6 % случаев. Первое место на знаках в 47,1 % случаях принадлежит русскому языку. Это свидетельствует о том, что русский язык имеет важное значение для жителей республики, как язык государства.

Анализ размера и типа шрифта текста на знаках показал нам, что шрифты городских текстов значительно разнятся. Наш материал показывает, что в комбинации знаков с русским языком, якутский и английский языки имеют значительно больший размер. Такое явление встречается в неофициальных коммерческих знаках.

Анализ типа шрифта на двуязычных знаках, выявил преобладание одинакового типа шрифта на знаках с якутским и русским языками (65,8 %). В большинстве случаев одинаковый тип шрифта используется на фасадных табличках официальных знаков и табличках режима работы неофициальных коммерческих знаков, дорожных указателях, исторических охраняемых зданиях. Размер и тип шрифта одинаковый и в точности совпадают.

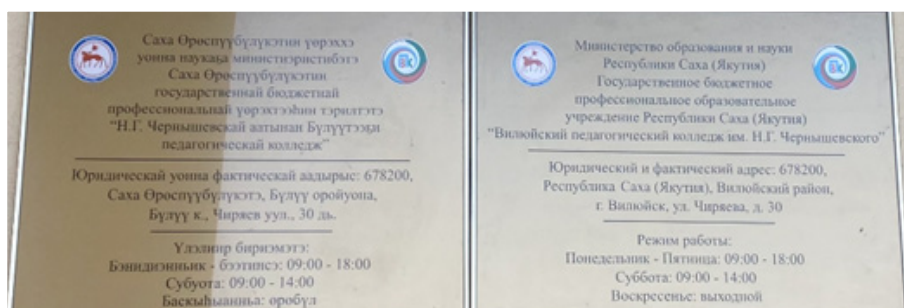

Рис. 4. Фасадная табличка муниципального здания

Рис. 5. Фасадная табличка министерства

Рис. 6. Перевод только фасадной таблички с полным наименованием и выходными данными заведения

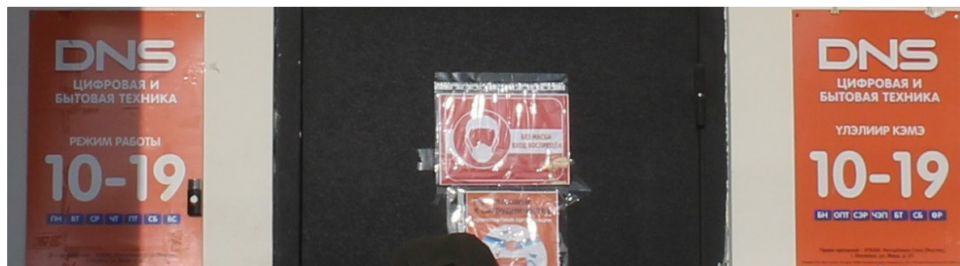

Рис. 7. Перевод в табличке только режима работы

В 2015 году Управление языков при главе Якутии принял «решение сделать наименования географических объектов на дорожных и информационных указателях на двух государственных языках республики». [6] Согласно этому решению, стали переводиться дорожные указатели, остановки. Однако их перевод также носит фрагментарный характер, например, ВПО «Виллюйская техническая школа» РО «ДОСААФ» России РС (Я) – «ДОСААФ» Бүлүүтээби техническэй оскуолата, Виллюйский участок Мирнинского отделения Энергосбыта ПАО «Якутскэнерго» – Энергосбыт – уоту батарар тэрилтэ, Пекарня ООО «Хлеб» – Бэкээринэ, Сельскохозяйственный перерабатывающий потребительский кооператив «Сыа Бүлүү» – «Сыа Бүлүү» ас-үөл кээпэрэтиибэ, Межрайонный ИФНС России № 3 по РС (Я) в виллюйском районе – Нолуок сулууспатын 3 № -дээх иниспиксийэтин Бүлүүтээби салаата.

Названия заведений на якутском языке часто представлены без дублирования на русский язык (комплиментарный тип информации) как зарегистрированный бренд или торговая марка, например, меховой салон Сардаана, бренд местной продукции Сыа Бүлүү, Илгэ, Хоту Ас. Якутские названия носят торговые центры: Тэтим, Модун, Долгунча, Ситим, Кустук, Ус бэс, Булчут; кафе и маркеты: Сардаана, Түһүлгэ, Уйгулаана; детский сад Бүлүүчээнэ.

Рис. 8. Пример комплиментарного типа информации

Рис. 9. Пример пересекающегося типа информации

Пересекающийся тип информации – это когда имеется общая часть и часть с разной информацией на разных языках, составляет небольшой процент, всего 1,8 % и в большей части представлены в рекламных баннерах, где якутский язык используется в качестве рекламного слогана.

Анализ русско-якутских текстов городской среды г. Вилюйска

В анализе перевода были охвачены 27 наименований официальных знаков и 95 неофициальных знаков (дорожные указатели, мемориальные доски и таблички, вывески, таблички магазинов, банк).

Наиболее часто встречается эквивалентный перевод – в 59 знаках города Вилюйска (49,2%). В нескольких случаях используется в сочетании с транскрипцией, транслитерацией и добавлением:

Дом Хомуса им. И.Ф. Захарова–Кылыады Уус – И.Ф. Захаров–Кылыады Уус аатынан Хомус дьиэтэ. В Большом толковом словаре якутского языка слово «дом» – место жительства (дом, жилье, частный дом, квартира, здание, строение), «дьиэ» – киһи олорор сирэ (дьиэтэ, хоһо, квартирата, муннуга) [8, с. 364].

Способ транскрипции используется в 20 знаках (16,7 %). В транскрипции важно максимально передать звучание слов. В наших примерах встречается чаще всего в переводе дорожных указателей. Например: *Памятник Г.И. Чиряеву – Г.И. Чиряев нааматынньыга.* А' – задний, широкий звук. В первом слоге звук а' стоит в ударной позиции, поэтому употребляется долгий аа'. Вслед за ним по правилам фонетики якутского языка должны следовать задние звуки – ы', а'. «Сочетание согласных заимствованных слов в якутской передаче обычно устраняются.» [9, с. 150] Так, между ними добавляется гласный задний звук ы'. В силу акустической близости звук н' часто заменяется якутским нь', по этой же причине этот звук удваивается.

В 18 примерах (15 %) применяется способ опущения слов. При приеме опущения должны игнорироваться семантически избыточные слова и выражения, но в нашем случае эти опущения могут привести к не точному и не полному пониманию смысла текстов. Рассмотрим пример перевода мемориальной доски: *«Объект, представляющий историко-культурную ценность. Жилой дом и амбар казака И.И. Корякина. Построен до 1917 г. – И.И. Корякин хаһаак олоһун дьиэтэ уонна амбаара. 1917 сыл иннинэ тутуллубут.* При переводе опущено предложение – *«Объект, представляющий историко-культурную ценность»*, означающее, что это здание охраняется государством. Предложение несет важный смысл для населения, поэтому можно было перевести так: *«Устуоруйа уонна култуура суолталаах эбийиэгэ»*.

Способ аналогового и адекватного переводов знаков используется в 14 примерах (11,6 %): *Музей «Казачье подворье» – «Хаһаак дьиэтэ» түмэл* – является аналоговым переводом, так как слово «дьиэ – киһи олоһун сирэ (дьиэтэ, хоһо, квартирата, муннуга) – дом – место жительства (дом, жилье, частный дом, квартира, здание, строение)» [8, с. 364]. А слово «подворье» в словаре забытых и трудных слов XVIII-XIX веков означает как – «дом с относящимися к нему постройками, усадьба; дом для приезжих; постоянный двор; частная гостиница» [10]

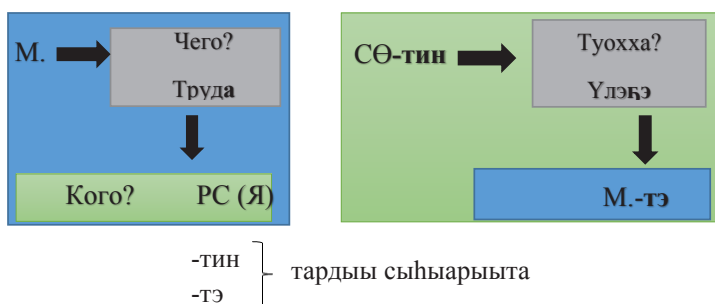
Способ экспликации используется в 5 примерах (4,2%). Этот способ в основном применяется при переводе аббревиатур и сокращений. *ГИБДД – Суолга сэрэхтээх буолуу сулуспата* – пример перевода дорожного указателя, сокращенное написание ССБС.

Способ добавления наблюдается в 3 примерах (2,5 %): *Площадь Славы – Албаан аат болуоссата;* «Албан – аатырбыт, бэртээхэй, уһулччулаах – славный, отменный», «албан аат – үрдүк хайҕалынан киэнник билли – громкая слава, широкая известность (обычно о людях, имеющих выдающиеся заслуги перед обществом, народом)» [11, с. 404].

Способ транслитерации используется в одном примере (0, 8%). При транслитерации передается буквенная лексическая единица – *Стадион «Оленск»* – «*Оленск*» стадион.

Для составления схемы перевода наименований предприятий, учреждений нами отредактировано уже существующие и предложены варианты перевода 61 знаков. Эта схема поможет улучшению языковой политики города, формированию комфортной языковой среды и решению функционирования государственного статуса якутского языка:

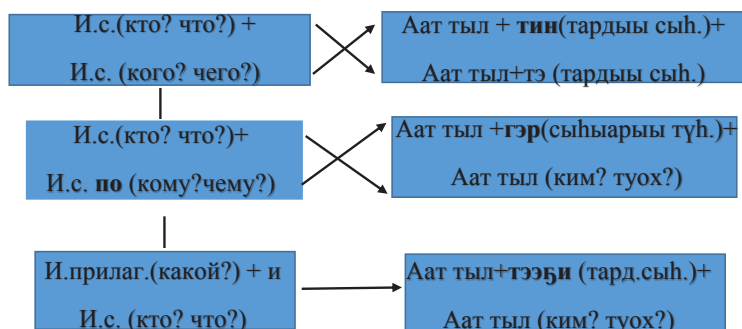
1. При переводе наименований министерств РС (Я) родительный падеж (чего?) всегда заменяется категорией принадлежности (*тардыы ситимэ*), а именно название министерства (здравоохранения, труда, образования и т.д.) заменяется дательным падежом (*туохха?*). Происходит перестановка слов в предложении.

Пример: *Министерство здравоохранения Республики Саха (Якутия)* – *Саха Өрөспүүбүлүкэтин доруобуйа харыстабылыгар министиэристибэтэ*;

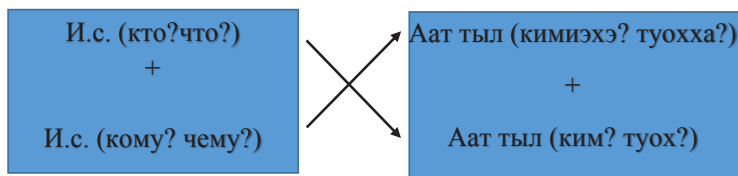
Рассмотрим другой пример: *Следственный комитет Российской Федерации Следственное управление по Республике Саха (Якутия) Вилюйский межрайонный следственный отдел г. Вилюйск – Арасыйыа Бэдэрээссийэтин силиэстийэлиир кэмитиэтэ Саха Өрөспүүбүлүкэтигэр силиэстийэлиир салалта Бүлүүтээҕи оройуоннар икки ардыларынааҕы силиэстийэлиир салаа Бүлүү к.*

В этом примере три отдельных предложения, не связанные между собой: первое – Следственный комитет Российской Федерации, второе – Следственное управление по Республике Саха (Якутия), третье – Вилюйский межрайонный следственный отдел г. Вилюйск. Тогда при переводе следуем следующей схеме:

По такой же схеме переводятся и другие названия официальных знаков, например: *Учреждение/ предприятие/ организация муниципального района «Вилюйский улус (район)» Республики Саха (Якутия)* – *Саха Өрөспүүбүлүкэтин «Бүлүү улууһа» (оройуона) муниципальнай оройуонун тэрилтэтэ*;

1. Дательный падеж (*кому? чему?*) на якутский язык передается эквивалентом – *сыһарыы түһүк (кимихэ? туохха?)*:

Например: *Отделение по Вилюйскому району – Бүлүү оройуонугар салаата;*

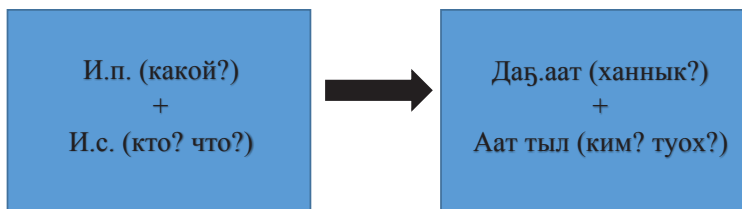
Управление по Республике Саха (Якутия) – Саха Өрөспүүбүлүкэтигэр салалтата;

3. Словосочетания с числительными (*ахсаан ааттаах тыл ситимэ*)

При переводе адреса предприятия, учреждения и т.д. также применяется притяжательный падеж (*тардыы*): *Республика Саха (Якутия), Вилюйский район, г. Вилюйск, ул. Чиряева, д. 30 – Саха Өрөспүүбүлүкэтэ, Бүлүү оройуона, Бүлүү к., Чиряев уул., 30 дь.* При этом происходит замена порядка слов – *г. Вилюйск – Бүлүү к.;*

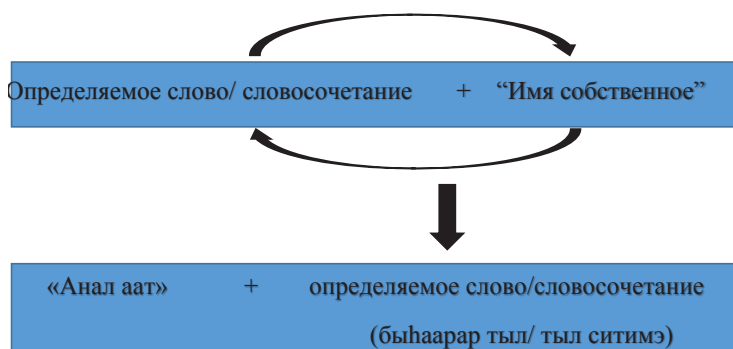
Порядок слов при переводе времени (час, минута) не меняется: *временный режим работы: с 14:00 до 16:00 – быстах үлэлиир кэмэ: 14:00-16:00.*

4. Слова с окончаниями -ый/ -ий/ -ой (имена прилагательные) передаются на якутский язык эквивалентами – словами с окончаниями -тээби/-таабы (*относительное прилагательное*):

Например: *Районный центр – Оройуоннаабы киин; Вилюйский отдел – Бүлүүтээби салаа; Вилюйская школа – Бүлүүтээби оскуола; Республиканский центр – Өрөспүүбүлүкэтээби киин.*

5. Название предприятий, организаций и т.д. (имя собственное-анал аат) в якутском тексте всегда стоит перед определяемым словом/ словосочетанием:

Примеры: *Административный участок № 1 «Центр» – «Киин» 1-кы №-дээх административнай участка; Вилюйский центр досуга «Алгыс» – «Алгыс» Бүлүүтээби сынньалаҥ киинэ;*

6. Такие слова и словосочетания, как – *режим работы/ перерыв/ перерыв на обед/ выходной или выходные дни* следует заменить притяжательным именительным падежом: *үлэлиир кэмэ/ тохтобула/ эбиэккэ тохтобула/ өрөбүлэ/ өрөбүл күннэрэ.*

Заключение. В ходе исследования выявлено, что в лингвистическом ландшафте г. Виллюйска Республики Саха (Якутия) русский язык занимает доминирующее положение. Анализ комбинации языков на знаках выявило преимущественное использование трех языков: русского, якутского и английского. Из этих языков преобладает русский – 57,3 % единоличное использование и 19,5 % в комбинации с другими языками. В официальных знаках русский язык используется в большей части в комбинации с якутским и английским языками, что указывает на языковую политику региона, направленную на использование двуязычия. Языковая ситуация, представленная в неофициальных знаках, раскрывает доминирование русского языка в языковом ландшафте города. Второе место после русского языка занимает якутский язык, хотя маленький процент в единоличном использовании.

Якутский язык в качестве государственного языка Республики Саха (Якутия) не используется один, всегда только в комбинации с русским или другим языком. То есть, его статус существенно отличается от его государственного статуса, утвержденного законом. Таким образом, администрации города Виллюйска следует обратить на это внимание и попытаться исправить сложившуюся ситуацию.

В якутско-русских двуязычных текстах якутский язык должен быть расположен первым, а наш анализ первого языка на знаках выявил, что в 45,6 % случаях соблюдается это предписание. Самый большой процент функционирования в качестве первого языка на знаке принадлежит русскому языку (47,1 %), а английский язык занимает 7,3 %. При анализе размеров и шрифтов городских текстов мы наблюдаем значительную разницу. Собранные материалы показывают, что в комбинации знаков с русским языком, значительно больший размер имеют якутский и английский языки. Такое явление встречается в неофициальных коммерческих знаках. В большинстве случаев они направлены на привлечение внимания жителей города и это можно считать неким маркетинговым ходом. Тем самым, английский язык в лингвистическом пространстве г. Виллюйска несет в себе символическую функцию, чем информационную.

При презентации языков на двуязычных знаках, дубликативный тип информации, когда на знаках якутский текст дублирует информацию русского текста, встречается как в официальных знаках с названиями органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий государства и различных организаций, так и в неофициальных коммерческих знаках. Но все же в официальных знаках дубликативной информации чуть больше. Это свидетельствует в пользу языковой политики двуязычия в республике, который также реализуется с помощью перевода наименований государственных органов.

При анализе переводов наиболее часто встречается эквивалентный перевод. При переводе официальных знаков не следует опускать важную информацию в предложении, так как могут искажаться суть, логическая связность текста.

Можно сделать вывод, что качественный перевод является залогом правильного формирования лингвистического ландшафта.

Литература

1. Пешкова Н.П. Исследование городского лингвистического ландшафта как способ межкультурного взаимодействия в полиэтническом социуме// Вопросы психолингвистики. 2016 № 3 (29), С. 229-240.
2. Landry R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study / R. Landry, R.Y. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – № 16. – P. 23–49
3. Иванова, Н. И. Дистрибуция языков в лингвистическом ландшафте г. Якутска: социолингвистический аспект. Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2017. 4(21), С. 71-76. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32303827>

4. Голикова Т.А., Методология лингволандшафтных исследований в России: Аналитико-тематический обзор. АНО ВО «Российский новый университет», г. Москва. Вестник ТвГУ. Серия «ФИЛОСОФИЯ». 2020. № 4 (54), С. 149-166.
5. Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017 Т. 21 № 3, С. 493-498
6. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 11.06.2021) «О языках народов Российской Федерации» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/00e75b47dba86776a181743215e8aaca45bf223d/
7. Spolsky B. The Languages of Jerusalem / B. Spolsky, R. L. Cooper. –Oxford: Clarendon Press, 1991. – P. 81–84
8. Слепцов П.А. Саха тылын быһаарылаах тылдыта Г-И буукуба (III). – Новосибирск. «Наука». 2004 <https://sakhatyla.ru/books>
9. Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка. Часть 1. Вокализм // Якутское книжное издательство. Якутск, 2017, С. 120-150.
10. Словарь забытых и трудных слов из произведений русской литературы XVIII-XIX <http://niv.ru/doc/dictionary/rus-literature-forgotten-words/index.htm>
11. Слепцов П.А. Саха тылын быһаарылаах тылдыта А буукуба (I). –. Новосибирск. «Наука». 2004 <https://sakhatyla.ru/books/sakha-tylyn-tyllyta-1>

References

1. Peshkova N.P. Issledovanie gorodskogo lingvisticheskogo landshafta kak sposob mezhkul'turnogo vzaimodejstviya v polijetnicheskom sociume// Voprosy psiholingvistiki. 2016 № 3 (29). S. 231
2. Landry R. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality: An empirical study / R. Landry, R.Y. Bourhis // Journal of Language and Social Psychology. – 1997. – № 16. – P. 23–49
3. Ivanova, N. I. Distribucija jazykov v lingvisticheskom landshafte g. Jakutsk: sociolingvisticheskij aspekt. Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik, 2017. 4(21), 71-76. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32303827>
4. Golikova T.A., Metodologija lingvolandshaftnyh issledovanij v Rossii: Analitiko-tematicheskij obzor. АНО ВО «Rossijskij novyj universitet», g. Moskva. Vestnik TvGU. Serija «FILOSOFIJA». 2020. № 4 (54). S. 149-166
5. Pavlenko A. Jazykovye landshafty i drugie sociolingvisticheskie metody issledovanija russkogo jazyka za rubezhom // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika. 2017 Т. 21 № 3 S. 493-498
6. Закон РФ от 25.10.1991 N 1807-1 (ред. от 11.06.2021) «О языках народов Российской Федерации» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15524/00e75b47dba86776a181743215e8aaca45bf223d/
7. Spolsky B. The Languages of Jerusalem / B. Spolsky, R. L. Cooper. –Oxford: Clarendon Press, 1991. – R. 81–84
8. Slepcev P.A. Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta G-I buukuba (III). – Novosibirskaj. «Nauka». 2004 <https://sakhatyla.ru/books>
9. D'jachkovskij N.D. Zvukovoj stroj jakutskogo jazyka. Chast' 1. Vokalizm // Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. Jakutsk, 2017. S. 120-150
10. Slovar' zabytyh i trudnyh slov iz proizvedenij russkoj literatury HVIII-HIH <http://niv.ru/doc/dictionary/rus-literature-forgotten-words/index.htm>
11. Slepcev P.A. Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta A buukuba (I). – Novosibirskaj. «Nauka». 2004 <https://sakhatyla.ru/books/sakha-tylyn-tyllyta-1>

– ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ –

УДК 811.161.1'25=512.157

Е. С. Герасимова

Перевод сказки с русского на якутский язык

СВФУ имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Одним из главных вопросов этнопедагогики является воспитание и обучение ребенка родному языку с малых лет. Поэтому якутские сказки всегда востребованы детьми дошкольного возраста и их родителями. В последние годы детскую литературу чаще стали переводить с русского на якутский язык, и вместе с этим возникла проблема качества перевода. Чтобы повысить качество перевода, необходимо изучить лексику, морфологию, синтаксис текста сказок, а также выявить особенности приемов перевода сказок с русского на якутский язык. В данной работе проанализированы тексты переводных сказок с русского на якутский язык, также сделан сравнительный анализ структуры народных и литературных сказок, выявлены основные методы, приемы перевода якутских сказок. На всех народных сказках лежит печать старинного быта, обычаев, и порядков, а также они несут поучительные моменты. Зачин литературных сказок зависит от фантазии автора, то есть, они могут меняться, у них нет границ. В отношении использования художественных приемов, народные сказки более художественнее, чем литературные. В обеих сказках используются лексические повторы. В литературных сказках более развиты фантастические образы. Выявлены переводческие соответствия лексических, морфологических и синтаксических единиц текстов сказок на русском и якутском языках.

Ключевые слова: якутский язык, русский язык, художественный текст, якутская сказка, переводные сказки, русско-якутский перевод, художественный перевод, лексические, морфологические, синтаксические единицы текста.

E. S. Gerasimova

Translation of the fairy tale from Russian into Yakut

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. One of the main issues of ethnopedagogy is the upbringing and teaching of a child's native language from an early age. Therefore, Yakut fairy tales are always in demand by preschool children and their parents. In recent years, children's literature has been translated more often from Russian into the Yakut language, and at the same time there has been a problem of translation quality. To improve the quality of

ГЕРАСИМОВА Евдокия Софроновна – к. филол. н., магистрант кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: GES1970@mail.ru

GERASIMOVA Evdokia Sofronovna – Candidate of Philological Sciences, master's student, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

translation, it is necessary to study the vocabulary, morphology, syntax of the text of fairy tales, as well as to identify the features of the techniques of translating fairy tales from Russian into the Yakut language. In this work, the texts of translated fairy tales from Russian into the Yakut language are analyzed, a comparative analysis of the structure of folk and literary fairy tales is also made, the main methods and techniques of translating Yakut fairy tales are revealed. All folk tales bear the stamp of ancient life, customs, and orders, and they also carry instructive moments. The origin of literary fairy tales depends on the imagination of the author, that is, they can change, they have no boundaries. With regard to the use of artistic techniques, folk tales are more artistic than literary ones. Both fairy tales use lexical repetitions. In literary fairy tales, fantastic images are more developed. The translation correspondences of lexical, morphological and syntactic units of fairy tale texts in Russian and Yakut languages are revealed.

Keywords. Yakut language, Russian language, literary text, Yakut fairy tale, translated fairy tales, Russian-Yakut translation, literary translation, lexical, morphological, syntactic units of texts.

Введение. Свою вековую мудрость якуты передавали не наставлениями, поучениями, а через фольклор, в частности, через сказку. Сказки несут в себе тонкий психологизм и нравственное воспитание. Наблюдая за характерами, поступками зверей, ребёнок знакомится с окружающим миром. Любая сказка имеет социально-педагогический эффект: она воспитывает, учит доброте, милосердию, справедливости, внушает уверенность в торжестве правды, победе добра над злом. Однако современным родителям стало проще дать в руки ребёнку телефон или планшет, чем читать сказки перед сном. Процесс чтения имеет серьёзный психологический подтекст: ребёнок становится ближе к родителям, успокаивается перед сном. Ребёнок, с раннего детства впитавший в себя народные сказки, становится нравственно воспитанным человеком, то есть, сказка является одним из важнейших нравственно-педагогических средств формирования личности. Таким образом, данный вопрос в настоящее время очень актуален. Целью данной работы является исследование лексики, морфологии, синтаксиса текста сказок, выявление особенностей приемов перевода сказок с русского на якутский язык. Методологической и теоретической основой исследования послужили работы по теории и практике перевода В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера, Л.К. Латышева, А.В. Федорова; исследователей фольклора Н. Рошияну, Г.У. Эргис, Ю.Н. Дьяконовой и других авторов. Научная новизна данной работы заключается в том, что в ней впервые в якутском языкознании предпринимается попытка специального исследования перевода якутских сказок с русского на якутский язык. Теоретическая значимость исследования определяется ее вкладом в изучение теории перевода сказок с русского на якутский язык. Полученные результаты могут служить базой для дальнейших теоретических исследований в этой области. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материалов данной работы на спецкурсах по русско-якутскому переводу в высших и средних учебных заведениях; при разработке хрестоматий переводных сказок с русского на якутский язык для школьников и дошкольников.

Собирание, исследование якутских сказок

В Якутии первооткрывателем якутских сказок стал Иван Александрович Худяков (1842-1876). С 80-х гг. XIX в. собиранием якутских сказок занимались политические ссыльные Е.Д. Борисов, Н.А. Виташевский, В.Л. Серошевский, Э.К. Пекарский и др. Почти все они, кроме Пекарского и Худякова, недостаточно усвоили якутский язык, и поэтому записывали обычно немногие, а то и единичные тексты как образцы языка или как выражение общественных представлений. На рубеже XIX-XX вв. среди якутов уже были люди, способные оценить значение сказок и заниматься их собиранием. А.Е. Кулаковский, первым из них обратил внимание на сказки. Его интересовали по преимуществу тексты, содержащие этиологические мотивы [13, с. 210-212].

В 60-е гг. XX в. появилось первое крупное научное издание якутских сказок. Ведущую роль сыграл Г.У. Эргис. Ему помогли этнограф Н.М. Алексеев и фольклористы А.Л. Новгородова и С.П. Ойунская. А.Л. Новгородова является вечной хранительницей Рукописного фольклорного фонда. В этом двухтомном издании все или почти все выполнено впервые. Достоинство сборника состоит в том, что сказки опубликованы на якутском языке с подстрочным переводом на русский язык. Будь сказки напечатаны только на якутском языке, они оказались бы трудными для восприятия даже лицам, имеющим тюркские корни и страстно ищущим в якутском фольклоре подтверждение своим прапратюркским теориям.

Якутские сказки обратили на себя внимание ученых со второй половины XIX в. Впервые записал их И.А. Худяков. Всего до революции было издано 12 текстов якутских сказок и 16 вариантов в переводах и пересказах. С конца 1930-х годов Якутский НИИЯЛИ стал систематически собирать произведения фольклора, организуя с этой целью фольклорно-диалектологические экспедиции. До выпуска «Якутских сказок» в двух томах Г.У. Эргиса было издано всего 32 текста и столько же переводов сказок в отдельных фольклорных сборниках. Сборник якутских сказок Г.У. Эргиса, изданный в 1964-1967 гг., является первой крупной научной публикацией народных сказок.

Изучение жанра сказки

Сказки – произведения о вымышленных событиях и героях с участием волшебных, фантастических сил. Народ, сочиняя сказку, вкладывал в них свои мечты о счастливой жизни, где добро побеждает зло. Сказки высмеивают, осуждают пороки человека, вызывают восхищение добрыми героями, сострадание к слабому, обиженному. В сказках отражается повседневная жизнь и борьба народа, его отношение к действительности, идеалы, мечты о лучшей жизни. Народ любит и бережно хранит их как ценное наследие прошлого. В сказке также часто встречаются социально-классовые отношения (например, в якутских сказках: «Чурум-чурумчуку», «Алаа Моҕус уонна Чаахаан», «Биэс ынахтаах Бэйбэри-кээн» и т.д.). Якутские сказки, как и все богатое устное творчество народа, питали, питают и еще долго будут питать нашу национальную литературу, наше искусство [12, с. 11].

Народные и литературные сказки относятся к одному жанру, но имеют существенные отличия. Это касается и формы повествования и внутреннего содержания произведений. Основой всех сказок является история о чудесных приключениях героев, однако в фольклорных сюжетах она строится по традиционной схеме, а в литературных может иметь многоплановый вариант изложения.

Народные сказки – древнейшее культурное наследие, которое сохранило представление наших предков о взаимоотношениях человека и природы. В них отражены нравственные принципы существования общности людей в условиях постоянной борьбы за выживание, определена четкая грань между добром и злом и проявляются выразительные черты национального характера, верований, быта.

Литературные сказки – возникли гораздо позже. Во второй половине XVII века с развитием просветительских идей в европейской литературе появились авторские обработки фольклорных сказок, а в XIX традиционные сказочные сюжеты стали использовать Г.-Х. Андерсен, А. Гофман, Ш. Перро, братья Гримм – писатели, которых весь мир признал классиками этого жанра. В большинстве литературных сказок повторяются фольклорные мотивы и присутствуют волшебная атрибутика, позаимствованная из языческих ритуалов, однако развитие сюжета, как и выбор персонажей, подчинены воле автора. Сказка становится художественным произведением со сложной системой метафорических образов свойственных притче.

Якутские сказки можно разделить на три вида или на большие группы: 1) сказка о животных, 2) волшебные или фантастические, 3) бытовые сказки (авантюрно-новеллистические, собственно бытовые сказки и анекдоты на житейские темы) [13, с. 215].

В сказках многих народов имеется множество похожих идей, сюжетов, так как везде и всегда была борьба добра со злом, такие пороки как жадность, злоба, лень, жестокость, эгоизм осуждается во всем мире.

Якутские народные писатели, следуя примерам А.С. Пушкина, П.П. Ершова, политическим сказкам А.М. Горького, сатирическим сказкам М.Е. Салтыкова-Щедрина, зарубежных писателей как Г.-Х. Андерсен, Братья Гримм, Шарль Перро и соблюдая традиции мировой литературы, тоже сотворили много литературных сказок: П. Ойунский «Соломуон Муударай», С. Эллай «Чурум-Чурумчуку», А. Абагинский «Түөтэкээн эмээхсин», М. Ефимов «Сэргэхчэй уонна Бэргэнчэй», И. Гоголев «Аранас сулус» и т.д. Таким образом, с давних времен сказки других народов переводятся на якутский язык. И якутские сказки тоже достаточно переводятся на русский язык. В 1976 г. вышла книга под названием «Якутские сказки» (туда вошли 73 сказки, переводчик С. Шуртаков).

Перевод сказок с русского на якутский язык

В этой части работы проведен сравнительный анализ текстов народных и литературных сказок, исследованы лексика, грамматика сказок, переведенных на якутский язык, рассмотрен материал переводных текстов – 14 сказок.

Народные сказки: «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» (Эдьий Аленушка сурдьа Иванушкалыын), «Царевна лягушка» («Баҕа сарыабына»), «Крошечка-хаврошечка» («Хаврошечка»), «Гуси-лебеди» («Хаастар»), «Чудо мельница» («Эргичиннэс миэлинсэ»), «Кот, Петух и Лиса» (Куоска, Бөтүүк уонна Саһыл), «Курочка Ряба» («Кыһыл көмүс сымыт») и т.д.

Литературные (авторские) сказки: «Три медведя» (Үс эһэ), «Горшок каши» («Күөс хааһы»), «Бременские музыканты» («Бремен куорат музыканнара»), «Кот в сапогах» («Саппыкылаах куоска»), «Дюймовочка» («Сүүтүкчэй»), «Волк и семеро козлят» (Бөрө уонна хоһуол оҕолоро) и т.д.

Далее выявлены переводческие соответствия лексических, морфологических и синтаксических единиц текстов сказок на русском и якутском языках.

Лексика. Перевод имен собственных и парных слов

При переводе *имен собственных* имена существительные остаются неизмененными, так как в них в основном раскрывается национальный колорит, и даже в некоторых случаях, через характерные черты персонажа идет описание нрава всего народа, например: *Красная Шапочка* – *Кыһыл Бэргэнчэйэн*.

В якутских именах больше заимствований из русского языка. Но в переводе можно использовать вариант транскрипции, например: *Иван* – *Уйбаан*, *Уйбаанча*, *Уйбаанчык*; *Иван* – *Баанча*, *Баанньа* и т.д. Перевод с помощью транскрипции (дорҕоону сахатытыы) наблюдается в сказке «Кот Петух и Лиса» (Куоска, Бөтүүк уонна Саһыл): *Смотри ты, Петя-петушок, – говорит ему кот, – не выглядывай в окошко, не верь лисе; она съест тебя и косточек не оставит* 'Бүөккэ, сэрэн, – диир Куоска, – сарсын мин ыраах барабын, саһылы итэбэйимэ, түннүгүнэн өнгөйүмэ. Саһыл сиэбэ, унуоххун да ордоруо суоҕа'.

Пример перестановки имен собственных в сказке «Чудо мельница» (Эргичиннэс миэлинсэ): *На горе в избушке бедной, без забора и ворот, жили дружно так как нужно, старый дед и Васька кот. И еще один дружок Петя – чудо петушок* 'Ханнык эрэ хайа тэллэбэр ханан да күрүөтэ-хаһаата суох хараҥа ыыспаҕа олорбуттара үһү эйэлээхтик куоска Бааска уонна оҕонньор. Кинилэр өссө Бүөккэ диэн дьиибэ бөтүүкчээннээхтэр'.

При переводе имен собственных в основном используется метод транскрипции, в отдельных случаях встречаются примеры с перестановкой мест. Такие же методы используются и при переводе заимствованных слов: 1) *Дочка, дочка! говорит мать, – мы пойдем в город, принесем тебе булочку, сошьем платище, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора ‘Кыысчааммыт, биһиги куоракка барабыт, эйиэхэ буулка аҕаһааһыт, былаат атыылаһааһыт, онтон эн өйдөөх-төйдөөх буол: сурдьугун көрөөр, олбуорун иһиттэн таһсаайаһын’*. 2) *Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась ‘Инньэ диэн баран оҕонньордоох эмээхсин баран хаалбыттар; кыысчаан быраатын түннүк аныгар окко олордубут, онтон бэйэтэ уудуссаба сүүрэн таһсан, оонньоон улдьааран хаалбыт’*. 3) *Съешь моего ржаного пирожка, скажу ‘Мин оруос бурдук бэрэскибин сиэтэххинэ этиэм’*. 4) *Котлы кипят чугунные ‘Чугуун күөһү оргуттулар’*.

Русское [е] в якутском языке передается с помощью дифтонга [иэ]: *Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега ‘Кыыс сүүрэн испит уонна кисил кытыылаах үүт үрүйэ сүүрүүрү сытарын көрбүт’*. Русские [я], [ё], [ю] в якутском языке передаются с помощью [дь], например: *яблоко – дьяабылыка; яд – дьяат, ёлка – дьюолка, юла – дьюлаа, Ерёма – Дьэрэмэй и т.д.* Такая замена встречается в сказке «Гуси-лебеди» («Хаастар»): 1) *Ежик, ежик, не видал ли, куда гуси полетели? ‘Дьюос, дьюос, хаастар хайа диэки көттүлэр?’* 2) *В избушке сидит Баба-Яга, морда жилинная, нога глиняная ‘Дьиэ иһигэр унуох атаһа, туой ньуур Дьэгэ-Бааба олорор эбит’*.

При переводе *узуальных норм* различают три группы: системное явление (тыл төрүт-уус халыыптара); нормативные (ты нуормата) правила и речевой узус (тыл үөрүйэбэ). Как пишет Л.К. Латышев, «особенности *системы языка* заложены в самом его устройстве, не зависят от правил, наоборот, правила вытекают из этих особенностей. В отличие от языковой системы, *языковая норма* выражается в конкретных правилах, принятых обществом. Норма является обязательной для всех, нарушения в ней считаются неправильными всегда. Однако сама норма с течением времени меняется, поэтому в языке наблюдаются колебания, отступления, существуют варианты. Узус – это ситуативные правила выбора языковых средств, определяется словами «принято-не принято», что неправильно в одном случае, может быть правильным в другом» [6, с. 32-34].

Для полноценного перевода уместно соблюдение *узуальных норм языка*, что является важным элементом адекватного перевода. Здесь переводчик должен учитывать языковые привычки носителей языка для сохранения и развития родной речи, например: 1) *Побежала дальше, стоит речка, кисельные берега ‘Кыыс сүүрэн испит уонна кисил кытыылаах үүт үрүйэ сытарын көрбүт*; 2) *прибежала домой ‘буута быстарынан дьиэтигэр тэбиммит’*.

Яркий пример адекватного перевода наблюдается в сказке «Чудо мельница» («Эргичиннэс миэлингэс»): 1) *На горе в избушке бедной, без забора и ворот, жили дружно так как нужно, старый дед и Васька кот ‘Ханнык эрэ хайа тэллэбэр ханан да күүрүтэ-хаһаата суох хараһа ыыспаа олорбуттара үһү эйэлээхтик куоска Бааска уонна оҕонньор’*. 2) *Ты чего разинул рот, брысь отсюда скверный кот! ‘Айаххын аппатан туруон дуо, сидьин куоска баара!’* В этой же сказке используется перевод путем аналога: *Что за вспышки огневые! Вот уж сколько лет живу, а впервые вижу чудо на яву ‘Сир аныттан уот үһуура! Олорорум тухары биһирэ да манньк дьиктини көрбөтөбүм’*.

Художественно-эстетическое восприятие маленького слушателя, зрителя достигается переводом лексических единиц, в частности, *парных слов*, например: 1) *Двум приятелям-дружкам, неразлучным жерловкам! ‘Икки ини-бии таастар, сүрүнэлэр-атастар!’*

2) Про жительство-бытие рассказывай! 'Олох-дьаһах хайдабый?' 3) Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козленочек будет жить с нами 'Миэхэ кэргэн табыс. Мин эйигин көмүскэ-солкобо суулуом, оттон козел оҕото биһигинниин олоруо'. 4) Ест-пьет с Аленушкой из одной чашки 'Аленушканы кытта биир иһиттэн аһыыр-сиир'. Использование парных слов придают якутской речи особую выразительность, яркость, образность высказываний.

Морфология. Уменьшительно-ласкательные суффиксы (-ка, -ок, -ик, -чик, -еньк, -ишк), перевод междометий и обращений

В русском языке уменьшительно-ласкательные суффиксы в сказках используются в независимости от их стиля. Уменьшительно-ласкательные суффиксы русского языка на якутский переводятся обычными словами, например: 1) Жили старичок со старушкой 'Оҕонньордоох эмээхсин олобууттар үһү'. 2) У них была дочка да сыночек маленький 'Кинилэр кыыстаах уол кыра оҕолордоохтор эбит'. 3) Котик-братик, выручи меня 'Куоска убайым, өрүһүй миигин'.

Переводчики, особенно те, которые работают с художественными переводами, часто сталкиваются с проблемой перевода эмоциональных выражений, например, междометий. Междометие как слово, которое служит для выражения эмоций, передачи чувств и побуждений говорящего, несет важную информацию, которую необходимо передать, чтобы сохранить истинное намерение автора. «Междометия – это не подражательные, а спонтанные членораздельные звуко сочетания, и употребляются они для непосредственного выражения чувств и волевых побуждений. При том различаются собственно междометия (О! Ах!) и слова полнозначные, но утратившие свое лексическое значение и служащие для выражения эмоций. Эти вторые, производные (вторичные) междометия не полностью утрачивают свою семантику, что позволяет при переводе искать семантический аналог в переводном языке» [1, с. 199]. Например: Ах, – сказала Дюймовочка, – теперь так холодно, идет снег! 'Оо, дьэ, – диэбит кыыс, – билигин таһырдьа тымныыта сүрдээх, бүтүннүү хаар'. Но, есть и такие случаи, когда междометия иногда не переводятся. Например: 1) О, у моего батюшки пшеничные не едятся! 'Мин аҕам аахха оннообор сэлэһинэй бэрэскини сиэбэппин!' 2) О, у моего батюшки и сливочки не едят 'Мин аҕам аахха оннообор садка үүнэр отону сиэбэппин'.

При переводе обращений, т.е. обособленных интонационно и грамматически самостоятельных компонентов предложения или сложного синтаксического целого, служащих для обозначения лица или предмета и являющихся адресатом речи, наблюдаются некоторые особенности. Во-первых, отметим, что в русском и якутском языках обращение может повторяться по несколько раз, например, в якутской сказке «Таал таал эмээхсин» старушка обращается ко льду: Муус-муус бэркин дуо? Муус-муус бэрдим ханна барыай? В русском языке тоже часто встречаются такие повторяющиеся обращения, и они переводятся на якутский язык в такой же форме. Например: 1) Печка, печка, скажи, куда гуси полетели? 'Оһох-оһох, эт эрэ, хаастар ханна көттүлэр?' 2) Ежик, ежик, не видал ли, куда гуси полетели? 'Дьуос, дьуос, хаастар хайа диэки көттүлэр?'

Еще одной особенностью можно назвать, что в сказках обращение дается с определением, и при переводе такая форма сохраняется, например, в сказке «Чудо мельница» (Эргичиннэс мизлинсэ): Вот не счастье, вот беда... Что ж погрейся, бедный ежик 'Бу иэдээни, алдьархайы... Дьуос эрэйдээх, иттэн аас'. Но в таких случаях при переводе обращения применяется обратный порядок словосочетаний.

Синтаксис. Инверсия, эллипсис, использование тире, сравнение, антитеза, повторение отрезков

При переводе с русского на якутский язык инверсия, т.е. переворачивание, перестановка, изменение обычного порядка слов в предложении наблюдается часто. Это объясняется тем, что и в якутском языке инверсия является характерной чертой данного языка. Например, в стихотворении «Үс ыстыык үөһүгэр» (На острие трех штыков), яркое выражение напряженной, ужасной гражданской войны удалось передать с помощью инверсии:

*Хараҥа түүн киниэхэ
Дьэитигэр киирэннэр:
«Большевик, тур, эйиэхэ
Кэллибит!» – диэтиллэр.*

*Үс ыстыык уһуктара
Борунгуй муннуктан
Киниэхэ сыылбыттара
Хаанынан кытаран....*

В публицистике инверсия используется для того, чтобы привлечь внимание, например: *Санарар Дьокуускай (говорит Якутск)*, срав.: *Дьокуускай санарар (Якутск говорит)*.

А в сказке инверсия используется автором для создания духа архаичности, иносказательности или торжественности, придания образам яркости и особой выразительности, ритмизации, логического выделения одного или нескольких членов предложения, например: 1) *Алёнушка, сестрица моя! Выплынь, выплынь на бережок. Костры горят высокие, Котлы кипят чугунные, Ножи точат булатные, Хотят меня зарезать! 'Аленушка эдьиийкээнизм! Кытыыга устан кэлий даа, кэлий. Кулуһун бөбөнү отуннулар, Чугуун күөһү оргуталлар, Ыстаал быһабы сытылыыллар, Миигин өлөрөр буоллулар'.* 2) *Надо сбегать за огнем к бабе-яге 'Дьээгэ-баабаҕа уот ыла бардахха сатанар'.* 3) *Когда мать скончалась, девочке было восемь лет 'Кыыс абыстааҕар ийэтэ эрэйдээх өлбүт'.*

Эллипсис, или намеренный пропуск несущественных слов в предложении, часто встречается в разговорном стиле якутского языка.

В якутском языке, в большинстве случаев, опускаются личные местоимения, т.к. при переводе они передаются притяжательными аффиксами. Например: 1) *Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! ' (Мин) Оҕом сыһа, (мин) биэбэкэйим'.* 2) *Она была уже в летах, имела своих дочерей, почти однолётка Василисе, – стало быть, и хозяйка, и мать опытная' (Кини) Сааһырбыт, Василисаны кытта араа-бараа саастаах икки кыыстаах, онон хаһаайка да, ийэ да буолар кыахтаах'.*

Тире ставится между подлежащим и сказуемым, выраженным в именительном падеже (без связки). Это чаще всего применяется, когда сказуемым определяется понятие, выраженное подлежащим. А в жанре сказки тире ставится, если есть опущение каких-нибудь членов предложения: 1) *Вдруг скачет мимо нее всадник: сам белый, одет в белом и конь под ним белый, и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать ' Эмискэ аттынан аттаах киһи ойутар: бэйэтэ маҥан, таҥаһа маҥан, миинэн иһэр ата, атын тэрилэ эмиз маҥан – таһырдыа сыһыа сырдаабыт'.* 2) *Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка 'Улаханын Соботох харах диэн ааттыыллар, орто кыһы – Икки харах, кыраларын – Үс харах'.*

Антитеза (от греч. Antithesis – противоположение) – одна из стилистических фигур, оборот поэтической речи, в котором для усиления выразительности резко противопоставлены прямо противоположные понятия, образы, черты характера действующих лиц, например, в стихотворении А.И Софронова-Алампа мы видим яркие примеры антитезы:

*Өлбүтүн даа иһин
Өлүүр курдук саныыбын,
Барбытын да иһин
Баарын курдук саныыбын.*

В переводе сказки тоже часто используется антитеза: 1) *Вы знаете, что есть на свете люди и хорошице, есть и похуже* ‘Орто дойдуга куһабан да, үчүгэй да дьон баар’. 2) *Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни* ‘Василиса барахсан аахсыбакка барытын тулуйан, күн аайы тәттөрүтүн өссө түпсан, төлөһүйэн испит. Оттон маахахата кыргыттарынаан төһө да тугу да гыммакка, хотуттар курдук, быар куустан олордоллор, куһабан санааларыттан эбии мөлтөөн, абааһытыян испиттэр.

Лексический повтор – стилистическая фигура, заключающаяся в намеренном повторении в обозримом участке текста одного и того же слова либо речевой конструкции.

В художественных текстах, особенно в сказке, как было сказано выше, повторы используются в обращениях, а в синтаксическом плане часто встречаются повторы предложений, которые между собой связываются с помощью соединительных союзов. Например: *Печка, печка, скажи, куда гуси полетели? Съешь моего ржаного пирожка, скажу. О, у моего батюшки пиленичные не едят. Яблонь, яблонь, скажи, куда гуси полетели? Съешь моего лесного яблока, скажу. О, у моего батюшки и садовые не едят! Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели? Съешь моего простого киселика с молоком, скажу* ‘Оһох-оһох, эт эрэ, хаастар ханна көттүлэр? Мин оруос бурдук бэрэскибин сизтэххинэ этиэм. Мин аҕам аахха оннообор сэлиэһинэй бэрэскини сизбэппин! Отонноох мас, отонноох мас! Хаастар хайа диэки көттүлэр? Мин ойуурум отонун сизтэххинэ этиэм. Мин аҕам аахха оннообор садка үүнэр отону сизбэппин! Кисил кытыылаах үүт үрүүй! Хаастар хайа диэки көттүлэр? Мин үүттээх боростуой кисилбин истэххинэ, этиэбим’.

В результате сопоставительного изучения языков при переводе, раскрываются основные сходства и различия в лексике, морфологии и синтаксисе русских и якутских сказок. При переводе сказки с русского на якутский язык, требуется углубленное знание лексики, морфологии, синтаксиса и стилистики якутского языка. Основные различия русских и якутских сказок наблюдаются в таких случаях:

1. В русской сказке используется обратный порядок слов в предложении:

а) сказуемое стоит впереди подлежащего: *Посадил дед репку; Вот идет Красная Шапочка по лесу; Сидит на берегу жирный гусь*. По литературной норме должно быть так: *Дед посадил репку; Вот Красная Шапочка по лесу идет. На берегу жирный гусь сидит;*

б) определение стоит после прилагательного: *Выросла репка большая-пребольшая; стоит там избушка без окон без дверей*. По правилам нормы *Выросла большая-пребольшая репка; там без окон, без дверей избушка стоит;*

в) обстоятельство стоит после сказуемого: *Паслась однажды корова на лугу*. По норме: *Однажды корова паслась на лугу.*

2. В русских сказках применяются такие формы:

а) неопределенная форма глагола: *Нечего делать; Как же мне не плакать; А заяц – бежать; Нашла кого бояться;*

б) настоящее повествования: *Были у старика три сына: два сына работают, а Емеля целый день на печке лежит, знать ничего не хочет.*

в) частицы -ка, -то, и, да, ли, себе, вот, давай и т.д.: *Сидит себе и песенки поет; лягушка-то и говорит; Иди-ка ты, Иванушка, спать; И говорит старик старухе.*

А в якутских сказках преобладают:

а) частицы (ис хоһоонун ситимниир эбиискэ): *арай биирдэ, дьэ туран, арай туран, биирдэ буоллабына, кини буоллабына, хайа, хайа бу, чэ хата, эбитэ үһү;*

б) деепричастия (уонна ситим тыллаах тус туохтуур оннугар сыһыат туохтуур): *киир-бит уонна сыппыт – киирэн сыппыт; үөрбүт уонна санга аллайбыт – үөрэн санга аллайбыт*;

в) парные слова и слова с повторяющимся основанием (паараласпыт уонна хатыланар олохтоох тыл): *ийэтэ-аҕата суох; үөскээн-төрөөн олорбута үһү; аһаан-сиэн барар; аһыыр астара бүтэн хаалбыт*.

Далее рассмотрены характерологические черты жанра русско-якутских сказок и выявлены отличия и сходства народных и литературных сказок по строению.

В каждой сказке есть *зачин, кульминация, концовка (развязка)*. Н. Рошияну традиционными формулами сказок отмечает:

1. Инициальные формулы (*зачин*): сказка начинается обычно с указания: а) времени и места действия; б) достоверности или недостоверности содержания, например: в русской сказке зачин начинается так: *в некотором царстве, в некотором государстве; однажды жили-были; как-то раз*.

2. Финальные формулы (*концовка*): а) подчеркивают подлинность событий или это чистый вымысел; утверждение или отрицание действия; б) содержат мораль сказки. Например: в русской сказке, *стали жить да поживать, да добра наживать; был там пир – на весь мир; я на том пиру был, мед, пиво пил, по усам текло, да в рот не попало; тут и сказке конец, а кто слушал – молодец*.

3. Медиальные формулы, часто повторяющиеся места в текстах, разнообразны и выполняют различные функции: а) описание персонажей, предметов, их действий: *ни в сказке сказать, ни пером описать; растет не по дням, а по часам; долго ли, коротко ли*;

4. формулы, входящие в диалог (повторяющиеся реплики): *«Как собака себе хозяина искала» – 5 раз, «Колобок» – 4 раза; в) магические формулы для стимуляции действия: избушка, избушка, стань ко мне передом ...; по шучьему велению, по моему хотению»* [9, с. 54, 88].

Н. Рошияну пишет: «В настоящее время заметен процесс обеднения традиционных формул: уменьшается количество повторов, а также вариантов формул; растет количество сказок без инициальных и финальных формул; начинают исчезать рифмованные формулы; упрощаются метафорические формулы; заметна «модернизация» сказки (введение элементов современной жизни) [9, с. 168-169]. При переводе требуется сознательное усилие передать стилистические элементы устной народной сказки.

По структуре русско-якутские сказки отличаются зачином и концовкой. Если задать вопрос, с каких слов начинаются сказки, скорее всего, мы назовем фразу «*Жили-были...*» (*Арай биирдэ олорбуттара эбитэ үһү...*). Действительно, это наиболее частый зачин народных сказок. Кто-нибудь обязательно еще вспомнит: «*В некотором царстве, в некотором государстве...*» (*Хайа эрэ саарыстыбаҕа, хайа эрэ судаарыстыбаҕа олорбута эбитэ үһү...*) и тоже будет прав.

Далее приведем примеры перевода зачина и концовки, сначала народных, затем литературных сказок. Итак, зачин народных сказок: 1) *Вы знаете, что есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся* (из сказки «Крошечка-хаврошечка» («Хаврошечка») '*Орто дойдуга куһаҕан да үчүгэй да дьон баар, бииргэ төрөөбүттэриттэн да саатар-кыбыстар диэни биллимэттэр эмиз бааллар*'. 2) *В некотором царстве жил-был купец* (из сказки «Василиса Прекрасная» («Кэрэчээн Василиса») '*Хайа эрэ саарыстыбаҕа олорбута эбитэ үһү атыһыт*'. 3) *В старые годы, в старопрожении, у одного царя было три сына – все они в возрасте* (из сказки «Царевна лягушка» («Баҕа сарыабына») '*Хайа эрэ саарыстыбаҕа, хайа эрэ судаарыстыбаҕа*

олорбута эбитэ үһү саар. Ус уоллаах эбит, онтукалара эдэрдэр, кэргэттэрэ суох. 4) Жили старичок со старушкою; у них была дочка да сынок маленький (из сказки «Гуси-лебеди» («Хаастар»)) 'Ожонньордоох эмээхсин олорбуттара эбитэ үһү. Кинилэр кыыстаахтар уонна кыра уоллаахтар'. 5) Жили-были дед да баба. И была у них Курочка Ряба (из сказки «Курочка ряба») (Кыһыл көмүс сымыыт) 'Ожонньордоох эмээхсин олорбуттара үһү. Кинилэр Эбир Кууруссалаах эбиттэр'.

А развязка, окончание действия или завершение конфликта в произведении, обычно бывает в конце, например, концовки русских и якутских сказок при переводе даются так: 1) *И с той поры, не зная бед, с друзьями мирно зажил дед* (из сказки «Чудо мельница») 'Онтон бэттэх ожонньор атастарын кытары олорбута дьоллоохтук. 2) *Не плачь, дед, не плачь, баба: несусь вам новое яичко не золотое, а простое!* (из сказки «Курочка Ряба») 'Ытаама, ожонньор, ытаама эмээхсин! Көмүс даҕаны буолбатар, көннөрү сымыыты сымыыттыам'.

Зачины литературных сказок, как обычно, начинаются таким образом: 1) *Одна девочка ушла из дома в лес. В лесу она заблудилась и стала искать дорогу домой, да не нашла, а пришла в лесу к домику* (из сказки «Три медведя») 'Биир кыыс дьыэтиттэн тыаба тахсыбыт. Тыаба тахсан мунан хаалбыт. Дьыэтигэр барар суолу көрдөөбүт да, кыайан булбатах. Тыа устун баран иһэн арай кыра дьыбэ тийэн кэлбит'. 2) *Жила-была одна девочка. Пошла девочка в лес за ягодами и встретила там старушку* (из сказки «Горшок каши») 'Биир кыыс төрөөн-үөскээн олорбута эбитэ үһү. Бу кыыс оҕо арай биирдэ тыаба отоннуу тахсыбыт. Ол тахса сылдьан биир эмээхсини көрсүбүт'.

А концовки литературных сказок обычно даются так: 1) *Уж очень вкусная и сладкая была каша 'Ол курдук үчүгэй амтаннаах минньигэс хааһы диэн кэпсииллэр'*. 2) *А кот стал знатным вельможей и с тех пор охотился на мышей только изредка – для собственного удовольствия 'Куоска буоллабына ол кэнниттэн сүрдээгин дьохумсуйбут, түспэтийбит, кутуйахтары аны чункуйдабына, аралдьыйа түһээри көр онгостон эрэ бултаһар буолбут'*.

Итак, зачин якутских сказок начинается: *былыыр-былыр, хаһан эрэ былыр; арай биирдэ; арай биир ожонньордоох эмээхсин; арай биир тулаайах кыыс* и т.д. Концовка всегда заканчивается так: *эбит, үһү, баар эбит, олорбут эбит, олорбуттара үһү, олорбуттара эбитэ үһү*. Об этом Ю.Н. Дьяконова пишет: «Финальные формулы ... богаты, красивы; содержание соответствует счастливой развязке, герои до сих пор живут *богато-сыто*»; характерной особенностью инициальных формул якутских сказок является наличие модальной частицы *үһү* (говорят)» [4, с. 77].

А также применяются медиальные формулы, например: *үнкүрүс-күүлэһис гынна да; этэн баран эбирийэх иннинэ, көрөн баран эбирийэх иннинэ; кинилии кэпсээтэ, сахалыы сангарда; алаас мунунан ынахтаах, сыһыы мунунан сылгылаах; былыттаах таһараба быкпакка, халлааннаах таһараны харахтаабакка*. Таким образом, характерно-логические черты жанра сказок у всех народов схожи.

Заключение. В данной работе проанализированы тексты переводных сказок с русского на якутский язык, выявлены основные методы, приемы перевода якутских сказок, а также сделан сравнительный анализ структуры народных и литературных сказок.

1. Выявлены переводческие соответствия лексических, морфологических и синтаксических единиц текстов сказок на русском и якутском языках. Имена существительные при переводе остаются неизменными, так как в основном раскрывают национальный колорит, и даже в некоторых случаях, через характерные черты персонажа идет описание характера всего народа. Основные отличия русских и якутских сказок наблюдаются в таких случаях:

в русской сказке используется обратный порядок слов в предложении, сказуемое стоит впереди подлежащего, определение стоит после прилагательного, обстоятельство стоит после сказуемого, а также применяются такие формы, как неопределенная форма глагола, настоящее повествования, частицы *-ка, -то, и, да, ли, себе, вот, давай* и т.д. А в якутских сказках преобладают частицы, деепричастия, парные и с повторяющимся основанием. Использование парных слов придает якутской речи особую выразительность, яркость, образность высказываний.

3. Выявлены основные методы, приемы перевода якутских сказок. Самый популярный и очень важный прием при переводе узувальных норм – аналог, который часто используют переводчики. В переводе имен собственных, чаще применяется прием транскрипции, в отдельных случаях встречаются примеры, переведенные путем перестановки мест. В заимствованных словах используют прием транслитерации, в оригинале часто встречаются русские «ударные» звуки которые при переводе заменяются на якутские продолжительные звуки.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы *-ка, -ок, -чик, -еньк, -иик* переводятся, в основном, путем адекватной замены, но если нет аналога, то путем транслитерации. Перевод междометий передают путем аналога, так как каждый народ имеет свои фоновые знания и особенности восприятия окружающего мира, то эмоциональные проявления будут звучать по-разному, а знание правильных соответствий – необходимая составляющая правильного перевода.

При переводе эллипсиса часто встречается прием лакуны, так как в якутском языке иногда не используют местоимения, т. к. они заменяются притяжательными аффиксами. В отношении использования художественных приемов, народные сказки более художественнее, чем литературные. В обеих сказках используются лексические повторы. В литературных сказках более развиты фантастические образы.

3. Сделан сравнительный анализ структуры народных и литературных сказок. Зачин народных сказок почти неизменно начинается с интригующего зачина: *«Жили-были», «В некотором царстве, в некотором государстве», «За тридцать земель, в тридцатом государстве»*. Интересно непредсказуемое развитие сюжета, кульминации, с непременно торжествующим добром. Во всех народных сказках лежит печать старинного быта, обычаев, и порядков, а также они несут поучительные моменты. Зачин литературных сказок зависит от фантазии автора, то есть, они могут меняться, у них нет границ.

Литература

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение. – М.: Издат. центр «Академия», 2008. – 368 с.
2. Быраатты Гриммнэр. Бөрө уонна хоһуол оһолоро / Г.М. Васильев тылбааһа. – Дьокуускай: Бичик, 2012. – 12 с.
3. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. – М., 1978. – 172 с.
4. Дьяконова Ю.Н. Якутская сказка (Русско-якутские взаимосвязи). – Л.: Наука, 1990. – 180 с.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение учебное пособие. – М.: ЭТС. – 2004. – 424 с.
6. Латышев Л.К. Технология перевода. – М.: НВИ-тезаурус, 2001. – 278 с.
7. Нуучча остуоруйалара / Хомуйан онордо Р.П. Осипова; тылбаасчыт П.Д. Винокуров. – Дьокуускай: Бичик, 2006. – 99 с.
8. Петрова Т.И, Васильева А.А. Нууччалыы-сахалыы тылбаас. Эрчиллэр матырыйаал. – Дьокуускай: СГУ изд-та, 2000. – 79 с.
9. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. – М., 1974. – 214 с.
10. Саха остуоруйалара. Якутские сказки (Кинигэни бэлэмнээтэ Г.У. Эргис). 2 таһаарыы. – Дьокуускай: Бичик, 1994. – 338 с.

11. Федоров А.В. Основы теории перевода (лингвистические проблемы): Учебн. пособие. – 5 изд. – М.: Издательский дом «Филология три», 2002. – 416 с.
12. Якутские сказки: Пер. с якут. / Составление Д. Сивцева-Омоллоона. – М.: Худож. лит., 1976. – 271 с.
13. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору / Г. У. Эргис; [отв. ред. д.и.н. В. Е. Гусев]; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Якут. фил., Ин-т яз., лит. и истории. – М.: Наука, 1974. – 402 с.

References

1. Alekseeva I.S. Vvedenie v perevodovedenie. – М.: Izdat. centr «Akademiya», 2008. – 368 s.
2. Byraattyy Grimmner. Bөрө uonna hohuol oҕoloro / G.M. Vasil'ev tylbaaha. – D'okuuskaj: Bichik, 2012. – 12 s.
3. Vinogradov V.S. Leksicheskie voprosy perevoda hudozhestvennoj prozy. – М., 1978. – 172 s.
4. D'yakonova YU.N. YAkutskaya skazka (Russko-yakutskie vzaimosvyazi). – L.: Nauka, 1990. – 180 s.
5. Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie uchebnoe posobie. – М.: ETS. – 2004. – 424 с.
6. Latyshev L.K. Tekhnologiya perevoda. – М.: NVI-tezaurus, 2001. – 278 s.
7. Nuuchcha ostuorujalara / Homujan oҕordo R.P. Osipova; tylbaaschyt P.D. Vinokurov. – D'okuuskaj: Bichik, 2006. – 99 s.
8. Petrova T.I, Vasil'eva A.A. Nuuchchalyy-sahalyy tylbaas. Erchiller matyryjaal. – D'okuuskaj: SGU izd-ta, 2000. – 79 с.
9. Roshianu N. Tradicionnye formuly skazki. – М., 1974. – 214 s.
10. Saha ostuorujalara. YAkutskie skazki (Kinigeni belemnneete G.U. Ergis). 2 tahaaryy. – D'okuuskaj: Bichik, 1994. – 338 s.
11. Fedorov A.V. Osnovy teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): Uchebn. posobie. – 5 izd. – М.: Izdatel'skij dom «Filologiya tri», 2002. – 416 s.
12. YAkutskie skazki: Per. s yakut. / Sostavlenie D. Sivceva-Omolloona. – М.: Hudozh. lit., 1976. – 271 s.
13. Ergis G.U. Ocherki po yakutskomu fol'kloru / G. U. Ergis; [otv. red. d.i.n. V. E. Gusev]; Akad. nauk SSSR, Sib. otd-nie, YAkut. fil., In-t yaz., lit. i istorii. – М.: Nauka, 1974. – 402 s.

А. А. Филиппова, Нь. А. Сивцева

Переводческие трансформации гендерных стереотипов с якутского языка на русский язык (на материале олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох», Н.П. Бурнашева «Кыыс Дэбилийэ»)

СВФУ имени М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия
Дюпсунская СОШ имени И.Н. Жиркова, Усть-Алданский улус, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию способов перевода гендерных стереотипов с якутского языка на русский язык на материале олонхо. Цель статьи – способы передачи с якутского на русский язык гендерных стереотипов олонхо «Могучий Эр Соготох» В.О. Каратаева и «Кыыс Дэбилийэ» Н.П. Бурнашева. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи: изучение теоретических основ теории перевода; сбор фактического материала; анализ способов переводческих трансформаций олонхо «Могучий Эр Соготох» В.О. Каратаева и «Кыыс Дэбилийэ» Н.П. Бурнашева с якутского языка на русский язык. Используются следующие методы исследования: метод сплошной выборки, описательный и сравнительно-сопоставительный методы. Гендерные стереотипы являются важной структурой ментальности, которая определяет уклад жизни, распределяет социальные роли. Традиции, обычаи любого народа гендерно дифференцированы и представляют собой совокупность мужских и женских практик, отражающих стереотипы. Такие гендерные стереотипы ярко выражены в якутском героическом эпосе, так как содержание и идея олонхо, прежде всего сосредоточены в его ярких образах. В связи с тем, что способы передачи гендерных стереотипов в олонхо с якутского на русский язык недостаточно изучены, проблема исследования способов передачи перевода гендерных стереотипов с якутского на русский язык актуальна.

Ключевые слова: олонхо, якутский язык, русский язык, героический эпос, перевод, способы перевода, гендерный стереотип, ментальность.

A. A. Filippova, N. A. Sivtseva

Translation transformations of gender stereotypes from the Yakut language into Russian: the case of the olonkho by Karataev «Mighty Er Sogotokh» and Burnashev's «Kyys Debiliye»

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
I.N. Zhirkov Dyupsyu secondary school, Ust-Aldansky district, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of ways of translating gender stereotypes from the Yakut language into Russian on the material of olonkho. The purpose of the article is to study the ways of

ФИЛИППОВА Айяна Алексановна – старший преподаватель Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова.

E-mail: fiayalex11@yandex.ru

FILIPPOVA Aiyana Alexsanovna – senior lecturer, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the North-East, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СИВЦЕВА Ньургуйаана Алексеевна – учитель якутского языка и литературы, заместитель директора по учебно-методической работе, МБОУ «Дюпсунская СОШ имени И.Н. Жиркова», МР «Усть-Алданский улус (район).

E-mail: sivsevana74@mail.ru

SIVTSEVA Nurguyaana Alekseevna - teacher of the Yakut language and literature, Deputy Director for UMR, MBOU «I.N. Zhirkov Dyupsyunskaya secondary school», MR «Ust-Aldansky ulus (district)».

transferring gender stereotypes from Yakut into Russian olonkho «Mighty Er Sogotokh» by V.O. Karataev and «Kyys Debiliye» by N.P. Burnashev. To achieve this goal, the following tasks were set: the study of the theoretical foundations of the theory of translation; the collection of factual material; the analysis of the methods of translation transformations of olonkho. Karataev's «Mighty Er Sogotokh» and Burnashev's «Kyys Debiliye» from the Yakut language into Russian. The following research methods were used: the continuous sampling method, descriptive and comparative methods. Gender stereotypes are an important structure of mentality, which determines the way of life, distributes social roles. Traditions, customs of any people are gender differentiated and represent a set of male and female practices, reflecting stereotypes. These gender stereotypes are clearly expressed in the Yakut heroic epic, since the content and idea of the olonkho are primarily concentrated in its vivid images. Due to the fact that the ways of transferring gender stereotypes in olonkho from Yakut to Russian have not been sufficiently studied, the problem of studying the ways of transferring the translation of gender stereotypes from Yakut to Russian is relevant.

Keywords: olonkho, Yakut language, Russian language, heroic epic, translation, translation methods, gender stereotype, mentality.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках научного проекта «Якутские фольклорные тексты в поликультурном пространстве» программы «Сириус. Лето: начни свой проект». Авторы выражают благодарность за проведение данного исследования: Новгородовой Раде Петровне и Алексеевой Инне Ивановне – ученицам 11 класса МБОУ «Дюпсунской СОШ им. И.Н. Жиркова», МР «Усть-Алданский улус (район)»

Acknowledgment. The research was carried out within the framework of the scholarly project “Yakut folklore texts in the multicultural space” of the Sirius program. Summer: start your project”. The authors express their gratitude for conducting this study: Rada Petrovna Novgorodova, Inna Ivanovna Alexseeva – 11th grade students of I.N. Zhirkov Dyupsyu secondary school, Ust-Aldansky district.

Введение. В науке известен термин гендерный стереотип, направление, изучающее особенности представителей женского и мужского пола. Гендерный стереотип – это сформировавшееся обобщенное представление о предназначении в жизни, характере, различий в психологии мужчин и женщин.

Гендерные стереотипы являются важной структурой ментальности, которая определяет уклад жизни, распределяет социальные роли. Традиции, обычаи любого народа гендерно дифференцированы и представляют собой совокупность мужских и женских практик, отражающих стереотипы. Такие гендерные стереотипы ярко выражены в якутском героическом эпосе, так как содержание и идея олонхо, прежде всего сосредоточены в его ярких образах. В связи с тем, что способы передачи гендерных стереотипов в олонхо с якутского на русский язык недостаточно изучены, проблема исследования способов передачи перевода гендерных стереотипов с якутского на русский язык актуальна.

Цель данной статьи – изучить способы передачи с якутского на русский язык гендерных стереотипов олонхо «Могучий Эр Соготок» В.О. Каратаева и «Кыыс Дэбилийэ» Н.П. Бурнашева.

Классификация переводческих трансформаций.

Существует огромное количество классификаций переводческих трансформаций. В данной работе мы рассмотрим две из наиболее известных типологий переводческих трансформаций. Классификации В.Н. Комиссарова [6] и Л.С. Бархударова [1].

Сравнительная таблица переводческих трансформаций:

Переводческие трансформации	
по В.Н. Комиссарову	по Л.С. Бархударову
Транскрибирование Транслитерация Калькирование	

Лексико-семантические замены Конкретизация Генерализация Модуляция	Замены Лексические замены Конкретизация Генерализация Замена следствия причиной и наоборот
Грамматические трансформации Синтаксическое уподобление (дословный перевод) Грамматические замены замены формы слова замены частей речи замены членов предложения Членение предложения Объединение предложений	Замены форм слова Замены частей речи Замены членов предложения Синтаксические замены в сложном предложении, в том числе объединение и членение предложений
Комплексные лексико-грамматические трансформации Антонимический перевод Экспликация (описательный перевод) Компенсация	Антонимический перевод
Технические приемы перевода Перемещение Добавление Опускание	Компенсация
	Перестановки
	Добавления
	Опускания

Способы переводческих трансформаций в олонхо В.О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» и Н.П. Бурнашева «Кыыс Дэбилийэ».

Принцип эквивалентного перевода, удовлетворяющий требованиям как научного источника, так и художественного текста, был применен при переводе текстов олонхо, вошедших в серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Эти переводы, сделанные талантливыми переводчиками и фольклористами Н. В. Емельяновым, С. П. Ойунской, П. Е. Ефремовым, имеют высокую ценность не только как художественный перевод, сохранивший поэтическое своеобразие якутского эпоса, но и как источник богатой и достоверной информации для исследователей-фольклористов, этнографов, историков, лингвистов, музыковедов, причем эта информация содержится как внутри текста перевода, так и в научном аппарате, сопровождающем перевод олонхо. Таким образом, изучив тексты переводов олонхо «Кыыс Дэбилийэ» [7] и «Могучий Эр Соготох» [8], приходим к выводу, что в последнее время максимально сблизилась два типа перевода олонхо – научный и художественный [2, с. 106].

В эпосах «Кыыс Дэбилийэ» [7] и «Могучий Эр Соготох» [8] мы нашли 21 вид переводческих трансформаций: стилистические замены, замены вида глагола, замена наклонения глагола, замена форм дееспричастия, замена форм причастия, замена способа словообразования, замена парных слов, замена части речи, замена падежных форм, синтаксические преобразования языковых категорий, перестановка, изменения связи слова, эквивалентная замена, адекватная замена, аналог, антонимическая замена, экспликация, добавление местоимения, добавление имени прилагательного, добавление имени существительного, опускание, транскрипция.

Всего нашли 221 пример. В олонхо «Могучий Эр Соготох» – 128, «Кыыс Дэбилийэ» – 93. Наиболее часто встречается замена вида глагола и транскрипция.

Рассмотрим примеры видов переводческих трансформаций:

I. Стилистические замены.

1. Чуор мутук курдук *чолоччу тартаран барда* (высокий стиль) – *выпрямился*, как сухой и крепкий сук (нейтральный стиль) – начинательный вид образного глагола переведен глаголом совершенного вида, тем самым экспрессивная лексика передана словом без стилистического признака.

2. *Хайтах түн-тан тутар этим* (высокий стиль) – *повертел бы* (разговорный стиль) *их на руках* – парное образное слово передано формой сослагательного наклонения.

3. *Атын үрдүгэр «хап» гына олоро түстэ* (высокий стиль) – *ловко сел* (нейтральный стиль) *на коня* – кратковременный вид сказуемого с звукоподражательным словом переведен сочетанием «наречие + глагол».

4. *Бу күтүр, бука, өлөрөөрү гынна эбээт бадаба* (низкий стиль) – *этот верзила* (разговорный стиль) *видно убивать человека собрался* – эмоционально-экспрессивная лексика заменена на слово разговорного стиля.

II. Замена вида глагола.

Одной из отличительных черт якутского языка от русского являются видовые формы глагола. Вид глагола – выразительное средство для описания темпа действия, часто используемое в олонхо.

1. Харабын уута инин быһабаһыгар диэри «субурус» *гына түстэ* – *хлынули* горькие слезы до середины светлых щек.

Субурус гына түстэ – кратковременный вид. Образное слово опущено, вид глагола передается адекватной заменой – глаголом «хлынули», т.е. здесь не передается одномоментность действий богатыря.

2. *Халк гына уһулу ыстанан табыста – и с чавкающим звуком выбросился. Халк гына уһулу ыстанан табыста – и с чавкающим звуком выбросился.* Халк гына уһулу ыстанан табыста – кратковременный вид, звукоподражательное слово передано экспликацией, ловкие движения парня/богатыря абаасы отражено в переводе. Сочетание «наречие + глагол ускорительного вида» передано прошедшим временем глагола.

III. Замена наклонения глагола.

1. Иэтэ-туота сылдьар *буолайабын* – *не должен заставлять рыдать.*

Буолайабын – возможное наклонение в отрицательной форме передано сочетанием «отрицательная форма глагола + инфинитив». Не переводится по содержанию строки.

IV. Замена форм деепричастия.

1. Ыһыах *ыһан унаарыта-унаарыта* сахалыы туойан дьалыһыйа турар үһү – освящает кумысный праздник ысыах по-якутски восторженно воспевают.

Ыһан унаарыта, туойан дьалыһыйа турар – деепричастие одновременного действия, передано при помощи глагола и наречия. При переводе с якутского на русский язык деепричастий применяется, в большинстве случаев, способ опущения (лакуна), заменяется на глагол. В таком случае при прибавлении наречия образы передаются в полной мере.

V. Замена форм причастий. Причастия в рассматриваемых языках, в основном, имеют соответствия, но имеют различия в функционировании.

1. *Көстөр айыы оҕото* – *истинный сын айыы* – причастие заменено именем прилагательным.

2. *Уолан бараммат уулаах* – *не высыхающими* водами – заменено причастным оборотом.

3. *Олохсуйбут орто дойдуга* – *обосновавшийся* на средней земле – причастие заменено причастным оборотом.

VI. Морфологические преобразования. Замена способа словообразования.

1. Кыыс *күннээххэ* көстүмүнэ,
Былыттаахха быгымына,
Халлаан диэки хайыһымына
 Олорор кыыс буолла.
 Девушка жила в себе (в чулане)
 Не показываясь *солнечному небу*,
 Не выглядывая в *облачную погоду*,
 Не оборачиваясь лицом на *чистое небо*.

Прилагательные, образованные от имен существительных, не передаются словосочетанием, а сочетание «имя существительное + послелог диэки» также заменено словосочетанием. В переводе передается жизнь девушки в срединном мире. Так как якутский язык основывается на законе агглютинации, словообразовательный и словоизменительный аффиксы присоединяются к основе слова, не меняясь. А в русском языке слово образуется при помощи флекций, которые меняются в зависимости от своего грамматического значения. При переводе слова, образованного при помощи аффиксов, на русский язык замена на согласование вызвана отличием способов словообразования двух языков.

VII. Замена парных слов. Парные слова – отличительная черта, выразительное средство якутского языка. Парное слово дополняет, оттеняет содержание, является свидетельством богатства языка. В русском языке парные слова употребляются редко. В связи с этим при переводе происходят различные изменения.

1. Мин даҕаны *дойдубар-сирбэр* эрдэхпинэ син күүстээхтик сананарым – когда я был у себя *на родине*, полагал, что я тоже человек сильный. Парное имя существительное (*дойдубар-сирбэр*) дан местоимением+именем существительным.

2. Орто аан ийэ дойдуга үөскээбит-төрүүбүт киһи буолан баран – хоть и *родился* он на среднем мире.

Парный глагол переведен простым глаголом.

VIII. Замена части речи. Замена частей речи – определяется функциональным соответствием части речи.

1. Кураанах уйаны *баттаан* олордум – сижу наседкой над пустым гнездом. Деепричастие заменено именем существительным.

2. Бэрт да *сырыылаах*, суһал *тутуулаах* киһи эбит – какой быстрый *в езде*, какой он скорый *в пути*. Имя прилагательное образованное от имени существительного заменено именем прилагательным.

3. Дойду иччилэрэ *ойуу-бичик* уолаттар, кыргыттар – духи-хозяева местности, парни и девушки, *украшающие узором деревья и травы*. Парные имена существительные заменены причастным оборотом.

IX. Замена падежных форм. Категория падежа есть в обоих языках, но имеет отличия в функциональном плане.

1. *Түүтээбэр* эчпэкитик, *охтообор* түргэнник барыҥ – легче пуха, быстрее стрелы.

Сравнительный падеж есть только в якутском языке, он заменен на родительный падеж.

2. Эһиэхэ сөптөөх *дьиэни-уоту* онордубут – мы сделали вам достойное *жилище*.

Основной падеж притяжательного склонения заменятся на творительный падеж. Это обусловлено категорией притяжательного склонения в якутском языке.

X. Синтаксическое преобразование языковых категорий. Перестановка. В соответствии с грамматическим строем сказуемое якутского языка стоит в конце предложения, в русском языке свободный порядок слов, узусальные нормы отличаются. Что и вызвало изменения в переводе.

1. Абыс далла ураһа *сандаарыйан көһүннэ* – вслед за ними показались восемь светлых летних ураса. Причастие+глагол в конце предложения. В переводе заменен глаголом (в середине предложения).

2. Үрүн оѳус саѳа өрөгөйүн *улааттын* – да пусть увеличится твое счастье величиной с белого быка. Глагол стоит в начале предложения.

XI. Изменение связи слова. В якутско-русском переводе контактирующие языки относятся к разным группам языка, что определяет различия не только в словообразовании, но и синтаксической связи слов. Например, в якутском языке нет рода, согласование происходит между подлежащим и сказуемым, в сочинительной связи. Изафет есть только в якутском языке, потому заменяется на управление и согласование.

1. *Дойду туоһа* туостаах (тарды) – скрепленный *берестой страны (управление)*;
2. *Сизэрэ уотун* курдук (тарды) – как от *серы (салайы)*;
3. Күн толонун (тарды) – солнечный диск (согласование);
4. Айан киһитэ (тарды) – дорожный человек (согласование);
5. Хара көмүс (сысты) – из черного серебра (управление);
6. Сизэллээх эбир хамыйаѳы туппут (салайы) – держит жертвенный ковш (согласование).

XII. Замена. Эквивалентная замена.

1. Имена богатырей: *Модун Эр Соѳотох* – Могучий Эр Соѳотох. *Кыыс Дэбилийэ* – в этих примерах имена героев не переводятся. Иными словами, используется эквивалентная замена и звуковая адаптация (способ транскрипции). Якутский колорит сохранен.

2. *Этэн баран кэннибинэн кэхтиэм суоѳа, иннибинэн чугуруйуом суоѳа* – раз сказал – назад не отступлю, а передом не подамся. В данном примере синтаксического параллелизма используется антоним (*кэннибинэн-иннибинэн*), синоним (*кэхтиэм-чугуруйуом*). К синонимам примыкает частица (*суоѳа*), образуется отрицательная форма глагола, повторяется. В переводе антонимы сохраняются (*назад-передом*), синонимы переданы эквивалентно (*не отступлю-не подамся*), отрицательная форма глагола сохранена. Содержание передано полностью.

При переводе синтаксического параллелизма наблюдается способ эквивалентной замены: количество слов, строк, параллелей соответствует оригиналу. В русском языке нет сингармонизма, что и определяет его отсутствие.

XIII. Адекватная замена. В переводе важное значение имеет подбор адекватных замен, когда слово передается не только по словарному значению, но и в зависимости от того, в каком словосочетании, предложении употребляется, иными словами, от контекста.

1. Күүс иниирэ, көѳөн этэ барыта *бук-хах* тутта – сильные мышцы, крупные мускулы вскривь и вкось стянулись. Парное сочетание наречия образа действия (*бук-тах*) по содержанию заменено на наречие *вкривь и вкось*. Использование двух наречий одновременно делает глубже содержание, дает представление о сильных мышцах богатыря, и звучание строк приобретает изящество.

2. Аллараа дойду сүүрбэ сэттэ биийин *тойоно* Арсан Дуолай оѳонньор – *владыка* нижнего мира двадцати семи племен-старец Арсан Дуолай огонер. Эквивалент слова *тойон* – *господин*, использование в данном случае слова *владыка* подчеркивает, что это образ хозяина, почтительное отношение к нему. Слово *оѳонньор* передано эквивалентной заменой и транскрипцией. Переводчик, используя два способа одновременно, передает образ Арсан Дуолая как почтенного старца нижнего мира.

XIV. Аналог. Аналог применяется в случае отсутствия эквивалентной замены. Чаще всего наблюдается в художественном переводе, но может вызвать опущение реалий или введение реалий другого народа, тем самым передать читателю неправильную информацию о культуре.

1. Алта хос дьапталжа хара *куйах*, үс хос үрүн көмүс *куйах* -шестислойный черный панцирь, трехслойные светлые серебряные доспехи.

Куйах-панцирь, кольчуга, латы, кожаная броня с железными пластинами (72). Из этого следует, что эквивалент слова «куйах» – «*панцирь*», слово «*доспехи*» является аналогом значения. *Доспехи* – воинское снаряжение (162). В олонхо слово «куйах» повторяется, а в переводе передано двумя разными словами. Это вызвано, на наш взгляд, желанием переводчика избежать тавтологии.

2. Сизллээх эбир *хамыйабы* туппут – держит *жертвенный ковш*. *Хамыйах*-деревянная ложка (210). При этом в определении слова «хамыйах» замена на «ковш» не соответствует. А в русско-якутском словаре от 1948 г. ковш определяется следующим образом: «хомуос, удьаа (для кумыса) бадьыр (разливочный, деревянный) бадаайы, (большой, деревянный) бадьаа». Нет эквивалента «хамыйах» слову «ковш». Из этого следует, что в данном случае применяется не эквивалентная замена, а аналог. Для сохранения реалии и полной передачи значения слова здесь правильным было бы использование способа экспликации. Например, держит *жертвенный ковш-хамыйах*.

XV. Антонимичная замена.

1. Эйиигиттэн куттаннабым – я не боюсь тебя. *Куттаннабым* – положительная форма изъявительного наклонения 1 лица единственного числа, образованная от притяжательного склонения аффикса –тах глагола, передана отрицательной формой глагола 1 лица единственного числа.

XVI. Экспликация. Экспликация, на наш взгляд, один из наиболее подходящих способов замены, потому что предназначена для сохранения информации об уникальной культуре народа и ее передачи другим народам. Чаще всего используется при переводе реалий.

1. Илин-кэлин кэбиһэрин иилиммит – с украшениями илин-кэлин кэбисэр – слова транскрибируются, приводится русское слово;

2. Ыһыха ыһан унаарыта-унаарыта – освящает *кумысный праздник ысыах* – объяснение реалии в самом тексте;

3. Ийэхсит хотун-богиня Ийэхсит хотун – поясняется эпитет имени собственного, передает значение божественного происхождения Ийэхсит.

XVII. Добавление. Способ добавления в переводе обусловлен различиями в семантике и грамматическом строе якутского и русского языков.

Добавление местоимения. Есть категории/формы, которые присутствуют в обоих языках, но не соответствуют их значения и узуальные нормы. Например, категория притяжательности есть и в якутском, и в русском языке, однако формы и правила функционирования отличаются. В якутском языке категория притяжательности сильно развита, влияет на другие формы (число, падеж, синтаксис), а в русском языке есть понятие обладания, передается местоимением. Что вызывает в переводе трудности.

1. Үс хос куйабы кэтэн кэбистэ – одел он свой трехслойный серебряный панцирь. Односоставное предложение в переводе на русский язык передано двусоставным предложением. Для более ясной передачи значения добавлено местоимение, что определяется как оправданное добавление, так как описывается одежда богатыря. Перевод удачный.

XVIII. Добавление имени прилагательного.

1. Бэйэм сир курдук симиэбим, ой курдук оноруобум – сама наряжу как *цветущую* землю, разодену как *пышный* лесок. Для более яркого описания образов/образного описания добавлены прилагательные.

XIX. Добавление имени существительного.

1. Уруй, айхал, мичил буоллун! – Да будет радость, удача, да веселье! Да будет уруй, айхал, мичил! Уруй – воодушевление, счастье (192). Айхал-возглас приветствия, выражение радости, приветствие (10). Мичил – от мичээр-улыбка (95).

XX. Опускание.

Дьэ билбэтэх соһумар өлүүбэр түбэстим, ол эрэри бэйэм куһаҕаммыттан өллүм – я умираю от того, что сам сплеховал. Речь богатыря абаасы. Здесь наблюдается опускание целого предложения. Отметим, что в данном примере опускание не оправдано: опускание чаще всего использовано при переводе парных слов, образных и звукоподражательных слов, которые являются одними из отличительных особенностей языка олонхо.

XXI. Транскрипция.

Транскрипция представляет собой написание иноязычного слова буквами переводящего языка. Как переводческий прием он недостаточен, т.е. не дает читателю понимания сущности реалии, поэтому часто сопровождается другими приемами перевода. Транскрипция якутских реалий в переводах олонхо, по нашим наблюдениям, не имеет устоявшихся правил и иногда не соответствует основному принципу транскрибирования – быть максимально близким оригиналу по звучанию. Основной причиной этого недостатка является использование одного графического знака для обозначения похожих, но разных звуков якутского и русского языков. Другими словами, графическое однообразие якутского и русского алфавитов не в полной мере отвечает фонетическому разнообразию, обусловленному фонологическими различиями контактирующих языков [11].

Итак, способ транскрипции чаще всего используется при переводе реалий. Однако этот способ не раскрывает полностью значения слова, потому, в большинстве случаев, сопровождается экспликацией.

1. Транслитерация долгих гласных: *Сабыйа Баай Хотун, Туналыкаан Куо, Тэмэликээн Куо, Уот Чолбоодой, Симэхсин Эмэхсин, Кыыс Сарыадыман, Кыыс Дэбиллэй, Хаанчылаан Куо* и др. В случае передачи долгих гласных имени собственного краткими русский читатель может поставить ударение на любой слог, неправильно произнося реалии. Так долгие гласные способствуют правильной постановке ударения.

2. Дь-дж: *Айыы Дьаргыл, Таас Дьяантаар, Харыадылаан Бэргэн, Уот Урбалдьын, Тимир Дьигистэй* и др. В случае передачи буквы *дь* транслитерацией эта буква может быть произнесена как мягкая *дь*. Что и обуславливает транскрипцию *дж*. Это устоявшиеся традиции в переводе (применяются при переводе с английского языка).

3. н-нг: *Айыы Дьяансаар Тойон, Уруг Аар Тойон* и др.; *н* – носовой сонант, заднеязычное согласное заменяется на сочетание звуков *нг*.

4. *h*-с: *абааһы, ыһаах*; *h* – звонкий согласный, а *с* – глухой согласный. Совпадают место образования и способы (щелевой), отличаются только участием шума, голоса, потому это парные согласные. В русском языке нет звука *h*, потому заменяется на букву *с*.

5. *б-г*: *Модун Эр Соботох, удаҕан* ; *б* – звонкий, увулярный, *г* – звонкий, заднеязычный согласный. В русском языке нет звука *б*.

6. *ө-ё, ү-ю, үө-юө* : *Өксөкү бухатыыр, Көмүс Кыырыктай, Төбөт Туурай, Дыгыйдаана Бөбө, Күн Эрили*; звуки *ө* и *үө* в якутско-русском переводе транскрибируются буквами *е, э*, читается неправильно, реалии произносятся неправильно, что приводит к появлению имен, отсутствующих в якутской культуре. Йотированная гласная *ё* не заменяет лабиализованную гласную *ө* переднего ряда среднего подъема.

7. Транскрипция при передаче образов: *Хамаан-имээн дойду* – страна Хамаан-имээн. Название страны сохранено, потому реалия остается.

8. Экспликация реалий: *зеленые березки-чэчир*. Экспликация слова «чэчир», относящейся к лексике, выражающей культурную информацию, способствует его пониманию, восприятию русским читателем. Для полного понимания слов, относящихся к культуре якутского народа – реалий, необходимо наряду со способом транскрипции использовать способ экспликации.

Заключение. В практике якутско-русского перевода сформировались уникальные приемы, благодаря которым на русский язык адекватно передается не только содержание оригинального текста, но и его художественные особенности, не соответствующие поэтической эстетике переводящего языка. Различные способы перевода якутских реалий развивались из года в год, что четко прослеживается по творчеству отдельных переводчиков.

Наилучшим, эталонным переводом можно считать переводы олонхо «Кыыс Дэбиллэй» [7] и «Могучий Эр Соготох» [8], вошедшие в 60-томную серию «Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока». Эти переводы, благодаря успешному выполнению требования «сочетать точность с доступностью для широкого круга читателей», предъявленного редколлегией серии, читаются как качественный художественный перевод, вызывая восхищение богатством языка и изяществом передачи безэквивалентной лексики.

При передаче гендерных стереотипов олонхо на русский язык используются следующие способы перевода:

- Преобразование вызвано отличием грамматического строя, выразительных средств, литературных и узуальных норм якутского и русского языков. Функционирование в якутском языке ускорительного и множественно-многократного вида глагола, который отсутствует в русском языке, в переводе определяет изменения форм, наряду с этим, наблюдаются преобразования при передаче стиля, наклонения глагола, деепричастия, причастия и других форм. Падежная категория есть в обоих языках, но отличается функционированием. Так, сравнительный падеж есть только в якутском языке, потому передается на русский другими формами. Также происходят изменения форм падежа в соответствии с узуальными нормами языка. В соответствии с грамматическим строем якутского языка сказуемое завершает предложение, а в русском узуальные нормы другие, что и вызывает способ перестановки. Якутский и русский языки относятся к разным группам языков, отличаются традиции связи слов, в переводе изменяется синтаксическая связь слов.

- Способ добавления используется при передаче форм, у которых есть соответствия, но не подходят значения или узуальные нормы в данном контексте, что в переводе иногда приводит к изменению значения. Добавление местоимений оправдано, потому что добавляется информация, выраженная одним словом; при добавлении имени прилагательного образ раскрывается ярче; добавление имени существительного поясняет значение слова. В рассматриваемом переводе чаще всего встречаются добавления местоимений, имени прилагательного и имени существительного.

- Способ опущения вызван расхождениями в семантике и строе языка. Чаще всего опускаются: один компонент парного слова, образные и звукоподражательные слова (лакуны).

- Транскрипция используется при переводе реалий. При данном способе не передается значение реалий, потому необходимо сопровождение транскрипции способом экспликации.

При переводе олонхо указанные способы могут применяться вместе, это способствует достижению эквивалентности перевода. Например, при переводе реалий наряду с транскрипцией и аналогом необходимо использовать способ экспликации.

Таким образом, главная цель перевода – достижение адекватности. Основная задача переводчика при достижении адекватности – умело произвести необходимые переводческие трансформации, для того, чтобы текст перевода как можно более точно передал всю информацию, заключенную в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка.

Пока наш великий эпос переводят на русский и другие языки, якутский народ, его культура будет жить. Перевод имеет огромное значение для распространения родной культуры.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М.: Междунар. отношений, 1975. – 240 с.
2. Васильева А.А. Основные приемы якутско-русского перевода (на материалах перевода олонхо) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Научный журнал. Том 8. № 2 (апрель-июнь) – г. Якутск, 2011. с. 105-112.
3. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. – М.: «Международные отношения», 1980. – 352 с.
4. Денисова И.В. Особенности передачи гендерного аспекта в переводе художественного произведения: автореф. Дис. ... канд. фил. наук. Челябинск, 2011. 20 с.
5. Емельянов Н.В. Сюжеты якутских олонхо. Москва: изд. Наука, 1980. – 382.
6. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. Москва: изд. Наука, 1980.
7. Кыыс Дэбиллэйэ : якутский героический эпос / [Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии ; сказитель Н. П. Бурнашев ; подгот. текста: П. Н. Дмитриева, В. В. Илларионова, А. Д. Нестеревой ; пер.: Н. В. Емельянова, П. Е. Ефремова, С. П. Ойунской ; вступ. ст.: Н. В. Емельянова, В. Т. Петрова ; музыковед. ст. А. П. Решетниковой]. – Новосибирск : Наука, 1993. – 326, [2] с.
8. Могучий Эр Соҕотох = Модун Эр Соҕотох: якутский героический эпос / [Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии; сказитель В. О. Каратаев; пер.: П. Е. Ефремова, С. П. Ойунской, Н. В. Емельянова; вступ. ст.: Н. В. Емельянова, С. П. Рожнова; музыковед. ст. Э. Е. Алексеева]. – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 437, [2] с. см. + 1грп. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / [редкол.: ... А. П. Деревянко (гл. ред) и др.] ; т. 10).
9. Петрова Т. И. Типология перевода якутского эпоса олонхо на русский язык / Т. И. Петрова. – Якутск: Издательско-полиграфический комплекс СВФУ, 2010. – 134 с.
10. Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. Москва: изд. АН СССР, 1962. – С. 256.
11. Самсонова Т.П. Сравнительная характеристика звуковых систем русского и якутского языка. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1959, – 92 с.

References

1. Barhudarov L.S. Jazyk i perevod. – M.: Mezhdunar. otnoshenij, 1975. – 240 s.
2. Vasil'eva A.A. Osnovnye priemy jakutsko-russkogo perevoda (na materialah perevoda olonho) // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Nauchnyj zhurnal. Tom 8. № 2 (aprel'-ijun') – g. Jakutsk, 2011. s. 105-112.
3. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoev v perevode. – M.: «Mezhdunarodnye otnoshenija», 1980. – 352 s.
4. Denisova I.V. Osobennosti peredachi gendernogo aspekta v perevode hudozhestvennogo proizvedenija: avtoref. Dis. ... kand. fil. nauk. Cheljabinsk, 2011. 20 s.
5. Emel'janov N.V. Sjuzhety jakutskih olonho. Moskva: izd. Nauka, 1980. – 382.
6. Komissarov V.N. Lingvistika perevoda. Moskva: izd. Nauka, 1980.
7. Kyys Djebilijje : jakutskij geroicheskij jepos / [Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t filologii ; skazitel' N. P. Burnashev ; podgot. teksta: P. N. Dmitrieva, V. V. Illarionova, A. D. Nesterevoj ; per.: N. V. Emel'janova, P. E. Efremova, S. P. Ojunskoj ; vstup. st.: N. V. Emel'janova, V. T. Petrova ; muzykoved. st. A. P. Reshetnikovej]. – Novosibirsk : Nauka, 1993. – 326, [2] s.
8. Moguchij Jer Sogotoh = Modun Jer Soҕotoh: jakutskij geroicheskij jepos / [Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t filologii; skazitel' V. O. Karataev; per.: P. E. Efremova, S. P. Ojunskoj, N. V. Emel'janova; vstup. st.: N. V. Emel'janova, S. P. Rozhnova; muzykoved. st. Je. E. Alekseeva]. – Novosibirsk: Nauka, Sibirskaja izdatel'skaja firma RAN, 1996. – 437, [2] s. sm. + 1grp. – (Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka / [redkol.: ... A. P. Derevjanko (gl. red) i dr.] ; t. 10).
9. Petrova T. I. Tipologija perevoda jakutskogo jeposa olonho na russkij jazyk / T. I. Petrova. – Jakutsk: Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks SVFU, 2010. – 134 s.
10. Puhov I.V. Jakutskij geroicheskij jepos olonho. Osnovnye obrazy. Moskva: izd. AN SSSR, 1962. – S. 256.
11. Samsonova T.P. Sravnitel'naja harakteristika zvukovyh sistem russkogo i jakutskogo jazyka. – Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959, – 92 s.

– РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИЙ –

УДК 811.11-112'01

Г. Г. Торотов

«Саамай хотугу урууна суругу» кэлимник чинчийэр эспэдииссийэ барыллаан түмүгэ = Предварительные итоги комплексной экспедиции по исследованию «самой северной рунической надписи»

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье интерпретируются предварительные результаты комплексной экспедиции, организованной 28 августа 2019 г. в местности Сайынны Аартык (Летний Перевал), по исследованию памятника древней письменности «Петровская надпись», условно датируемого X веком н.э. В ходе экспедиции проведена фотофиксация исследуемых рунических и руноподобных надписей для дальнейшего изучения в лабораторных условиях. В результате дактилоскопического и почерковедческого исследования при помощи дактилоскопической лупы 4-х кратного увеличения, было обнаружено, что срисованная копия Петровской надписи, предоставленная А.Н. Бернштаму в 1941 г. для дешифровки, оказалась с некоторыми неточностями. Классическое прочтение тюркологом данной рунической надписи требует к себе критического отношения, следовательно, дальнейшей активной дешифровки и научной интерпретации.

Ключевые слова: язык саха, рунические и руноподобные надписи, «Петровская надпись», дактилоскопическое и почерковедческое исследования, дешифровка, интерпретация.

G. G. Torotoev

Preliminary results of a complex expedition to study «the northernmost runic inscription»

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article interprets the preliminary results of a complex expedition organized on August 28, 2019 in the area of Sayınnı Aartyk (Summer Pass), to study the monument of ancient writing “Petrovsky inscription”, conventionally dated to the 10th century A.D. During the expedition, photofixation of the studied runic and runiform inscriptions was carried out for study in laboratory conditions. As a result of dactylographic and graphological researches using a 4X magnification dactylographic magnifier, it was found that the handwritten copy of the Petrovsky inscription, sent to A.N. Bernstam in 1941 for decryption,

ТОРОТОВЕВ Гаврил Григорьевич – к. филол. н., доцент, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова.

E-mail: torgav@mail.ru

TOROTOEV Gavril Grigorievich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

it turned out with some inaccuracies. The classical reading of this runic inscription by a turkologist requires a critical attitude, therefore, further objective decryption and scientific interpretation.

Keywords: Sakha language, runic and runiform inscriptions, Petrovsky inscription, dactylographic and graphological researches, decryption, interpretation.

Кириитэ

Өбүгэбит түн былыр туоска, маска, туойга тугу ордук суолталыырын суруйа сылдыбыт буолуохтаах. Ол эрэри ити матырыйааллар үйэтэ суох буоланнар, бу күнгэ диэри бүтүн тийбэтэхтэр. Былыргы дьонно суорба таастар туруору эркиннэрэ холуста курдук суолталаахтара. Онно **суоруллубут / он(й)уллубут / быһыллыбыт / бич(һ)иллибит** ойуу-мандар, сурук-бичик өр кэм устата өйдөбүннүк буолан, ааспыты саната, уруккуну туоһулуу турар.

Киһи аймах билигин туттар суругар-бичигэр тийиэр диэри 4 түһүмэхтээх сайдыыны ааспыта. Былыргы дьон этэр санааларын тиэрдээри, аан бастаан **ойууну** (пиктографическай) туһаммыттара, онтон уруһуйдарын **судургу болдьох (тамбатыны) бэлиэлэргэ** (идеографическай) кубулуппуттара. Үсүһүнэн, тамбатыны бэлиэлэрин **тыл сүһүөхтэригэр** көһөрбүттэрэ. Төрдүһүнэн, сүһүөхтэри **саҥа дорҕооннорунан** тилэри тиэрдэр буолбуттара.

Саха сиригэр көстүбүт суругу-бичиги, ойууну-мандары айылбаттан айдарылаахтар (ойууттар, удаҕаттар, бас-көс дьон) эрэ суруйбут буолуохтаахтар. Сурук диэн түн былыргы өбүгэбит Үрдүк Айыыларын, сир-дойду иччилэрин кытта алтыһытын биир сүдү көрүнгэ этэ. Ол да иһин итинник ойуулар уонна суруктар итэбэли кытта быһаччы ситимнээхтэр, дьон-сэргэ үгэн-сүктэн аһар Ытык Сирдэригэр бааллар.

Өбүгэбит таас хайа эркинигэр суруйан-бичийэн, үс саха төрүөбэр, кэлэр кэнэбэски кэнчээритигэр оччотооһу өйүнэн (кыабынан / таһымынан) кэс тылын эттэбэ, аман өһүн анаатаба. Дьону-сэргэни, кыылы-сүөлү судургутук үтүктэн ойуулаан (антропоморфные, зооморфные изображения), хамсанынан кэпсиир суругунан (кинетическая речь) саныыр санаатын тиэрдэ сатаатаба. Ону өйдүүр туһугар биһиги оччотооһу кэм тыынын өйдүүн-сүрэхтиин бүүс-бүтүннүү ылынан, санаабыт күүһүнэн ол кэмнэ ыалдьытаан, өбүгэбит «тириитин кэтэн», кинилэр олохторун, бу дьын-чаччы буола турарыны, бэйэн курдат аһардыахтааххын. Оччоҕо эрэ охсуһуулаах тоҕойдорго, араллааннаах сахтарга ураанхай саха таабырыннаах уруһуйунан (рисунки-ребусы) тугу этэ сатаабытын син балай эмэ ыйданардыахпыт этэ.

Былыргы сурукка биһиги билигин ситэ быһаара илик көстүүбүт үгүс. Тоҕо диэтэххэ, былыргы быдан дьылларга итэбэлгэ сыһыаннаах ойуулар сыл-хонук аастабын аайы болдьох бэлиэбэ кубулуйаллара, ону билигин кэлэн ааҕар олус уустук. Инньэ гынан, **ойуу → тамба → сурук** суолун сонордоһор – олус сыралаах уустук үлэ.

«Руна» диэн санскрит тылыттан силистээх-мутуктаах тиэрмин, ону нуучча тылыгар тылбаастаатахха, «секрет, тайна» диэн буолар. Урууна суруктар ис кистэлэннэрин тутта арыян биэрбэт айылгылаахтар, инньэ гынан былыргы суругу чинчийэр учуонайдары үгүстүк толкуйга түһэрбит, саарбахтаппыт, муннарбыт да буолуохтаахтар. Онон бу ыстатыйаба өбүгэбит суругун-бичигин үйэлээх кистэлэнин бэрт сэмэйдик сэгэтэн, таабырынын таайан көрүөхпүт.

Туһаныллыбыт матырыйаал уонна чинчийии ньымата

Дьокуускай куораттан 220 км тэйиччи, Сиинэ өрүс төрдүттэн 12 км аллара сытар Сайынны Аартык диэн сиргэ көстүбүт «саамай хотугу урууна суругу» хаартыскаҕа улаатыннарар түһэттэрэн, бу суругу бичийбит киһи тарбаҕын суолун эспиртэргэ анал лабара-

тыарыйаҕа чинчийтэрэн, А.Н. Бернштамга тиксэриллибит барыйааны уонна чинчий-и түмүгүн тэннээн көрүү, урууна бэлиэлэрин ортогугар баар ураты тамҕа ис номоҕун ааҕарга холонуу.

1. Сурук, бичик, ойуу тиэрминнэр үөскээһиннэрэ

Барашков Иван Иванович «Древняя письменность якутов» ыстатыйаҕа сурукка-бичиккэ сыһыаннаах тыллар төрдүлэрин быһаарарга санаммыта олус кэрэхсэбиллээх: «В современном якутском лексиконе сохранились термины: «сурук-бичик», «оһуор-мандаар», «ойуу-бичик», «ойуу-дьэргээ», «халлаан суруксута»; «хааннаах тааска суруллуу», «эрбэҕи хаанныы», «тордуу» и т.п. «Сурук-бичик», «ойуу-бичик» (письмо-резьба), очевидно, имеют древний общетюркский корень. «Сурук» по-монгольски – «дырук» – картина, рисунок; по-бурятски – «зурак» – картина, изображение, «зурук», «дьурук» – рисунок. Корень якутского «бичик» – «быс» (от глагольной основы режь, отрежь), отсюда «ойуу-бичик» (орнамент); «бичик» по-тюркски «битик», а по-монгольски «битык». В якутском народном творчестве «үрүн, хара сурук» (белое, черное письмо или грамота) пишется Үрүн-Элкэнэй Тойоном ураанхай-сахаларам, живущим за трехъярусным голубым небом. «Халлаан суруксута» (небесный писарь), «суруктаах» – с начертанием, узором, рисунком, письменами; «суруктаах хайа» – гора с писаницами и т.п. – все это свидетельствует о существовании в седую старину у предков современных якутов какой-то идеографической письменности, стертой веками, но оставившей неизгладимые следы в живом сознании народа. Эту древне-идеографическую письменность, очевидно, мы и находим на ленских скалах» [1].

Учуонай бу быһаарыытын сыныһан аахтааха, киһи туһанара олус элбэх. Ол эрэри бичик диэн тыл *быс* диэнтэн тахсыбытын туһунан сабаҕалааһынын кыратык чопчулоох тустаахпыт. Бичик диэн тылбыт «**бис**» уонна «**быс**» диэн туохтуурдартан иккиэннэриттэн тэҥинэн бэриһиннэрэн үөскээбит буолуон сөп. Бу тыл төрүкү ис хоһоонугар соһону **биһэн** да, ойо **быһан** да суруйуу икки көрүнгө түмүллүбүт диэн сабаҕалыбын. «Бичик» диэн түүр төрүттээх түн былыргы тыл буолара мантан да көстөр.

Маннайгы түн былыргы сурук суорба тааска суруллар. Бу этиигэ «суорба» диэн тыл эмиэ «суор» диэнтэн үөскээбитэ илэ көстө сылдьар. Саамай үйэлээх сурук – **суоран суруйуу**. Онон билигин туттар «Суруллубут – суоруллубат» диэн өс хоһооммут төрүт эрдэ-тээнни көрүнгө «Суоруллубут – суоруллубат» диэн буолан тахсар. Ону тыл хайдах улары-һан испитэ (эволюция) да бигэргэтэр: *суор – сур(аа) / дьур(аа) – сур(уй) – сур(ук)*. Көстөрүн курдук, *суор* диэнтэн *сур* диэн тыл олоҕо (этимон) үөскээн сайдан киирэн барбыт. Онон үтүмэн үйэни өтө көрөр өбүгэбит Уһун **Дьурантаайы суруксут**, **Суор Суруксут** диэннэри түбэһиэх ааттаабатах эбит. Бу барыта бэйэ бэйэтин кытта ыкса ситимнээх тыллар буолан тахсаллар.

Үөһэ сиһилэммити түмэн этэр буоллааха, сурукка-бичиккэ, ойууга-мандарга сыһыан-наах аат тылларбыт манньк туохтуурдартан үөскээбиттэр:

1. Суор → сур+уй → сур+ук
Суор → с(дь)ур+аа → сураа+һын
2. Быс → (быч+ык) / быһ+ыы
Бис → бич+ик / биһ+ии
3. Он → он+уу (оно быһыы)
Ой → ой+уу (ойо быһыы)

Антонов Н.К. ойуу уонна быһыы диэн тыллар төрдүлэрин-төбөлөрүн субу курдук быһаарар: «Курыканские писаницы нанесены на скальной поверхности резной техникой, глубокими штрихами и выемками. В якутском языке от подобной техники рисования воз-

никло слово ойуу – изображение, рисунок, орнамент, образованное от глагола ой – вырезать, сделать выем. Ныне связь слова от его основы не осознается, забыта, точно также как и слова быһыы – нрав, поведение, черта от основы быс – резать» [2]. Учуонай этиитин салҕы сайыннарар эбит буоллахха, оно быһыы уонна ойо быһыы – суоран суруйуу икки ураты нымата буолар.

2. Саамай хотугу урууна сурук («Петровская» надпись).

Сиинэ өрүс төрдүттэн 12 км аллара Сайынны Аартык («Кыһыл үрэх төрдүгэр, Петровскай дэриэбинэ аттыгар» [3]) диэн сиргэ баар «саамай хотугу урууна суругу» («самая северная руническая надпись» [4]) акадьыамык А.П. Окладников 1941 с. булбута итиэннэ былыргы түүр тылын чинчийээччи Сергей Ефимович Маловка аахтара ыытар. Ол гынан баран С.Е. Малов ити суругу аахпытын туһунан туох да сибидиэннэ билиннитэ көстө илик.

Үс үллэр үөстээх Өлүөнэ Эбэ кытылыгар көстүбүт уруунатыны суруктары Окладников А.П., Барашков И.И. түүр тыллаах биис уустара суруйан-бичийэн хаалларбыттар диэн бигэргэтэллэр: «Открытые экспедицией в 1941 году новые места наскальных изображений и писаниц в верховьях Лены ясно показывают, что какой-то неведомый лесной народ, оставивший верхнеленские письменные памятники, говорил на тюркском наречии и знал оригинальную руническую письменность древних тюрков. Среднеленские наскальные изображения и надписи помимо верхнеленской рунической письменности можно разделить на две группы. Первую группу составляют наскальные изображения, рисунки, не имеющие следов письменных знаков. Вторую группу составляют наскальные изображения, носящие следы рунообразных знаков. Первая группа ленских наскальных изображений не имеет никакой точной, последовательной связи с известными нам историческими эпохами. Очевидно, она уходит бесследно куда-то в глубину веков доисторического времени. Вторая группа, изображений содержит буквообразные или руноподобные знаки. Она имеет более или менее ясную историческую канву и связь с эпохой орхонско-енисейских письменных памятников VII-IX веков н. э.» [5].

Устуорук А.П. Окладников 1945 с. ахсынны ыйга былыргы сурук куоппуйатын Анатолий Натович Бернштамна ыытар. Ону А.Н. Бернштам «Древнетюркское письмо на р. Лена» үлэтигэр «аз йинчэ эд эб» («азские бусы-добро (в значении «имущество») дом...») диэн тылбаастаан аахпытын киллэрэр. Онно бу сурук б.э. IX үйэтин эргин суруллубут буолуон сөп диэн сабаҕалыыр итиэннэ Орхон-Енисей суругун бэлиэлэригэр чугаһатар.

11 киһилээх эспэдииссийэ 2019 с. балаҕан ыйын 28 күнүгэр «саамай хотугу урууна суругу» чинчийэ баран кэлбитэ. Эспэдииссийэ састаабыгар бааллара: 1) М.К. Аммосов аатынан Хотугулуу-Илинни бэдэрээлинэй үнүбэрситиэттэн 9 киһи: Билим уонна саналы сайдыы дэпэртээмэнин үлэһиттэрэ Малышева Н.В., Тохтобина Я.Е.; Арасыйыа Хотугулуу-Илинни норуоттарын тылларын уонна култуураларын үнүстүүтүн уһуйааччылар Шамарева А.Е., Торотоев Г.Г.; Сурук-бичик түмэлин үлэһиттэрэ Горохов Е.Е., Филиппов Б.Ю.; үнүбэрситиэт чинчийээччилэрэ Мухин В.В. (хиимик), Иванов Н.И. (географ) уонна суоппар Неустроев В.В.; 2) ИДЪМ кириминээли чинчийэр киинин эспиртэрэ Дегтярева Т.П. (мойуор), Омельяненко Д.В. (хапытаан).

Рис. 1. «Петровская надпись», найденная в 1941 году экспедицией под руководством акад. А.П. Окладникова. Фото Торотоева Г.Г.

Киэн хабааннаах эспэдииссийэ сүрүн түмүктэрэ манньктар:

1. Хапчаанныгы хайа эркинигэр харах-көс араарарынан барыта 6 уруунатынгы бэлиэ дьэнкэтик көстөр. Дьинэр, эрдэтээнни матырыйаалларга олоҕурдахха, итиннэ 9 бэлиэ баар эбит, олортон 2 бэлиэтин тыал-куус уонна сиик-силбик көстүбэт гына сотон-суурай-ан кэбиспит. Бу былыргы сурук тулатыгар араас ойуу-бичик элбэх, инньэ гынан бу кэс сурук үйэлээх сүдү хартыына сорҕото, ханнык эрэ чааһа буолар. Онон сурук кистэлэн «күлүүһүн» таайарга атын уруһуйдар эмиэ тирэх-көмө суолталаахтар.

2. Сурук тарбах иминэн («ногтевые фаланги пальцев человека») суруллубут, бу суругу суруйбут киһи тарбаҕын мунур сүһүбүн кээмэйэ – 21x14 (мм). Суруйбут киһи төһө бөдөнүн-саданын быһаарар туһуттан онкуллааһын (моделирование) ньыматын туһанабыт. Оноуоха харах уун-утары көрөр таһымын учуоттуубут, бу суругу суруйарыгар киһи илиитин хайдах быһыылаахтык уунан туруон сөбүн үтүктэн көрөбүт. Итинник эспэриминэннэн, бу суругу бичийбит киһи үрдүгэ быһа холоон 170-175 см эбит диэн түмүккэ кэлэбит.

3. Сурук бэлиэлэрэ кыһыл соһонон (красная охра) бичилибит. Сабаҕалааһын быһыытынан, соһо кырааска «бороһуогун» (туойдаах тимир булкадаһыга) суорба таас эркиниттэн кыһыйан ылан, туох эрэ убаҕаска (хаан эбэтэр үүт буолуон сөп) суурайан, кыһыл соһо кыраасканы таһаарбыттар. Кыһыл өнү гематит уонна Fe^{3+} холбоһуга биэрэр. Ону уотунан салаттахха, өссө ордук кытарар итиннэ үйэлээх буолар. Былыр өбүгэбит тирии таһаһын дьураатын-дьарбаатын кытардарыгар кыһыл соһону эмиэ тутта сылдыбыт буолуохтаах.

4. Эспирдэр Дегтярева Т.П., Омеляненко Д.В. былыргы суругу хаартыскаҕа түһэрэн баран, буочары чинчийэр анал лабаратыарыйаҕа дактилоскопической луупанан 4 төгүл улаатыннарар, сыныйан ырыппыттар.

Чинчийи түмүгэр А.Н. Бернштамна тиксибит куоппуйа икки албастааҕа чопчу быһаарылынна.

1) Р бэлиэ икки тус-туспа бэлиэттэн – □ уонна I бэлиэлэртэн турара чуолкайданна. Эспиртээһин түмүгэ бигэргэтэринэн, аллараанны сурааһын I үөһээни эрээт сурулла илигинэ эрдэ тардыллыбыт. Ону □ бэлиэттэн соһо кырааска аллара ньалбарыйан түспүтэ туоһулуур. Оччотугар иккис устуруока таһымыгар хаалар I (сымнабас С) бэлиэ А-ҕа майгынныыр бэлиэ кэнниттэн туспа бэлиэ быһыытынан аабыллыах кэриннээх. Манна эмиэ туох эрэ кистэлэн кичэллик харалла сыгар.

Рис. 2. Руноподобный знак № 5, исследованный экспертами-криминалистами Дегтяревой Т.П., Омеляненко Д.В. в лабораторных условиях.

2) Киһи хараҕар тамҕа ойуута ситэтэ суоҕа тута бырабыллар, ол курдук бэлиэ уна ойоҕоһо уонна аллараангы иэбиитэ ойууламматах.

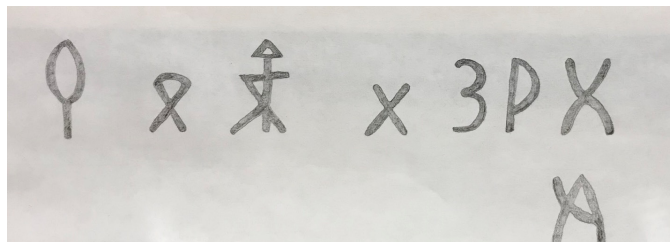

Рис. 3. Срисованная копия Петровской надписи, предоставленная академику А.Н. Бернштам

Сыысхаллаах матырыйаалга олоҕурбут буолан, А.Н. Бернштам ааҕыта (az jінčä äd äb) билигин кэлэн салҕыы чопчуланыах тустаах. Кини ити суругу ааҕарыгар бу барыллаан ааҕы диэн эрдэттэн сэрэтэр. Оттон Рафаилов А.М. «1) Тэгинч дьыэ Өксөкү Эб; 2) Тэгин Ча дьыэ – Өксөкү Эбэ» диэн ааҕыта билим өтүнэн тирэбэ суох буолан тахсар. Онон былыргы түүр тылын чинчийэр учуонайдар бу суругу хос ааҕыахтара, сөпкө анаарыахтара диэн эрэнэбин.

3. Тамҕаны тойоннуурга холонуу.

Тамҕа, аныгы тылынан быһаардахха, дьүһүлгэни (уобараһы) арыйар Им бэлиэ (бэчээт) диэххэ сөп. Ол иһин саха аҕа уустара кимнэрин-туохтарын (ТУСтарын уонна МИНнэрин) арыяаары, тамҕаны тутталлара. Онно кинилэр былаастара, таһымнара, баайдара-дуоллара, туох уратылаахтара барыта түмүллэн көрдөрүллэр.

Бу тамҕаҕа тарбах суола хаалбытын киһи хараҕа балачча арааран көрөр. Итини чинчийэн, онно олобуран, ким суруйбутун (эр киһи/дьахтар), ол киһи хас саастааҕын ыйданардыахпыт дии санаабыппыт. Ону баара, күн-дьыл өксүөнэ өлбүт өбүгэбит тарбаҕын

суолун ситэ-хото көстүбэт гына сотон кэбиспит буолан, эспирдэр ити ыйытыга чопчу хоруйу биэрбэтилэр.

Рис. 4. Руноподобный знак № 2. Тамга.

Тамбаа хас да араҥа номох тэҥинэн хосуҥа сылдыһан сөп. Инньэ гынан тамба ис номоһун тойоннуур уустук, ол да буоллар өбүгэбит бу бэлиэнэн тугу этэ сатаабытын саас-сааһынан быһаарарга холонон көрүүм.

Тамбаа 4 араҥа номох үрүт-үрдүгэр дыапталлан, бэйэ-бэйэтиттэн ситимнээх биир көһөҥө өйдөбүлү үөскэтэр:

1-кы араҥа номох: Хомпоруун Хотой Тойон кыыл (тотем) [6].

2-с араҥа номох: үс кырыылаах төбөлөөх дарабар сарыннаах сөһүргэстээн тулар Эр бэрдэ.

3-с араҥа номох: ытардыы бэлэм сылдыар куоһаммыт кустуктаах оноһостоох ох саа.

4-с араҥа номох: үөһэ диэки ыйар эркээйи, Үрдүкү Күүстэри кэрэһэлиир бэлиэ.

Бу түөрт хос түгэхтээх иһитиннэриини төрдүн түөрэн, ис иһиттэн ситимнээн аахтааха манньк буолар: *Хомпоруун Хотой Тойон кыыллаах, «үс өргөстөөх, абыс кырыылаах»* (уһугун-кырыытын ахсаана итиччэ) *Эр Соботох, «кустук курдук куоһанан, ох курдук оностон»* (үчүгэйдик бэлэмнээн-тэринэн диэн суолтаба), *Үрдүкү Күүстэртэн* (Айыылартан) *көрдөһөн, бу Ытык сиргэ сизэр-туом толордум»*.

Мантан да көстөрүнэн, бу тамба саха омук Тойон ууһун Аба баһылыгын (Дархан, Элэй, Саарын, Тыгын) туһунан төрүт өйдөбүлү бүүс-бүтүннүү сүгэ сылдыар эбит. Онон бу харааха көстөр дьүһүлгэни (визуальный образ) саха омук төрдүн-төбөтүн кэпсиир ытык бэлиэ курдук ылынан, Ил бэлиэтин быһыытынан киэн тутта киэнник туһаныахха сөп этэ.

Түмүк

Саха тылын үөрэхтээхтэрэ Н.К. Антонов уонна И.И. Барашков үлэлэригэр олобуран, *сурук, бичик, ойуу* тизминнэр үөскээһиннэрин төрдө-төбөтө ырытылына. Эспэдииссийэ барыллаан түмүгүнэн, А.Н. Бернштам аабыыта (az jinčä äd äb), сыһалаах куоппуйаба тирэҕирбит буолан, чопчута суоҕа быһаарылына. Онон кэлэр кэмгэ былыргы түүр тылын чинчийээччилэр бу суругунан пааматынньыгы санаттан сөпкө ааҕаллара ирдэнэр. Урууна бэлиэлэрин тиһигэр киирэ сылдыар тамба ис номоһо эмиэ инникитин билим эйгэтигэр хос чопчулааһыны эрэйэр.

Суруктар, тамбалар, ойуулар аһаҕас халлаан анныгар туран, соһо кырааскалара суураллан, таастара көөрөйөн сүтэн-оһон хаалар кутталлаахтар. Бу түн өбүгэбит араас ньыманы туһанан, былыргы быдан дьылларга, ааспыт араллааннаах сахтарга «эппит кэс тылын» харыстыах, кэлэр көлүөнэлэргэ чөл хаалларыах тустаахпыт.

Литература

1. Окладников А.П., Барашков И.И. Древняя письменность якутов. – Якутск: Государственное издательство ЯАССР, 1942. – С. 38.
2. Антонов Н.К. Наследие предков. – Якутск: Нац. кн. изд-во «Бичик», 1993. – С. 85.
3. Антонов Н.К. Былыргы тырк тыла. – Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1970. – С. 9.
4. Бернштам А.Н. Древнетюркское письмо на р. Лена // Эпиграфика Востока (Издательство Академии наук СССР). – 1951. – Т. IV. – № 6. – С. 78.
5. Окладников А.П., Барашков И.И. Древняя письменность якутов. – Якутск: Государственное издательство ЯАССР, 1942. – С. 26.
6. Рафаилов А.М. Руническая надпись на береговой скале Средней Лены // Проблемы востоковедения. – 2010. – 1(47). – С. 68-71.

References

1. Okladnikov A.P., Barashkov I.I. Drevnyaya pis'mennost' yakutov. – Yakutsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo YaASSR, 1942. – S. 38.
2. Antonov N.K. Nasledie predkov. – Yakutsk: Nacz. kn. izd-vo «Bichik», 1993. – S. 85.
3. Antonov N.K. Bylyrgy tyurk tyla. – Yakutskaj: Sakha sirineeҕi kingie izdatel'stvota, 1970. – S. 9.
4. Bernshtam A.N. Drevnetyurkskoe pis'mo na r. Lena // E'pigrafika Vostoka (Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR). – 1951. – T. IV. – № 6. – S. 78.
5. Okladnikov A.P., Barashkov I.I. Drevnyaya pis'mennost' yakutov. – Yakutsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo YaASSR, 1942. – S. 26.
6. Rafailov A.M. Runicheskaya nadpis' na beregovoј skale Srednej Leny // Problemy vostokovedeniya. – 2010. – 1(47). – S. 68-71.

АЛТАИСТИКА

Электронное научное периодическое издание

№ 2 (05) 2022

Технический редактор *Н. П. Артамонова*

Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 29.06.2022. Формат 70x108/16.

Дата выхода в свет 30.06.2022.